

Журнал «Казахстан-Спектр» включен в перечень научных изданий Комитета по надзору и аттестации в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов кандидатских и докторских диссертаций по специальностям:

- 07.00.00 — ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 08.00.00 — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 09.00.00 — ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
- 22.00.00 — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 23.00.00 — ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Содержание

ЗА СТРОКОЙ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА	
Султанов Б.К.	Президент РК Н.А. Назарбаев и актуальные проблемы развития ОБСЕ 5
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ	
Ауелбаев Б.А.	Роль международных организаций в стабилизации ситуации в Афганистане..... 9
Изимов Р.Ю.	Роль ШОС в урегулировании ситуации в Афганистане: позиция Китая..... 21
Тимофеев Л.А.	Национальные интересы Республики Казахстан на Каспии..... 27
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	
Косиченко А.Г.	Роль религии в современном мире и казахстанский опыт выстраивания межрелигиозных отношений..... 35
ЭКОНОМИКА	
Калабаева А.Н.	Мировой опыт инновационного развития. Выводы для Казахстана..... 42
Еспенбетова Б.А.	Реформа пенсионного обеспечения в Казахстане: организационно-управленческие реалии..... 51
Водянова Г.М.	Бизнес-образование на постсоветском пространстве..... 58
Нурманова Б.З.	Синергетический эффект взаимодействия общественного и рыночного секторов экономики..... 69
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ	
Ким Г.Н.	Диаспорология Казахстана в контексте мировой науки..... 72
Булуқтаев Ю.О.	Типологическое разнообразие политических режимов: методологические ориентации..... 84
Карипов Б.Н.	Процесс теоретического оформления консерватизма, превращение его в политическую идеологию..... 92
ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ	
Кульшанова А.А.	Деятельность Казахского революционного комитета по провозглашению советской автономии..... 105
Уалтаева А.С.	Вступление Республики Казахстан в члены ООН (исторический аспект)..... 112
Тохметова Г.М.	Обеспечение продовольственного и медицинского обслуживания в период спецпоселения на примере Павлодарской области..... 120
Нигметжанов К.Г.	Философия мультикультурализма и диалог культур..... 131
Абуов А.Е.	Глобализация: роль и значение культуры для человека 136
РЕЦЕНЗИЯ	
Лаумулин М.Т.	Сыроежкин К.Л. Казахстан — Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. В трех книгах 141
SUMMARY 146	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 150	

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск Н.Б. Сейдин
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садуақасов, А.А. Жумағалиева
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-б.
Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

BETWEEN THE LINES OF THE KAZAKH PRESIDENT'S STATE-OF-THE-NATION ADDRESS	
Sultanov B.K.	President of RK N.A. Nazarbayev and Pressing Issues of the OSCE Development 5
INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY	
Auelbayev B.A.	Role of International Organizations in Stabilization of the Situation in Afghanistan 9
Izimov R.Yu.	The SCO Role in Settlement of the Situation in Afghanistan: Chinese Position 21
Timofeyenko L.A.	National Interests of the Republic of Kazakhstan in Caspian 27
INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES	
Kossichenko A.G.	Religion Role in the Modern World and Kazakhstani Experience in Building of Inter-Religious Relations 35
ECONOMY	
Kalabayeva A.N.	The World Experience of Innovative Development. Conclusion for Kazakhstan 42
Yespenbetova B.A.	Reform of Pension Provision in Kazakhstan: Organizational-Administrative Realities 51
Vodyanova G.M.	Business-Education in the Post-Soviet Territory 58
Nurmanova B.Z.	Synergy Interaction of Public and Market Sector of Economy 69
THEORY AND METHODOLOGY	
Kim G.N.	Diasporology of Kazakhstan in the context of World Science 72
Buluktayev Yu.O.	Typological Variety of Political Regimes: Methodological Orientations 84
Karipov B.N.	Process of Theoretical Registration of Conservatism, its Transformation into Political Ideology 92
HISTORY AND PHILOSOPHY	
Kulshanova A.A.	Activity of Kazakh Revolution Committee on Proclamation of Soviet Autonomy 105
Ualtayeva A.S.	Entry of the Republic of Kazakhstan into the UN Member (Historical Aspect) 112
Tokhmetova G.M.	Guarantee of Food and Medical Service during Special Settlement as an example of Pavlodar Region 120
Nigmatzhanov K.G.	Multiculturalism Philosophy and Culture Dialog 131
Abuov A.Ye.	Globalization: Role and Value of Culture for Human 136
BOOK REVIEW	
Laumulin M.T.	Syroezhkin K.L. Kazakhstan — China: from Bordering Trade to Strategic Partnership. In Three Volumes 141
SUMMARY 146	
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 150	

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музапарова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Абусентова М.Х.** — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Алшанов Р.А.** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор кафедры международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — доктор исторических наук, профессор
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н.** — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шаукенова З.К.** — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор

**Казахстан
Спектр**
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ 2010/4

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seydin
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout A.K. Sadvakasov, A.A. Zhumagalieva
Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 264-34-04. Fax (727) 264-49-95. E-mail: office@kiaz.kz
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of IE "Volkova Ye.V." Almaty. Copies 500.

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Economics
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Alshanov R.A.** — President of “Turan” Educational Corporation, President of Higher Educational Institutions of RK, Doctor of Economics, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Chair, Kazakh National University named after al-Farabi, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Syroyezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Aide to the President — Secretary of National Security Council, Doctor of Social Studies, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shaukenova Z.K.** — Deputy Director of the KazISS under the President of RK, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Президент РК Н.А. Назарбаев и актуальные проблемы развития ОБСЕ

СУЛТАНОВ Б.К.

В своем Послании народу Казахстана «Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана» Президент РК Н.А. Назарбаев большое внимание уделил осуществлению внешней политики страны. Глава государства сформулировал ее философию следующим образом: «...активная, прагматичная и сбалансированная внешняя политика, направленная на обеспечение национальных интересов, повышение международного авторитета страны и укрепление национальной, региональной и глобальной безопасности» [1].

Одним из основных векторов казахстанской внешней политики в этом году является председательство в ОБСЕ. По словам Главы государства, председательство в ОБСЕ, являющееся одним из ключевых механизмов международной безопасности и сотрудничества, в сложнейший период современной истории — это не только высокая честь, но и высочайшая ответственность для страны.

Президент РК Н.А. Назарбаев сформулировал следующие ключевые аспекты казахстанского председательства в ОБСЕ:

- 1) выработка совместных механизмов для предотвращения возможных кризисных ситуаций;
- 2) расширение и укрепление консенсусного поля по основополагающим вопросам безопасности, а также по вопросам самой организации;
- 3) содействие превращению ОБСЕ в структуру, признающую многообразие мира XXI в.

ОБСЕ к началу казахстанского председательства оказалась в глубоком кризисе. Подтверждением этому являлась одиннадцатилетняя пауза с проведением саммита ОБСЕ, которая наглядно продемонстрировала отсутствие согласованности и готовности стран — членов организации к диалогу, выработке консенсусных подходов по основополагающим проблемам развития ОБСЕ.

Все активнее раздавались голоса о том, что ОБСЕ, созданная в самый разгар «холодной войны», не способна адаптироваться к новым геополитическим реалиям. Некоторые государства выдвинули даже предложение о роспуске организации.

В этих условиях Президент РК Н.А. Назарбаев занял принципиальную позицию в пользу ОБСЕ, заявив о том, что в настоящее время ОБСЕ является организацией, которую ничем заменить, поскольку она — это один из ключевых

механизмов безопасности и сотрудничества не только в Европе и Северной Америке, но и в Азии.

Глава Казахстана обосновал этот тезис не только уникальным географическим составом 56-ти государств — участников организации, располагающим наработанным опытом в период после Хельсинкского саммита в 1975 г., но и опытом политического взаимодействия и экономического сотрудничества, накопленным за прошедшие годы. Стагнация или исчезновение ОБСЕ, подчеркнул Президент Н.А. Назарбаев, могут создать опасный вакуум на пространстве от Ванкувера до Владивостока.

Поэтому Глава Казахстана призвал лидеров стран, входящих в ОБСЕ, проявить политическую волю, прервать затянувшуюся паузу (ранее саммиты проводились каждые два-три года: Париж, 1990 г., Хельсинки, 1994 г., Будапешт, 1994 г., Лиссабон, 1996 г., Стамбул, 1999 г.) и провести саммит, приступив тем самым к осмыслению новых реалий XXI в.

14 января сего года в своем видеообращении к Постоянному совету ОБСЕ Президент РК Н.А. Назарбаев официально внес предложение о созыве встречи в верхах в рамках казахстанского председательствования в этой организации.

Возможную повестку саммита Президент РК Н.А. Назарбаев сформулировал следующим образом: актуальные проблемы безопасности и сотрудничества в зоне ответственности ОБСЕ, ситуация в Афганистане, адаптация ОБСЕ к непростым вызовам, стоящим перед народами государств, входящих в организацию, выработка адекватных ответов на угрозы, возникшие перед человечеством, вопросы толерантности.

К сожалению, в связи с апрельско-июньскими событиями в Кыргызстане, возникла необходимость включить в повестку дня саммита вопросы о развитии ситуации в Кыргызстане и принятии коллективных мер по недопущению превращения этой страны во «второй Афганистан».

Как показало время, лидеры стран — членов ОБСЕ согласились с доводами Президента РК Н.А. Назарбаева.

3 августа нынешнего года Совет министров иностранных дел государств — участников ОБСЕ принял решение о проведении саммита этой организации в Астане 1—2 декабря 2010 г.

Решение о проведении саммита ОБСЕ в казахстанской столице является в том числе и результатом успешного председательствования нашей страны в этой важнейшей международной организации.

Высокий темп и рабочий настрой казахстанского председательствования были заданы Посланием Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана» и видеообращением Главы государства к Постоянному совету ОБСЕ 14 января сего года.

Всеобщее понимание и одобрение мировой общественности вызвал лаконичный и глубокий по содержанию девиз казахстанского председательствования: доверие, традиции, транспарентность, толерантность.

Основополагающим стержнем казахстанского председательствования является идея о превращении ОБСЕ из европейско-атлантической в евро-азиатскую организацию.

Такой подход объясняется видением Президента РК Н.А. Назарбаева мирового развития, в соответствии с которым обеспечить европейскую безопасность без учета азиатского измерения безопасности невозможно. Поэтому нашей страной было запущено в оборот понятие «евро-азиатская безопасность», которое вошло в практический лексикон как дипломатов, так и экспертов.

Именно Казахстан, имеющий доверительные и конструктивные отношения как с новыми независимыми государствами на постсоветском пространстве, так и со странами, входящими в евро-атлантические организации и структуры, смог внести существенный вклад в налаживание отношений между государствами — членами ОБСЕ, расположенными к востоку и западу от Вены.

Актуальным представляется налаживание сотрудничества между ОБСЕ и Организацией «Исламская конференция» (ОИК), в которой Казахстан будет председательствовать в 2011 г. Сотрудничество между ОБСЕ и ОИК возможно в рамках диалога цивилизаций и религий, включая следующие проблемы: современное понимание международного права, миграционные вопросы, проблемы интеграции мусульманских общин в европейских странах, права мусульманских женщин и молодежи в западных обществах.

Казахстан, наряду с председательством в ОБСЕ, в июне нынешнего года приступил к председательству в другой авторитетной международной организации — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Одним из основных приоритетов казахстанского председательствования в ШОС является поддержание мира и стабильности в Центральной Азии, в том числе путем налаживания сотрудничества этой организации с ОБСЕ.

Поэтому вполне логично, что Казахстан выступает за активизацию и повышение эффективности борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, наркотрафиком, нелегальной миграцией, организованной преступностью и другими новыми угрозами путем установления всеобъемлющего сотрудничества между евро-атлантическими организациями (ЕС, НАТО) и евразийскими структурами (ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС).

Важным тезисом казахстанского председательствования является вывод о том, что безопасность на пространстве ОБСЕ неотделима от безопасности государств, граничащих со странами, входящими в организацию. В этой связи Казахстан уделяет особое внимание социально-экономическому восстановлению Афганистана как на двустороннем уровне, так и в качестве координатора деятельности 56-ти государств, входящих в ОБСЕ.

Настоящим экзаменом для ОБСЕ и для Казахстана как председателя этой организации явились события в Кыргызстане, где в настоящее время установилось хрупкое равновесие. Казахстан оказывал и оказывает помощь соседнему Кыргызстану как в качестве председателя ОБСЕ, так и на двусторонней основе. Созданная казахстанско-киргизская многоотраслевая рабочая группа занимается оказанием Кыргызстану безотлагательной помощи.

В апреле этого года Казахстан направил семена, удобрения, а также 3700 тонн дизельного топлива. В результате в Кыргызстане были успешно завершены весенне-полевые работы. Из Казахстана Кыргызстану направляется гуманитарная

помощь на сумму 11,5 млн долл. США, в частности, уже поставлено в качестве гуманитарной помощи 1800 тонн риса, 128 тонн гречневой крупы. Для строительства и ремонта жилья в Ошскую и Джалал-Абадскую области Кыргызской Республики направлено 184 тонны металлического шифера, 29 вагонов древесины. По словам посла Кыргызстана в РК, «...ни одна страна, за исключением Казахстана и России, реально нам пока не помогла».

В настоящее время казахстанскими и киргизскими экспертами подготовлена программа экономического возрождения Кыргызстана, которая будет рассмотрена на международной донорской конференции в октябре 2010 г. в Алматы. Киргизская сторона оценивает свою потребность в помощи в размере 1,286 млрд долл. США.

Положительная оценка председательства Казахстана в ОБСЕ была высказана на 19-й Ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ, состоявшейся 6—10 июля нынешнего года в Осло. В частности, председатель ПА ОБСЕ Жоао Соареш заявил: «Казахстан выполняет свое председательство в организации с исключительным динамизмом».

Позитивно было оценено председательство Казахстана в ОБСЕ на неформальной встрече министров иностранных дел государств — участников ОБСЕ (Алматы, 16—17 июля с.г.). По словам министра иностранных дел Франции Бернара Кушнера, активная деятельность Казахстана в ОБСЕ явилась большой удачей для всей организации. Председательство Казахстана в ОБСЕ, подчеркнул французский дипломат, является стабилизирующим элементом в момент, когда Центральная Азия переживает серьезный кризис, и дает возможность привлечь внимание к этому региону в качестве одного из приоритетов ОБСЕ. Б. Кушнер также поддержал позицию Казахстана относительно эволюции ОБСЕ из евроатлантического в евро-азиатское сообщество по безопасности.

Во многом такие оценки со стороны западных политиков вызваны пониманием необходимости возрождения «духа Хельсинки», коренного реформирования самой ОБСЕ, адаптации ее к условиям многополярного мира.

И мы надеемся, что на декабрьском саммите в центре Евразии — в казахстанской столице Астане с участием лидеров 56-ти государств — участников ОБСЕ будет осуществлена «перезагрузка» этой важнейшей международной организации, определены стратегические направления ее развития уже в новом качестве — как евро-азиатской — в принципиально новых геополитических и геоэкономических условиях современного глобального развития.

В этой связи особую актуальность представляет инициатива Президента РК Н.А. Назарбаева о проведении форума ОБСЕ — СВМДА. Как известно, СВМДА является крупнейшей международной организацией, созданной по инициативе Н.А. Назарбаева и объединяющей практически все государства Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. — Астана, 2010. — С. 68—69.

Роль международных организаций в стабилизации ситуации в Афганистане

АУЕЛБАЕВ Б.А.

Текущий год за всю историю после становления Исламской Республики Афганистан оказался достаточно насыщенным на политические события.

Во-первых, были озвучены мнения о конкретных сроках вывода иностранного контингента с афганской территории. В русле изменений внешнеполитических приоритетов новой администрации США, президент Б. Обама в своей речи на военной базе Fort Bliss в штате Техас заявил, что скорость вывода американских войск из Афганистана будет зависеть от обстановки в этой стране и предположительно должен начаться в конце июля 2011 г. [1]. Советник президента США по национальной безопасности генерал Д. Джонс, выступая в Вашингтонском институте Center for American Progress, по этому поводу уточнил, что настоящая дата является всего лишь началом передачи полномочий по обеспечению безопасности в Афганистане афганским властям [2].

Примерно таких же позиций придерживаются и союзники США по военному альянсу. К примеру, канцлер ФРГ А. Меркель 27 января 2010 г. в бундестаге объявила, что Германия приступит к поэтапному выводу войск из Афганистана самое позднее в будущем году и постарается завершить эту операцию в 2014 г. [3]. Премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон высказал мнение о завершении военной кампании британскими войсками в Афганистане в 2011 г., с учетом складывающейся обстановки в этой стране. К данной политике склоняется канадское руководство, а Нидерланды уже в этом году сворачивают свой военный контингент на афганской территории [4].

На Международной конференции по Афганистану в Кабуле (20 июля т.г.), в которой приняли участие делегации около 70-ти стран, было признано, что ситуация в стране остается сложной и дата вывода войск коалиции переносится на 2014 г. [5]. Тем не менее за все время нахождения иностранных войск в Афганистане новая политика США по ограниченному (неполному) сворачиванию своих войск в Ираке и Афганистане обозначила точку отсчета срока своего военного влияния на афганской территории.

Во-вторых, во внутренней политике Афганистана происходят достаточно сложные процессы: вслед за президентскими выборами 2009 г. долгое время разрешается вопрос формирования правительства. Со 2 по 4 июня в Кабуле была проведена совещательная Джирга мира — всенародное совещательное

собрание Афганистана. Джирга подняла вопросы разработки программы примирения с вооруженной оппозицией, реинтеграции талибов в мирную жизнь и выработки механизмов переговорного процесса с представителями неприимой вооруженной оппозиции, а также освобождения всех заключенных, арестованных иностранными войсками на «основе недостоверных сведений» и мер по вычеркиванию имен ряда лидеров талибов из «черного списка» Совета безопасности ООН. Проведенные 18 сентября парламентские выборы в Афганистане также происходили на фоне дискуссии по вопросам национального примирения и подготовки к передаче ответственности афганским вооруженным силам за обеспечение безопасности на территории страны. Эти события свидетельствуют об усиливающейся тенденции в среде афганских политических элит и общества играть более самостоятельную роль в стране перед фактом бесперспективности силового сдерживания внутривнутриполитической борьбы со стороны внешних сил.

В-третьих, серия скандальных эпизодов, связанных со сменой руководства Центрального командования вооруженных сил США, докладом председателя подкомитета Палаты представителей США Найта Лоуи и отчетом аудитора США по многочисленным фактам злоупотреблений, наркомании и коррупции в афганской армии, а также появление в сети Интернет более 90 тысяч документов НАТО, стала свидетельством низкой эффективности военной кампании сил коалиции в Афганистане. В этом отношении у мирового сообщества появились сомнения о перспективном характере окончания военной миссии международных войск в составе ISAF, что вызывает большую озабоченность как у соседних с Афганистаном государств, так и в мире в целом. В этой связи возникают три вопроса: выполнит ли международный контингент свою миссию, станут ли эти меры половинчатыми или же с уходом последних миротворцев афганское общество ввергнется в ожесточенный гражданский конфликт. Поэтому, после обозначения своего временного положения ISAF и НАТО в Афганистане, надежда возлагается на другие международные структуры безопасности, способствующие если не полностью урегулированию ситуации в этой стране, то хотя бы ограничению дестабилизирующего воздействия с ее территории.

Для стран Центральной Азии афганская проблема также не является отвлеченной темой. Три республики — Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан непосредственно граничат с Афганистаном, Казахстан и Кыргызстан хотя и не имеют общих границ с этой страной, но также ощущают на себе распространение негативных факторов с ее территории. В этой связи приоритетной задачей обеспечения региональной и национальной безопасности центральноазиатских стран остается поиск путей выхода из кризисной ситуации, связанной с ростом новых угроз со стороны Афганистана. Здесь необходимо отметить, что взгляды и позиции по этой проблеме среди руководителей центральноазиатских республик практически едины.

К примеру, в статье лидера казахстанского государства Н. Назарбаева «Судьба и перспективы ОБСЕ» отмечено, что «военного решения афганской проблемы не существует. Казахстан, как и многие другие страны, искренне заинтересован

в стабильном и мировом Афганистане и будет концентрировать усилия, прежде всего, на проектах гуманитарного характера» [6].

В выступлении президента Республики Узбекистан И. Каримова на пленарном заседании Саммита ООН «Цели развития тысячелетия» было сказано, «что военного решения афганской проблемы нет, а избранная стратегия коалиционных сил по умиротворению Афганистана не дает ожидаемых результатов. Каждый день продолжения войны еще более усугубляет бедственное положение народа Афганистана и еще больше осложняет решение самой проблемы. В складывающейся ситуации чрезвычайно важен поиск альтернативных путей достижения мира и стабильности в Афганистане. В их числе, по нашему мнению, существенную роль могло бы сыграть создание под эгидой ООН контактной группы “6+3”, предложенной Узбекистаном еще в 2008 г. Смысл и суть нашей инициативы исходят из того, что проблемы своей страны должны решаться самими афганцами при содействии тех стран, которые, исходя из своих интересов безопасности, заинтересованы в окончании войны и стабильном будущем Афганистана» [7].

В озвученном докладе на 37-й сессии СМВД ОИК президент Республики Таджикистан Э. Рахмон отметил, «что проблема Афганистана не имеет лишь только военного решения и этот вопрос требует от всех нас коллективных действий, в которых учитывались бы все факторы и, что самое важное, реалии. Поэтому проекты и программы должны быть усилены социальной и воспитательно-просветительской составляющей. Мы поддерживаем любые начинания в области миротворчества и считаем, что международная стратегия действий в этой стране, прежде всего, должна опираться на народ Афганистана и созидательное сотрудничество с официальными властями» [8].

В выступлении на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Туркменистана Г. Бердымухамедов также заверил, что «Туркменистан понимает и поддерживает усилия руководства Афганистана, направленные на урегулирование ситуации переговорными средствами, создание в стране атмосферы национального согласия и примирения. Это соответствует нашему видению перспектив развития внутриафганских процессов. Полагаем необходимым оказание афганским партнерам всяческого содействия со стороны мирового сообщества» [9].

Таким образом, приведенные выше высказывания первых лиц республик Центральной Азии свидетельствуют о том, что страны региона кровно заинтересованы в становлении дееспособного и стабильного афганского государства, а также его интеграции в региональное и международное сообщество.

В то же время Афганистан в современном мире является сложным и одновременно важным геополитическим узлом в глобальной стратегии ряда влиятельных в мире субъектов. Для стран Запада он является продолжением центральноазиатского направления стратегии, в частности США за все последнее время активно стремятся приобщить Центральную Азию к решению афганской проблемы. С 2001 г. на территории ряда республик ЦА были размещены американские и натовские военные базы. С 2008 г. через регион стала налаживаться система северных транзитных перевозок грузов для нужд западной военной коалиции. При содействии американского правительства и международных финансовых инсти-

тутов (АБР и ВБ) активно разрабатывается энергетический проект КАСАРЕМ/CASAREM и другие транспортно-коммуникационные проекты. Подобные планы, связывающие центральноазиатские республики с Афганистаном, также разрабатывают и реализуют Китай, Иран, Индия и Пакистан.

Для определенных политических кругов России сложная военно-политическая ситуация в Афганистане рассматривается, с одной стороны, как определяющее положение транспортного и энергетического тупика с юга границ Центральной Азии, с другой — Центральноазиатский регион расценивается в качестве «мягкой» защиты южных российских рубежей от угрозы распространения радикальных исламистских идей и движений.

Одновременно с этим для Центральной Азии Афганистан приобрел свое неоднозначное значение. Афганская территория дает возможность центральноазиатским республикам диверсифицировать направления торгового, транспортного и энергетического развития. Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан активно изыскивают возможности экспорта электроэнергии Афганистану и государствам Южной Азии, узбекское, таджикское и туркменское руководства планируют и строят железнодорожные и автомобильные дороги от границ республик в глубь афганской территории, в то же время для Туркменистана актуальным проектом остается реализация Трансафганского газопровода.

Тем не менее общими угрозами для стран Центральной Азии остаются:

- наркотрафик и нелегальное распространение наркотических средств;
- распространение идей религиозного экстремизма и международного терроризма;
- усиление влияния на политический процесс со стороны ОПГ;
- базирование вооруженных оппозиционных формирований;
- кооперация деятельности деструктивных сил на территории Афганистана.

Принято считать, что данные угрозы исходят не только от непримиримой афганской оппозиции, объединенной движением «Талибан», а также различного рода неафганских вооруженных террористических и сепаратистских группировок, в том числе «Аль-Каиды», разного рода авантюристов и наемников, для которых территория Афганистана стала убежищем.

В этой связи для стран Центральной Азии становится актуальным вопрос координации усилий по предотвращению нетрадиционных угроз и вызовов в рамках международных организаций и региональных структур безопасности. Вопросы, связанные с решением афганской проблемы, обсуждаются на международных диалоговых площадках и организациях, в которых присутствует осознание того, что урегулирование ситуации в Афганистане требует применения комплексного подхода в решении существующих задач. Как уже было указано выше, использование только силовых методов решения проблем в Афганистане демонстрирует свою неэффективность и в этой связи актуализируется вопрос о создании условий для нормального социально-экономического развития этой страны. В настоящее время содействие «внешней помощи» для формирования новой афганской государственности является жизненно необходимым.

На территории Афганистана действует большое количество международных организаций, призванных содействовать ИРА в сфере безопасности, устойчивого развития экономики, соблюдения прав человека и др. В то же время главными из них на сегодняшний день остаются *Международные силы содействия безопасности* (International Security Assistance Force — ISAF), действующие на территории Афганистана с 2001 г. ISAF является международным войсковым контингентом, возглавляемым НАТО и действующим в ИРА в соответствии с резолюцией №1386 Совета Безопасности ООН. Главной задачей ISAF является поддержка афганского правительства, для чего международные силы вместе с Национальными силами безопасности Афганистана проводят военные операции по всей стране и напрямую участвуют в развитии Афганской Национальной Армии (АНА) и Афганской национальной полиции (АНП) через *Тренировочную миссию НАТО — Афганистан*.

Оказание содействия АНП в пределах сил и средств — одна из ключевых вспомогательных задач ISAF. В этой области они взаимодействуют и предоставляют поддержку США, а также *Полицейской миссии Евросоюза в Афганистане* (ЕВРОПОЛ), которая началась в июне 2007 г. Вместе с тем в рамках международного контингента также реализуется международная инициатива — *«Группа реконструкции провинций» (ГРП)*, выполняющая функции содействия восстановлению и развитию Афганистана.

В настоящее время военная поддержка со стороны международной коалиции является основной сдерживающей силой от масштабной дестабилизации ситуации в Афганистане и глубокого гуманитарного кризиса. Несмотря на усиливающуюся критику в мировых СМИ по поводу действий НАТО и ISAF, именно эти структуры берут на себя всю тяжесть ответственности за военно-политическую обстановку на афганской территории. Если рассматривать характер и принадлежность других присутствующих международных организаций на афганской территории (*в приложении*), то становится ясным, что при выводе военизированных международных структур зарубежные гуманитарные и неправительственные учреждения сразу же свернут там свою деятельность.

В этом случае страны Центральноазиатского региона содействуют военной миссии НАТО и ISAF, создавая для них условия транзита поставок грузов военнослужащим и тылового обеспечения, в чем имеется взаимная заинтересованность. Предостережение о том, что силовой метод воздействия не имеет эффекта, направлено больше на перспективные сценарии развития ситуации с учетом ухудшающейся обстановки в Афганистане. В случае пораженческого ухода военизированных международных сил, государства Центральной Азии напрямую столкнутся с угрозой распространения нестабильности с афганской территории в Центральноазиатский регион. В этом отношении со стороны республик региона наблюдается сдержанная (некритичная) позиция к характеру действий данных международных организаций и в тот период времени, за который они смогут сдерживать угрозу военного конфликта, необходимо определить тенденции мирного выхода из афганского кризиса во многом за счет региональных международных организаций.

В создании возможных механизмов локализации угроз, исходящих с территории ИРА, определенную роль играют *региональные структуры безопасности — ОДКБ и ШОС*. Данные организации имеют многопрофильный характер деятельности, в состав участников которых входит ряд стран ЦА. В контексте афганской проблематики это создает хорошие предпосылки для привлечения к урегулированию ситуации вокруг Афганистана ресурсов не только двух таких крупных держав, как Россия и Китай, являющихся членами СБ ООН, но и Ирана, Пакистана и Индии, которые являются наблюдателями в ШОС. В качестве одного из механизмов в данном направлении можно рассматривать деятельность *Региональной антитеррористической структуры (РАТС)*, а также созданной в ноябре 2005 г. *Контактной группы ШОС — Афганистан*. С проведением в Москве в марте 2009 г. специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС, деятельность и состав контактной группы заметно расширились. В ней приняли участие не только представители государств — членов организации, но и другие страны, международные организации, включая ООН. Участники московской конференции признали, что нормализация обстановки в Афганистане предполагает комплексный подход, сочетающий силовые методы подавления терроризма и нелегального оборота наркотиков с помощью социально-экономического восстановления этой страны. Отмечена необходимость на качественно новом уровне координации международных усилий. В этом отношении в рамках ШОС также открывается возможность продвижения инициативы Узбекистана «6+3» как наиболее действенной геополитической конфигурации по урегулированию межафганского конфликта.

В то же время региональные международные структуры безопасности ШОС и ОДКБ пока активно не вмешиваются в афганскую проблематику и их позиции скорее имеют оборонительный характер. Для государств — членов ШОС угроза международного терроризма, экстремизма и сепаратизма прямо и небезосновательно связывается с ситуацией в Афганистане. В этом плане ряд китайских исследователей подчеркивают необходимость активного участия ШОС в разрешении афганской проблемы или разделении ответственности с США и НАТО. В частности, существует мнение, что в среднесрочной перспективе в ШОС необходимо создать механизм диалога с НАТО и США с целью ведения совместной борьбы с региональными террористическими силами, а также обеспечивать безопасность совместными усилиями. При этом в качестве первостепенной задачи указываются меры по недопущению потенциального структурного конфликта между ШОС, США и НАТО в геополитической и военной сфере [10]. При всей разности подходов китайских авторов к оценке роли и перспектив ШОС в Афганистане, большинство из них признают необходимость расширения зоны ответственности организации. На данном этапе для китайского руководства приоритетным является закрепление своих экономических позиций в Афганистане и в этом направлении Китай уже осуществляет проект по разработке медного месторождения «Айнак» в Северном Афганистане. Китайская компания China Metallurgical Group планирует инвестировать в месторождение «Айнак» 3,5 млрд долл. США [11].

Позиции китайских экспертов не разделяют российские политики и исследователи, хотя общим для них является негативное восприятие американского проекта о воссоздании «Большой Центральной Азии». На центральноазиатском направлении внешней политики России в решении военных вопросов приоритет отдается ОДКБ, соответствующими инструментариями которой являются *Рабочая группа при СМВД ОДКБ по Афганистану*, а также созданные в последнее время *Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ*. С точки зрения экспертов, задачи ОДКБ могут реализовываться в форме создания режима безопасности по линии границ между центральноазиатскими странами и Афганистаном, а также в форме оказания технической и гуманитарной помощи афганскому руководству.

В направлении сближения позиций республик Центральной Азии, России и Китая стало институциональное оформление взаимодействия между ОДКБ и ШОС, выразившееся в подписании документов о сотрудничестве между их секретариатами в 2007 г. В частности, актуальной задачей, стоящей перед этими международными организациями, становится противодействие нарастающему росту транзита наркотиков. К примеру, Секретариатом ОДКБ предложен к обсуждению план совместных мероприятий с ШОС по активизации борьбы с наркотрафиком из Афганистана. Между сторонами налаживаются контакты по линии РАТС ШОС в Ташкенте.

Несмотря на это, ШОС и ОДКБ выстроили нейтральную позицию к военно-политической миссии НАТО и Международной коалиции в Афганистане, имеются определенные перспективы взаимодействия между данными региональными структурами. В частности, сотрудничество с НАТО могло бы реализовываться через Специальную контактную группу ШОС по Афганистану и Рабочую группу при СМВД ОДКБ по Афганистану. Хорошие основы для взаимодействия с ЕС создает принятая Стратегия Евросоюза в отношении стран Центральной Азии, предусматривающая ряд мер по стабилизации ситуации в Афганистане, прежде всего, в сфере контроля границ и борьбы с наркотрафиком, а также по налаживанию конструктивного диалога с региональными структурами в Центральной Азии. Такое взаимодействие может осуществляться в рамках конкретных программ ЕС, таких, в частности, как *CADAP (План действий по борьбе с наркотиками в Центральной Азии)*, *ВОМСА (Программа по управлению границами в Центральной Азии)*.

Большой потенциал возможностей содействия урегулированию ситуации в Афганистане имеет *Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)*. Более того, Казахстан, председательствующий в данной организации в 2010 г., инициирует ее активное участие в решении афганской проблемы. Как известно, 43 из 56-ти стран — членов ОБСЕ, так или иначе, задействованы в военных операциях и в восстановлении экономики в Афганистане. Аргументом интенсификации усилий ОБСЕ на евразийском направлении и отдельно на решении вопросов афганского социально-политического и экономического кризиса является неделимость принципа безопасности.

Также важным доводом к изменению тенденций с военного решения афганской проблемы на социальное взаимодействие и экономическое становление

Афганистана должна стать финансовая статья расходов, которая бы указывала на чрезмерность затрат странами НАТО на военную кампанию. К примеру, по мнению экспертов, из исследовательской организации «Проект — национальные приоритеты» затраты только США на военные операции в Афганистане и Ираке уже превысили 1 трлн долл. США. В докладе подчеркивается, что если бы затраченная на военную кампанию сумма была бы направлена в гражданские сферы, то этих денег хватило бы для оплаты обучения в колледжах в течение девяти лет 19 миллионам студентов [12].

Важным событием председательства Казахстана в ОБСЕ является подготовка к Астанинскому саммиту глав государств и правительств, который даст дальнейший импульс развитию организации, в том числе и выработке общей позиции в отношении мер содействия стабилизации ситуации в Афганистане. Из всех поднимаемых тем повестки дня данного мероприятия можно отдельной строкой сосредоточить внимание членов организации на постепенный переход от дорогостоящего финансирования военных кампаний к инвестированию социально-экономического и культурного развития Афганистана. Было бы желательным, если каждая страна — член ОБСЕ, в соответствии со своим ресурсным потенциалом, возьмет на себя обязательства проведения образовательной политики по отношению к афганской молодежи.

В данном контексте важную роль играет такая диалоговая площадка, как *Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)*, имеющая схожую цель с ОБСЕ в сфере безопасности. Учитывая то, что состав этого форума достаточно разнообразен и охватывает страны регионов АТР, Южной и Центральной Азии, Среднего и Ближнего Востока с их особенной культурой, специфическими возможностями и проблемами, целесообразно создание профильных консультативных площадок по безопасному развитию Азии, которые были бы интересны исключительно для всех его членов. Например, регулярный диалог между правоохранительными органами государств — участников форума по противодействию незаконного оборота наркотиков и противодействию деятельности ОПГ. В плане развития толерантного отношения между азиатскими государствами первым шагом должна стать выработка общих этических правил освещения конфликтных тем в зоне СВМДА, направленных на политический характер решения проблем.

Важной площадкой содействия решению афганской проблемы становится Организация «Исламская конференция» (ОИК), в рамках которой принят ряд основополагающих документов, регулирующих взаимоотношения мусульманских стран в сфере безопасности, экономического и гуманитарного содействия. В их числе находится Резолюция ОИК №10/36-POI о положении в Афганистане. Также казахстанские инициативы развития диалоговой площадки в рамках СВМДА и сотрудничества между исламской и европейской структурами безопасности были поддержаны Резолюцией ОИК №31/36-PDL. Организация «Исламская конференция» проявляет свою заинтересованность в активизации диалога с западными партнерами, и в этом направлении ее деятельности Казахстану отводится определенная роль. Пройдя активный период председательства в ОБСЕ (одной из

основных структур европейской безопасности), у казахстанской дипломатии при вступлении на роль модератора в ОИК уже будет иметься определенный задел для того, чтобы задействовать новый механизм «диалога цивилизаций». То есть поставить вопрос перехода от пассивного ведения диалога к активному взаимодействию на основе паритета между исламским миром и западными странами. К примеру, можно продолжить и расширить тему мирного разрешения афганской проблемы, противодействия угрозам распространения международной преступности и наркотрафика, а также других конфликтогенных факторов с совместным использованием ресурсов ОБСЕ и ОИК.

Наиболее активными экономическими партнерами Афганистана выступают следующие организации: *Всемирный банк (ВБ)*, *Азиатский банк развития*, *Исламский банк развития*, *Международный валютный фонд* и др. Главным финансовым «движителем» развития страны является *Международный фонд реконструкции Афганистана (ФРА)*. С момента создания, в 2002 г., фонду удалось привлечь на нужды ИРА 3,6 млрд долл. США. ФРА осуществляет свою деятельность под управлением Всемирного банка и специального Комитета, состоящего из Азиатского банка развития, Исламского банка развития, Программы развития ООН и ВБ. С 2010 по 2013 г. Фонд намерен выделить Афганистану финансовые средства на сумму в 2,6 млрд долл. США, что на 32% больше выплат в предыдущие три года.

Между тем Международная ассоциация развития (МАР), входящая в структуру Всемирного банка, также активно участвует в развитии Афганистана. В частности, МАР принимает участие в финансировании третьей фазы *Национальной программы солидарности (National Solidarity Program)*, которая считается одной из самых успешных национальных программ развития страны.

Вместе с тем следует также выделить деятельность *Азиатского банка развития (АБР)*. В целом совокупная экономическая поддержка Афганистану со стороны АБР — кредиты, гранты, гарантии, техническая помощь, софинансирование — составляет порядка 2,1 млрд долл. США. Тем самым ИРА является 18-м крупнейшим заемщиком АБР в мире.

Следует отметить, что предоставленный кредит АБР в 2002 г. Афганистану в размере 167,18 млн долл. США в рамках Постконфликтной многосекторальной программы стал первым кредитом ИРА за 23 года, полученным от международного финансового института. В настоящее время финансирование со стороны АБР реализуется в рамках соглашений, достигнутых в 2008 г. на парижской конференции по Афганистану, где банк обязался выделить ИРА 1,3 млрд долл. США в период с 2008 по 2013 г. В этой связи АБР является четвертым крупнейшим донором Афганистана.

По просьбе афганской стороны, основная сфера финансирования затрагивает следующие направления: энергетика, транспортные сети, ирригация и сельское хозяйство.

Операционная связь между АБР и правительством ИРА, а также частным сектором и гражданским обществом обеспечивается с помощью *Постоянной Миссии в Афганистане (Afghanistan Resident Mission — AFRM)*, созданной АБР в 2003 г.

ПМА непосредственно участвует в обсуждении политики и выступает в качестве информационной базы для реализации проектов развития в ИРА.

Таким образом, противодействие угрозам и вызовам, исходящих с территории Афганистана, требует объединения усилий целого ряда государств и международных организаций. В данном контексте действующие в Центральной Азии региональные объединения в тесном сотрудничестве с другими международными институтами могут сыграть важную роль в решении афганской проблемы, способствуя тем самым реализации глобальной концепции мультиполярного мира.

Приложение

Международные гуманитарные организации и НПО, действующие в Афганистане

Международные гуманитарные организации:

Международная организация по миграции
Всемирная организация здоровья
Миссия поддержки ООН в Афганистане
Всемирный банк
Агентство ООН по беженцам
ЕС — Афганистан
ЮНЕСКО
ООН по правам человека
Фонд развития ООН для женщин
Программа развития ООН

Структуры, координирующие НПО:

Бюро координации НПО в Афганистане
Британские агентства афганской группы
Офис безопасности афганских НПО
Учреждение по микрофинансовым инвестициям для Афганистана

Зарубежные неправительственные организации:

Афганцы для гражданского общества (США)
Исламская поддержка (ВБ)
Международная поддержка Афганистану (Канада)
Продовольствие для голодающих (США)
Помощь Афганистану (США)
МЕДАЙР (Швейцария)
КАРЭ (США)
Организация поддержки Афганистану (США)
Международная гуманитария для мира и процветания (США)
Афганское благосостояние (Пакистан)
Шухада (Пакистан)

Международный медицинский отряд (США)

ЮСАЙД (Правительство США)

Глобальные права (США)

Афганская связь (ВК)

Христианская помощь (ВК и Ирландия)

Забота по всему миру (Ирландия)

АДРА (Германия)

АКТЕД (Франция)

Каритас (Германия)

Глобальное партнерство для Афганистана (США)

Международная миссия помощи (США)

ИНТЕРСОС (Италия)

МЕРЛИН (ВК)

Руки мусульман (ВК)

Афганско-американская коммерческая палата

Интерьююз (США)

Инициатива Афганистан (Германия)

Завтрашний Афганистан (США)

Афганские школы (ВК)

Права и демократия (Канада)

Школа лидерства (США)

НПО, сфокусированные на правах женщин:

Афганская миссия женщин (США)

Революционная ассоциация женщин Афганистана

Сеть афганских женщин

Совет женщин Афганистана

Центр образования для афганских женщин

Глобальный фонд женщин (США)

Гуманитарная помощь для женщин и детей Афганистана

Инициатива по предоставлению образования для женщин Афганистана

НПО, сфокусированные на правах детей:

Помощь афганским детям (США)

Дети войны (США)

Дети в кризисе (ВК)

Помощь афганским школам для детей (Австрия)

Спасение детей (США)

ЛИТЕРАТУРА

1. Барак Обама. Скорость вывода войск из Афганистана будет зависеть от обстановки в этой стране // Информационное агентство TREND. — 2010 // <http://ru.trend>. (Дата доступа: 01.09.2010).

2. США в 2011 году передадут полномочия в Афганистане местным властям // РИА Новости. — 2010 // <http://www.rian.ru>. (Дата доступа: 25.01.2010).
3. Ангела Меркель. Постепенный вывод войск из Афганистана начнется уже в 2011 году // Deutsche Welle. — 2010 // <http://www.dw-world>. (Дата доступа: 27.01.2010).
4. Войска Нидерландов уходят из Афганистана // KM.RU. — 2010 // <http://news.km.ru>. (Дата доступа: 02.08.2010).
5. Вывод войск НАТО из Афганистана отложен // NEWSru.com. — 2010 // <http://www.newsru.ru>. (Дата доступа: 20.06.2010).
6. Назарбаев Н.А. Судьба и перспективы ОБСЕ // Известия. — 2010, 28 января.
7. Выступление президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на пленарном заседании Саммита ООН «Цели развития тысячелетия». Нью-Йорк, 20 сентября 2010 г. // Пресс-служба президента Республики Узбекистан. — 2010 // <http://www.president.uz>. (Дата доступа: 20.09.2010).
8. Выступление президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на 37-й сессии Совета министров иностранных дел государств — участников Организации «Исламская конференция». Душанбе, 18 мая 2010 г. // Пресс-служба президента Таджикистана. — 2010 // <http://www.president.tj>. (Дата доступа: 18.05.2010).
9. Выступление президента Туркменистана на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, 20 сентября 2010 г. // Туркменистан.ru. — 2010 // <http://www.turkmenistan.tj>. (Дата доступа: 21.09.2010).
10. Чжан Цзяньчун, Пан Гуан. Вектор развития ШОС в контексте обеспечения региональной безопасности и его воздействие // Исследовательский центр ШОС при ШАОН // <http://www.coscos.org.cn>. (Дата доступа: 26.04.2008).
11. Изимов Р.Ю. Роль ШОС в урегулировании ситуации в Афганистане: позиция Китая // Время Востока. — Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП) // <http://www.easttime.ru>. (Дата доступа: 01.10.2010).
12. Эксперты: затраты США на военные операции в Афганистане и Ираке превысили 1 триллион долларов // Голос России. — 2010 // <http://rus.ruvr.ru>. (Дата доступа: 10.06.2010).

Роль ШОС в урегулировании ситуации в Афганистане: позиция Китая

ИЗИМОВ Р.Ю.

Урегулирование военно-политической ситуации в Афганистане остается одной из основных проблем системы обеспечения международной безопасности. Для государств — членов ШОС решение этой проблемы также является приоритетной задачей в деле сохранения стабильности в регионе.

В этой связи экспертное сообщество Китая все чаще обсуждает сложное положение в Афганистане, исходящие с его территории дестабилизирующие факторы, а также меры по противодействию новым вызовам и угрозам. В результате этого афганская проблематика приобретает актуальность в политике КНР и находится в сфере пристального внимания китайского руководства.

Оценка ситуации в Афганистане глазами китайских специалистов

Среди китайского экспертного сообщества мнения относительно участия Китая в решении афганской проблемы достаточно разнообразны. Тем не менее большинство из китайских исследователей сходятся в оценке военно-политической ситуации в Афганистане, которая обобщенно выглядит следующим образом:

во-первых, несмотря на увеличение состава иностранного военного контингента в Афганистане, военно-политическая ситуация в стране остается достаточно нестабильной и вызывает значительное беспокойство у заинтересованных в урегулировании афганской проблемы сторон. В этой ситуации правительство Афганистана и международные силы содействия безопасности не в состоянии эффективно противостоять стремительно растущему производству наркотиков и наркотрафику, а также деятельности боевиков движения «Талибан» внутри страны;

во-вторых, попытки командования НАТО и ISAF уменьшить потери в живой силе путем активного применения воздушных ударов привело к тому, что за последнее время в Афганистане резко возросло число человеческих жертв среди мирного населения. Это, в свою очередь, провоцирует рост антиправительственных и антизападных настроений в афганском обществе;

в-третьих, большинство китайских экспертов отмечают, что экономическое содействие Афганистану со стороны международного сообщества также оказалось крайне неэффективным ввиду неразработанности механизмов по распре-

делению этих средств, а также высокой степени коррумпированности местных чиновников;

✓ *в-четвертых*, ряд исследователей в Китае по афганской проблематике высказывают мнение, согласно которому неразрешенность афганской проблемы обуславливается отсутствием прямой заинтересованности США и НАТО в урегулировании военного конфликта в Афганистане. Для этих сил присутствие в Афганистане является одним из существенных механизмов влияния на геополитические процессы в Азии.

Все это, по мнению китайских экспертов, создает необходимость в активном включении ШОС в процесс афганского урегулирования в целях обеспечения своей безопасности. Более того, в последнее время все больше специалистов из других стран — участников ШОС поддерживают данное предположение, учитывая при этом то, что сложная военно-политическая обстановка в Афганистане является основным препятствием на пути межрегиональной интеграции и реализации проектов по развитию международных транспортных коммуникаций.

Относительно интересов Китая в Афганистане китайские специалисты придерживаются разных позиций. *С одной стороны*, КНР не выгодно восстановление власти талибов, ввиду наличия у них тесных связей с синьцзянскими сепаратистскими организациями. *С другой стороны*, китайские власти обеспокоены расширением деятельности американских военных баз в непосредственной близости от границ Западного Китая. Существует и чисто экономический интерес Китая к Афганистану, что является немаловажной причиной заинтересованности китайских властей в стабилизации ситуации в этой стране.

Большинство китайских экспертов признают дестабилизирующий фактор присутствия США в Южной и Центральной Азии. Вместе с тем, по их оценкам, проблема увеличения наркотрафика, идущего с территории Афганистана, особенно после начала афганской операции НАТО, не является для Китая ключевой угрозой в отличие от стран ЦА, России и Европы [1].

Таким образом, на основе анализа мнений ведущих китайских экспертов по указанной проблеме можно констатировать следующее:

✓ американское военное присутствие в регионе ЦА и Афганистане оценивается неоднозначно. С одной стороны, ведя борьбу против терроризма в Афганистане, США играют стабилизирующую роль в регионе. С другой стороны, навязывая свою волю странам региона и вмешиваясь в их внутренние политические процессы с целью сдерживания роста влияния в Центральной Азии других держав, американское руководство играет негативную роль. В этой связи, заключают китайские авторы, государствам — членам ШОС необходимо сотрудничать с США в тех областях, где имеются общие интересы, но при этом ограничивать усиление американского военного присутствия в регионе [2];

✓ в ведущих аналитических центрах КНР активно обсуждается идея расширения «зоны ответственности» организации. Так, к примеру, директор Центра по изучению ЦА и ШОС Фуданьского университета (КНР, Шанхай) профессор Чжао Хуашэн считает, что ШОС должна взять на себя инициативу за обеспече-

ние стабильности и безопасности в более широком географическом масштабе, включая такие регионы, как Афганистан, Южная Азия и Кавказ [3];

✓ в среде экспертного сообщества Китая также интенсивно изучаются мнения европейских и американских специалистов-политологов об антизападном характере ШОС. В этом отношении интересным представляется мнение китайского исследователя вице-президента ШАМИ Чэнь Дунсяо, который полагает, что Китай тревожит тот факт, что США и НАТО, проводя военные действия в непосредственной близости от китайских границ, крайне негативно относятся к вовлечению ШОС в урегулирование ситуации в Афганистане*.

Следует отметить, что официальные власти Китая в настоящее время не намерены принимать участие в военном урегулировании ситуации в Афганистане. Как отметил профессор Ли Дагуан из Национального университета обороны, «КНР, являясь частью мирового сообщества, готова к международному сотрудничеству и содействию в обеспечении регионального мира и стабильности, однако Китай не будет применять военную силу» [4]. Данную точку зрения разделяет и китайское руководство, заявляя, что «китайская сторона неизменно придерживается той точки зрения, что урегулировать проблему Афганистана необходимо комплексными средствами, лежащими в сфере политики и экономики, но никак не военным вмешательством» [5].

ШОС и позиция КНР по афганской проблеме

Борьба с международным терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом стала основным направлением деятельности ШОС в сфере безопасности во многом под воздействием исходящих с территории Афганистана вызовов и угроз. Несмотря на отсутствие единства во мнениях о приоритетах в деятельности ШОС, вопрос о необходимости усиления совместных действий в урегулировании ситуации в Афганистане занимает важное место в работах китайских, российских и центральноазиатских экспертов.

В этом плане ряд китайских исследователей подчеркивают необходимость активного участия ШОС в разрешении афганской проблемы или разделении ответственности с США и НАТО [6]. В частности, существует мнение, что в среднесрочном плане ШОС необходимо создать механизм диалога с НАТО и США с целью ведения совместной борьбы с региональными террористическими силами, а также обеспечивать региональную безопасность совместными усилиями. При этом в качестве первоочередной задачи указываются меры по недопущению потенциального структурного конфликта между ШОС, США и НАТО в геополитической и военной сфере [7].

При всей разности подходов китайских авторов к оценке роли и перспектив ШОС в Афганистане, большинство из них признают необходимость расширения зоны ответственности организации. В частности, китайские эксперты считают, что сегодня наступает геоэкономический этап, когда нужно интенсифицировать экономическую составляющую во взаимоотношениях между азиатскими стра-

* Данное мнение было высказано на встрече представителей Шанхайской академии международных исследований (ШАМИ) с экспертами КИСИ при Президенте РК 14 октября 2009 г. в г. Алматы.

нами, особенно государствами, которые представляются в качестве экспортеров сырьевых ресурсов.

При всем при этом геополитическая составляющая вопроса о позиции КНР по афганскому вопросу заслуживает отдельного рассмотрения:

1. Геополитический фактор. Рассматривая геополитический аспект вопроса об участии Китая (в рамках ШОС) в восстановлении Афганистана, необходимо учитывать тот факт, что в настоящее время заметно активизировалась борьба между крупными державами за сферы влияния в регионе Южной и Центральной Азии.

Наряду с ужесточением конкуренции за доступ к сырьевым ресурсам региона, усиливается борьба за политическое влияние. В последнее время наблюдаются новые тенденции во взаимоотношениях между такими крупными геополитическими игроками, как Китай, Россия и США:

- практически сразу после визита Б. Обамы в КНР в конце 2009 г. наблюдается тенденция к ухудшению отношений между США и Китаем. Об этом свидетельствует цепь событий, которые имели существенное влияние на китайско-американские отношения. Например, решение Конгресса США о продаже Тайваню оружия на сумму 6,4 млрд долл. США; встреча Б. Обамы с Далай-ламой в Белом доме; инцидент с Google; сближение позиций США и Индии и т.д.

Более того, ряд китайских политологов негативно воспринимают американский проект о воссоздании «Большой Центральной Азии», справедливо полагая, что он направлен на сдерживание роста влияния Китая в данном регионе [8]. Можно отметить, что незапланированный визит 28 марта текущего года Б. Обамы в Афганистан для встречи с Х. Карзаем свидетельствует о том, что США насторожены внешнеполитической активностью афганского правительства, особенно если учесть, что Пекин пытается сегодня увеличить свое экономическое присутствие в Афганистане;

- усиление экономических позиций Китая в регионах Южной и Центральной Азии, которое происходит в противовес интересам России на двусторонней основе не в рамках ШОС. Одновременно с этим Китай, укрепляя свои «западные районы», все активнее проникает в регион Центральной и Южной Азии, тем самым выдает это за намерение расширить зону ответственности ШОС путем энергичного участия в процессе урегулирования ситуации в Афганистане.

Закрепление за собой роли регионального центра силы в указанных регионах позволит Китаю не только обезопасить «стратегический тыл» (ЦА), но и решить некоторые актуальные для него геополитические задачи:

- достижение расширенного контроля над ситуацией в Азии (на данный момент речь идет об экономическом доминировании Китая в регионе, получении гарантированных поставок энергетического сырья и других стратегически важных минеральных ресурсов);
- постепенное ослабление влияния США в азиатской части континента, что приведет к изменению расклада сил в регионе Южной и Центральной Азии в пользу КНР;
- получение дополнительных рычагов давления на Москву.

Заслуживает отдельного внимания другое обстоятельство, связанное с тем, что китайские эксперты в последнее время также начали поддерживать распростра-

ненное среди центральноазиатских экспертов мнение о том, что самой большой проблемой Афганистана является усиление геополитического соперничества между крупными региональными и мировыми державами в этой стране. Ряд китайских исследователей высказываются за привлечение к процессу урегулирования политической ситуации в Афганистане таких ключевых региональных игроков, как Пакистан, Иран и Индия. Параллельно с этим поднимается вопрос о целесообразности принятия этих стран в ШОС на постоянной основе [9].

Учитывая важность скорейшего разрешения афганской проблемы в контексте обеспечения безопасности западных районов КНР, а также китайских проектов, реализуемых на территории Афганистана, китайские эксперты также рассматривают возможность участия Китая в борьбе за сферы влияния в этой стране.

Однако нужно отметить, что на данный момент правительство Китая предпочитает не вступать в активное геополитическое противоборство с другими международными игроками. Между тем КНР в привычной для нее манере усиливает экономическое проникновение в Афганистан.

2. Экономический фактор. На данном этапе для китайского руководства приоритетным является закрепление своих экономических позиций в Афганистане и в этом направлении Китай уже осуществляет несколько проектов.

Внеэкономическая стратегия Китая построена с учетом ее стратегических интересов в нижеследующих сферах экономики:

- проникновение на местные рынки и дальнейшее закрепление на них;
- стремление связать свои западные провинции с системой транспортных коридоров, идущих в Европу, путем создания нового варианта «Великого Шелкового пути»;

На сегодняшний день одной из самых крупных китайско-афганских программ является проект по разработке медного месторождения «Айнак» в Северном Афганистане. Китайская компания China Metallurgical Group планирует инвестировать в него 3,5 млрд долл. США. Согласно плану, с 2014 г. месторождение «Айнак» начнет работать на полную мощность, обеспечивая работой около 10 тыс. афганских граждан.

Более того, кампания в рамках указанного проекта взяла на себя обязательство построить за свой счет угольную теплоэлектростанцию мощностью 400 МВт, а также железную дорогу, связывающую Айнак с городами Хайратон на границе с Узбекистаном и Торхам вблизи пакистанской границы.

Таким образом, китайские инвесторы открыли прямой доступ к стратегическим ресурсам Афганистана и намерены расширять поле для деятельности китайских компаний. Для этого создаются благоприятные условия. Так, в ходе последних переговоров Ху Цзиньтао с Х. Карзаем в марте текущего года стороны подписали пакет документов по экономическому и технологическому сотрудничеству, снижению тарифов на экспорт афганских товаров в КНР и подготовке афганских специалистов в китайских учебных заведениях. Реализация достигнутых соглашений может превратить Китай в крупнейшего игрока в афганской экономике.

Согласно данным китайской таможенной статистики, уровень торговли между двумя странами на данный момент представляется незначительным: в 2008 г. ее

объем составил всего 155 млн долл. США. Однако нужно учитывать, что значительная часть китайских товаров поступает в страну также через центральноазиатские страны, прежде всего транзитом через Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Анализ работ и мнений китайских экспертов позволяет сделать следующие выводы:

1. Видные общественно-политические деятели Китая, говоря об афганской проблематике, прежде всего, указывают на следующие моменты, представляющие прямую угрозу национальным интересам Китая. Так, в большинстве китайских публикаций преобладают негативные оценки деятельности НАТО и США, что связано с опасением касательно длительного американского присутствия в Афганистане и в целом на Азиатском континенте. Также волнующим китайских экспертов вопросом является задача сдерживания сепаратистских настроений в Синьцзяне и оказание поддержки сепаратистам в соседних странах.

В этой связи в ведущих аналитических центрах КНР идет активное обсуждение участия Китая в афганском урегулировании, в том числе путем расширения «зоны ответственности» ШОС.

2. Официальные власти Китая в настоящее время не намерены принимать участие в военном урегулировании ситуации в Афганистане. Касательно участия КНР в афганском урегулировании в рамках ШОС, китайские официальные власти полагают, что в целях эффективной борьбы с вызовами и угрозами, исходящими с территории Афганистана, мировое сообщество и международные организации должны объединить свои усилия и решать проблемы комплексными средствами, лежащими в сфере политики и экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shanghai hezuo zuzhi chuantong anquan yanjiu (ШОС: вопросы нетрадиционной безопасности). — Шанхай, 2009. — С. 171—175.
2. Чжао Хуашэн. ШОС и соотношение великих держав на фоне новой ситуации в регионе ЦА // Analytic. — 2003. — №1. — С. 5—6.
3. Zhao Huasheng. Shanghai hezuo zuzhi yu Afuhan wenti — Guoji wenti yanjiu (Чжао Хуашэн. ШОС и афганский вопрос) // <http://www.cqvip.com>.
4. Beiyue mishuzheng gaodiao huiyu Zhongguo xiezhu jiejue Afuhan wenti (Генсек НАТО призывает Китай участвовать в разрешении афганского вопроса) // <http://www.dzwww.com>. — 2010, 9 февраля.
5. Речь председателя КНР Ху Цзиньтао на 9-м заседании Совета глав государств — членов ШОС в Екатеринбурге, 17 июня 2009 г. // <http://russian.china.org.cn>.
6. Afuhan wenti. Zhongguo keyi geng zhudong (Афганский вопрос. Китай может приложить еще большие усилия) // <http://www.chinaelections.org>. — 2009, 2 апреля.
7. Чжан Цзяньхун, Пан Гуан. Вектор развития ШОС в контексте обеспечения региональной безопасности и его воздействия // Shanghai hezuo zuzhi yanjiu zhongxin (Исследовательский центр ШОС при ШАОН) // <http://www.coscos.org.cn>. — 2008, 26 апреля.
8. Pan Guan. Meiguo Zhongguo zhengcede liaozheng he Sitaerde "Da Zhongguo yijhua" (Пан Гуан. Корректировки центральноазиатской политики США и проект «Большой Центральной Азии» (Стара) // Шанхайская Академия социальных наук // <http://www.coscos.org.cn>.
9. Sun Zhuangzhi. Shanghai hezuo zuzhi de fazhan yu woguo de zhanlue luyi, Zhongguo shehui kexue yuann (Сунь Чжуанчжи. ШОС и стратегические интересы КНР) // Китайская Академия общественных наук при Госсовете КНР // <http://www.caas.net.cn>. — 2005, 28 февраля.

Национальные интересы Республики Казахстан на Каспии

ТИМОФЕЕНКО Л.А.

Для Казахстана приоритетное значение Каспийского региона определяется наличием больших запасов углеводородного сырья, выгодного геополитического расположения, позволяющего развивать международные транспортные коммуникации, а также уникальных биоресурсов и рекреационных зон. Регион Каспийского бассейна является важной составляющей успешности долговременного развития Республики Казахстан, так как представляет собой главную энергетическую базу государства, способную обеспечить положительную динамику долгосрочного экономического роста Казахстана [1].

Осуществление стратегического плана страны по обеспечению национальной безопасности тесно взаимосвязано с современным политическим, военным и экономическим положением в зоне Каспийского моря и прикаспийских территорий. Нужно отметить, что реализация национальных интересов Казахстана на Каспии осуществляется по следующим направлениям:

- *геополитическое* — наличие крупнейших запасов углеводородного сырья¹ актуализировали вопрос об определении правового статуса Каспийского моря². В рамках усилий по обеспечению политических и экономических интересов прибрежных государств, Казахстан предлагает установить на Каспии территориальное море, рыболовную зону и общее водное пространство [2]. Одновременно с этим возникла необходимость в повышении уровня доверительных отношений между прибрежными странами, а также в выработке основ единого курса относительно будущего развития Каспийского региона;

- *экономическое* — производственно-хозяйственная эффективность Каспия определяется исходя из успешности функционирования следующих отраслей:

- нефтегазовая промышленность — является базовой отраслью региона, динамичный прогресс которой объективно обуславливает высокие темпы экономического роста страны, что определяет потребность в выведении объемов нефтегазодобычи на стабильно высокий уровень;

¹ Большая доля доказанных запасов нефти на Каспии приходится на Казахстан и по приблизительным оценкам составляет 3,6 млрд т. Одновременно с этим Республика Казахстан занимает третье место после Туркменистана и России по доказанным запасам природного газа. В каспийском секторе Казахстана выделено 1,9 трлн м³ газа.

² Указом Президента РК от 24 января 1994 г. №1517 «О международном Консорциуме по оценке нефтегазового потенциала квазистатского сектора Каспийского моря» Казахстан официально объявил о намерении секторального раздела Каспия.

- морская инфраструктура — увеличение морских грузоперевозок в соответствии с государственной Программой развития морского транспорта на 2006—2012 гг. позволит в ближайшей перспективе перехватить инициативу у Азербайджана, который в настоящий момент занимает лидирующие позиции по танкерным перевозкам на Каспии;

- транспорт и логистика — стратегическое расположение Прикаспия определяется его значением в мировой системе коммуникаций. Реализация проектов, направленных на возрастание объема перевозок*, будет способствовать раскрытию транзитного потенциала региона;

- *военно-оборонительное* — патрулирование казахстанского сектора Каспийского моря (КСКМ) береговой охраной в совокупности с деятельностью Каспийской флотилии позволит осуществлять защиту оффшорных буровых платформ, а также охрану биоресурсов национального сектора от браконьеров;

- *внутриполитическое* — сохранение тенденции на улучшение основных социально-экономических показателей развития прикаспийских областей Казахстана посредством перепрофилирования и модернизации части отечественных предприятий, подготовки собственной научно-технологической базы;

- *экологическое* — ликвидация последствий антропогенного влияния на регион, а также формирование комплексного подхода к разрешению проблем Каспийского водоема положительно отразится как на показателях здоровья проживающего в регионе населения, так и на межгосударственных взаимоотношениях прибрежных государств.

Таким образом, нужно отметить, что в системе иерархии стратегических приоритетов Республики Казахстан в отношении Каспийского моря первоочередное значение приобретает потребность в устойчивом развитии топливно-энергетического комплекса. Данное обстоятельство оказывает непосредственное влияние на характер проводимой на Каспии государственной политики.

При этом следует принять во внимание тот факт, что Прикаспий является зоной национальных интересов не только Казахстана, но и остальных прибрежных государств, что неизбежно приводит к «пересечению» их внешнеполитических курсов в различных отраслях взаимодействия. Одновременно с этим нужно отметить, что сложности, возникающие при освоении КСКМ, связаны также со спецификой социально-экономического развития региона.

Рассматривая ключевые направления государственной региональной политики на Каспии, следует также определить основные проблемные моменты, с которыми приходится сталкиваться Казахстану в ходе реализации национальных приоритетов в Прикаспии.

Первостепенной задачей остается завершение процесса делимитации Каспийского моря. Несмотря на то, что между Казахстаном, Россией и Азербайджаном существуют соглашения о разделении Северного Каспия на национальные секторы, вопрос об установлении их суверенных зон, позволяющих очертить государственные границы и определить ширину внутренних и рыболовных вод,

* Речь идет как о наземных перевозках грузов по автомобильным и железнодорожным маршрутам, так и о транспортировке продуктов нефтегазовой отрасли по трубопроводным магистралям.

все еще не подошел к своему юридическому разрешению. В свою очередь, Азербайджан, Иран и Туркменистан еще не достигли договоренности относительно раздела спорных месторождений на Каспийском шельфе, что в значительной мере затрудняет процесс правового оформления национальных донных секторов. Наличие серьезных расхождений между государствами региона относительно проблемы международно-правовой делимитации Каспийского моря свидетельствует о недостаточной эффективности переговорного процесса между прибрежными странами.

Даже в рамках такого механизма, как Саммит глав прикаспийских государств, возникают трудности не только с разработкой повестки дня, но и с определением сроков проведения очередного саммита. Данное обстоятельство не позволяет лидерам «каспийской пятерки» преодолеть этап согласования позиций по наиболее проблемным аспектам регионального сотрудничества и перейти непосредственно к координации и планированию совместных действий на Каспии. Одновременно с этим существует определенный риск того, что страны Каспийского региона возвратятся к политике, которой они придерживались в начале 1990-х гг., а именно к модели поведения, не предусматривающей компромиссных решений. Так, к примеру, наметившееся движение Туркменистана и Азербайджана к «потеплению» взаимоотношений в настоящее время несколько снизило свою динамику. Хотя стороны и не вступили в открытую конфронтацию в связи с взаимными претензиями на спорные месторождения, однако с того момента, как Ашхабад объявил о намерении обратиться в Международный арбитражный суд, не наблюдается никаких серьезных подвижек в вопросе разрешения существующих противоречий.

При этом нужно отметить, что в отличие от Ирана, который продолжает настаивать на равноудаленном разделе Каспийского моря, Туркменистан демонстрирует готовность осуществить делимитацию водоема по срединной линии. И хотя результаты предполагаемого Туркменистаном секторального деления Каспия несколько отличаются от варианта, представленного Казахстаном, Азербайджаном и Россией*, использование схожих подходов для раздела акватории моря открывает возможность для расширения «альянса» государств, де-факто урегулировавших каспийский вопрос.

Таким образом, усилив вовлеченность Туркменистана в политико-экономические процессы на Каспии, можно способствовать активизации регионального взаимодействия, что окажет положительное влияние на формирование у прибрежных государств восприятия региона как комплексной и целостной системы, имеющей свою структуру, функции и связи с внешней средой, которые выстраиваются исходя из потребностей ее участников.

Реализуя основные положения экономической стратегии в регионе, Республика Казахстан в первую очередь сталкивается с необходимостью привлечения крупных

* Туркменистан предлагает осуществить раздел Каспийского моря по широтной линии, а не по срединной модифицированной. При обозначенном варианте определения разделительной линии акватории Каспия, по мнению Ашхабада, фактор Алшеронского полуострова не должен учитываться. Тем самым Туркменистан стремится обосновать свои претензии на нефтяные месторождения «Кяпяз», «Азери» и «Чираг», которые являются предметом давнего спора с Азербайджаном.

финансовых ресурсов на долгосрочный период. Однако вовлечение иностранного капитала в национальные проекты в Прикаспии предполагает наличие определенной доли вмешательства транснациональных компаний в ходе исполнения проектов, а также и в распределении конечной прибыли. Особо остро это проявляется в нефтегазовом секторе, развитие которого наиболее перспективно.

Устранив «пробелы» в национальном законодательстве в сфере добычи энергоресурсов, появилась возможность пересмотреть первоначальные условия, регламентирующие деятельность ТНК в сфере разработки углеводородных месторождений. Новая законодательная база, сформированная для сырьевой отрасли, предусматривает повышение налоговых выплат в государственный бюджет со стороны иностранных добывающих компаний, а также их участие в реализации форсированной индустриально-инновационной программы страны.

Увеличение казахстанского содержания в деятельности ТНК позволяет казахстанским компаниям участвовать в реализации проектов в энергетическом секторе в качестве субподрядчиков. Помимо этого, политика государства направлена на то, чтобы обеспечить рост казахстанской доли в нефтегазовых проектах. Однако новый список требований к работе нефтегазовых операторов может быть применен лишь к вновь заключенным договорам, оставляя неизменными ранее подписанные контракты*.

Исходя из этого, появляется потребность в совершенствовании методов мониторинга систем добычи нефти и газа на Каспии, которые бы не только отслеживали современное состояние дел в обозначенной индустрии, но и предусматривали ужесточение штрафных санкций за несоблюдение договорных обязательств. В случае создания эффективных механизмов регулирования процессов в энергетическом секторе страны, рассчитанных на долгосрочную перспективу, появится возможность снизить зависимость от добывающей отрасли и обеспечить индустриальный рывок.

Увеличение уровня добычи углеводородов актуализирует вопрос о путях и маршрутах доставки сырья на мировые рынки. Созданная Казахстаном сеть транзитно-транспортных коридоров нуждается в постоянном увеличении своей пропускной способности, что побуждает его вести переговоры со своими партнерами о модернизации и реконструкции существующих трубопроводов с целью повысить их наполняемость, а также о строительстве новых веток нефте- и газопроводов. Однако в обоих случаях, наряду с фактором экономической рентабельности, присутствует и геополитическая составляющая проектов, которая чаще всего возникает вследствие столкновения интересов мировых держав в Каспийском регионе, для которых приобретение углеводородного месторождения или трубопроводного маршрута стало напрямую переводиться в геополитический рост государства [3].

Нужно также отметить, что планируемое увеличение объемов нефтедобычи к 2015 г. до 150 млн т, из которых примерно 86% будет идти на экспорт, стимулирует развитие морского варианта транспортировки углеводородов через Каспийское

* Правительством РК введена экспортная таможенная пошлина (ЭТП) на нефть и нефтепродукты: на светлые нефтепродукты — в размере 99,71 долл. США за тонну, на темные нефтепродукты — 66,47 долл. США и на сырую нефть — 20 долл. США. Однако ЭТП будет вводиться по всем экспортерам, за исключением тех, у кого в соглашении по разделу продукции есть стабильность по данному виду платежей.

море. В настоящее время Казахстан осуществляет нефтеперевозки по Каспию в объеме 7 млн т в год [4]. Такая цифра обуславливается как перевалочными способностями казахстанских портов, так и грузоподъемностью морских транспортных средств. Однако после того, как в КСКМ будет начата полномасштабная добыча нефти на месторождениях «Кашаган» и «Тенгиз», количество танкерных рейсов по перевозке сырья значительно возрастет, что приведет к повышению нагрузки на портовую инфраструктуру Казахстана.

Исходя из этого, увеличивается необходимость продолжить обновлять парк торговых кораблей*, который бы соответствовал всем современным техническим и экологическим требованиям. При этом следует принимать во внимание, что, за исключением относительно новых судов, Каспийский флот представлен кораблями водоизмещением до 6—10 тыс. т. Данное обстоятельство актуализирует вопрос о разработке новых транспортных схем доставки прогнозируемых объемов нефти. Одним из подходов к оптимизации процесса морских нефтяных перевозок является переход с эксплуатации судов с водоизмещением до 12 тыс. т на танкеры с дедвейтом в 60 тыс. т**.

Исходя из этого, первоочередной задачей на сегодняшний момент является ускорение строительства и оснащения дополнительных портов, которые смогли бы принимать и обслуживать крупнотоннажные корабли***. Вместе с тем большим потенциалом обладает проект Казахстанской каспийской системы транспортировки (ККСТ), по которой планируется осуществлять поставки нефти, добываемой на месторождениях «Кашаган» и «Тенгиз», посредством трубопровода «Баку — Тбилиси — Джейхан» (БТД) и/или других нефтетранспортных систем, расположенных на территории Азербайджанской Республики [5]. В рамках ККСТ Казахстан намерен построить нефтепровод «Ескене — Курык» и необходимые объекты транскаспийской системы (нефтеналивные терминалы, танкеры и суда, соединительные сооружения с системой БТД), что позволит экспортировать до 56 млн т нефти в год****.

При этом нужно отметить, что экономически выгодным направлением развития портовой индустрии является транспортировка не только углеводородного сырья, но и других видов товаров, в числе которых находятся зерновые культуры, хлопок, металлопрокат и т.д. Увеличение грузооборота через систему каспийских портов потребует расширения логистических возможностей региона. Реконструкция и

* На данный момент «Казмортрансфлот» владеет шестью танкерами дедвейтом 12—13 тыс. т и фрахтует еще около 20 танкеров. В планах компании покупка двух крупнотоннажных танкеров типа Aframax (дедвейт 80—120 тыс. т). При этом, согласно Программе развития морского транспорта на 2006—2012 торговый флот РК должен будет состоять из 20 танкеров и 5 сухогрузов, а также 150 судов поддержки морских операций. Для сравнения, у Азербайджана по Каспию ходит 45 танкеров общим дедвейтом 444 тыс. т.

** Благодаря большой грузоподъемности танкеров, средняя стоимость перевозки одной тонны нефти с восточного на западный берег Каспия может снизиться в три раза.

*** Прием танкеров дедвейтом 60 тыс. т будет осуществлять морской порт Курык, проект которого находится на стадии разработки. По каспийским меркам он будет глубоководным. Расширение морского порта Актау позволило увеличить тоннаж обслуживаемых судов с 6,0—6,5 тыс. лишь до 12 тыс. Таким образом, для того, чтобы схема с использованием крупнотоннажных судов стала возможной, необходимо проводить работы по углублению дна. Схожие проблемы испытывают порты Баку и Махачкала.

**** В октябре 2009 г. была завершена разработка ТЭО проекта нефтепровода «Ескене — Курык». На 2010 г. была начата подготовка проектно-сметной документации на строительство. Одновременно с этим между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской республики и НК «КазМунайГаз» подписано соглашение о совместной разработке ТЭО Транскаспийской системы.

строительство автомобильных и железнодорожных веток совместно с работой по формированию благоприятных тарифных условий на перевозки контейнерных грузов позволит повысить грузопоток по территории прикаспийской части Казахстана между Россией, Китаем и странами Центральной Азии, с одной стороны, и Ираном и Южным Кавказом — с другой. Таким образом, фактором успешного освоения казахстанского сектора Каспия является развитие сервисной береговой инфраструктуры [6]. Исходя из этого, особое значение приобретает создание транспортно-логистического центра, предоставляющего полный спектр экспедиторских и коммуникационных услуг.

Наряду с этим, перспективным выглядит развитие системы паромных переправ. На сегодняшний момент налажено морское сообщение с портами России, Азербайджана и Ирана, неосвоенным остается только туркменское направление. При этом нужно отметить, что потенциал пассажирских перевозок на Каспии реализован не в полном объеме.

Ключевое значение для успешной реализации Государственной программы освоения казахстанского сектора Каспийского моря [7] имеет социальная составляющая развития региона. В настоящее время доля нефтяной продукции в объеме промышленного производства на Каспии в десятки раз превышает показатели остальных отраслей промышленности прикаспийских областей Казахстана*, что говорит о наличии явного дисбаланса в экономике региона. Данное обстоятельство напрямую отражается на социальном положении жителей прикаспийских областей, большинство из которых занято в нефтедобывающей сфере. В силу особенностей кадровой политики ТНК, курирующие нефтегазовые разработки в Прикаспии, диапазон позиций, предлагаемых казахстанским специалистам, весьма ограничен, что сказывается на уровне заработной платы, а также в значительной мере ограничивает коридор возможностей для самореализации.

Вместе с тем сменить сферу профессиональной деятельности представляется довольно проблематичным по причине того, что в иных отраслях производства не наблюдается постоянной потребности к расширению штата сотрудников**. Недовольство социальной политикой местных предприятий в совокупности со сложностями в сфере развития жилищно-коммунального хозяйства приводит к появлению социальной напряженности среди жителей Западного Казахстана.

Несмотря на то, что на официальном уровне Каспий был объявлен «морем дружбы», с каждым годом все отчетливее приобретает очертания тенденция к секьюритизации региона. Повторно приступив к формированию ВМС страны***,

* Согласно данным Агентства Республики Казахстан по статистике за первую половину 2010 г., доля нефтяной продукции в объеме промышленного производства Мангистауской области составляет 94,9%, а Атырауской области — 83,2%.

** За последние три года показатель уровня безработных в Мангистауской области стабильно превышает среднестатистический показатель по республике.

*** После того как на море начались разработки нефтяных месторождений, возникла потребность в обеспечении национальных интересов страны, что и обусловило подписание в 1993 г. Президентом РК Н.А. Назарбаевым Указа «О создании Военно-морских сил Республики Казахстан». Однако в силу того, что содержание и обучение личного состава флота обходилось слишком дорого, в 1997 г. был издан Указ о расформировании ВМС как вида Вооруженных сил РК. Оставшиеся на плаву катера и суда вместе с экипажами передали в распоряжение береговой охраны.

Вторая попытка создать национальные ВМС была предпринята в 2003 г. в соответствии с Указом Главы государства «О мерах по дальнейшему совершенствованию структуры Вооруженных сил Республики Казахстан». В это же время разработана Концепция развития ВМС, в состав которых вошли морская пехота, береговая артиллерия и Каспийская флотилия.

Казахстан поставил перед собой цель обеспечить безопасность нефтеносных районов на Каспии, куда вложены большие иностранные инвестиции, посредством контроля воздушного, надводного и подводного пространства. Осуществляя патрулирование, подразделения береговой охраны (БОХР) охватывают расстояние до 25 км от берега, однако для полноценной охраны нефтедобывающих платформ необходимо иметь возможность удалиться в открытые воды на 150 км [8]. В настоящее время продолжается работа по укомплектованию морского флота необходимой боевой техникой, а также по подготовке кадрового состава*. Однако следует отметить, что, несмотря на предпринимаемые действия, военный флот Казахстана все еще находится в стадии становления и нуждается в дополнительном времени на подготовку. Строящиеся в настоящее время военные объекты в Актау, а также планируемые морские базы в бухте Курык и в Фетисово способны разрешить проблему дислоцирования боевых единиц Каспийского флота, однако при этом нерешенным остается вопрос об уровне боевой готовности и технической оснащенности стоящих на вооружении ВМС РК судов, так как они по многим показателям уступают современным кораблям аналогичного класса и ранга.

Одной из причин, побуждающих Казахстан ускорить процесс формирования Каспийского флота, является возрастающая угроза со стороны браконьеров, действия которых в отдельных случаях могут быть классифицированы как пиратство**. Участившиеся эпизоды вооруженного сопротивления браконьеров сотрудникам береговой охраны, а также нападения на мирных рыбаков с целью отъема у них улова или имущества свидетельствуют о наличии проблем обеспечения безопасности на Каспийском море.

Нужно также отметить, что, наряду с богатыми нефтегазовыми запасами, Каспийское побережье обладает необходимым набором характеристик для того, чтобы развивать курортный и туристический бизнес***. Обозначенная индустрия уже стала частью экономической политики Азербайджана, Ирана, российского Дагестана и Туркменистана. Однако достижения Республики Казахстан в данном направлении не соответствуют имеющимся потенциальным возможностям. Реализация проекта курортной зоны отдыха «Кендерли» не только позволит Казахстану занять достойное место среди прибрежных стран в сфере предоставления туристических услуг, но и создаст условия для развития транспортной и социальной инфраструктуры области, а также обеспечит создание дополнительных рабочих мест. Однако туристическая привлекательность будущего курорта

* Согласно Концепции развития Военно-морских сил РК, до 2025 г. предполагается значительное усиление военного флота республики. На сегодняшний момент рассматривается возможность не только закупать военные корабли, но и начать их производство при участии российских, южнокорейских или голландских компаний. В ближайшем будущем планируется приобретение трех сторожевых судов и трех корветов, которые дополнят базирующийся в Актау отдельный дивизион патрульных и сторожевых кораблей. Военные силы страны на Каспии также представлены морской пограничной дивизией регионального управления «Батыс» погранслужбы Комитета национальной безопасности Казахстана, которая насчитывает более 20 морских и речных патрульных катеров различного водоизмещения.

** 8 июля 2010 г. было совершено нападение «пиратов» на иранский сухогруз «Саман», направлявшийся по акватории Каспийского моря близ берегов Дагестана из иранского порта Энзели в порт Актау. Группа вооруженных людей на четырех лодках потребовали остановить корабль и впустить их на борт. Капитан судна связался по радию со спасательно-координационным центром Астрахани, после чего пограничное управление Дагестана отправило на место происшествия военный вертолет, который, обнаружив пиратов, открыл по ним огонь с воздуха.

*** Природная среда Каспийского побережья с песчаными пляжами, минеральными водами и лечебными грязями в прибрежной зоне создает хорошие условия для отдыха и лечения. В то же время по степени развитости курортов и туристской индустрии Каспий заметно проигрывает Черному морю.

будет зависеть как от уровня предоставляемых удобств и качества обслуживания, так и от экологического состояния каспийского курорта. Удаленность зоны от крупных промышленных объектов не гарантирует того, что объект не пострадает в случае производственной аварии. Это в первую очередь относится к угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций, обусловленных разливом нефти в акватории КСКМ.

Нужно отметить, что экологическая обстановка в Каспийском регионе за последнее время значительно ухудшилась. В результате добычи и транспортировки нефти, поступления загрязняющих веществ со сточными водами промышленных производств, а также затопления объектов в связи с повышением уровня моря наблюдаются превышения норм предельно допустимых концентраций (ПДК) таких веществ, как фенол и ряда других нефтепродуктов. Нелегальный вылов осетровых ради получения икры привел к резкому сокращению их численности и к вынужденному ограничению добычи и экспорта. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что от того, удастся ли сохранить экологическое равновесие на Каспии, будет во многом зависеть динамика показателей экономической активности прибрежных государств.

Таким образом, можно заключить, что, обладая значительным ресурсным потенциалом и уникальным географическим расположением, регион Каспийского бассейна занимает особое место в системе национальных приоритетов Республики Казахстан. На современном этапе актуализируется необходимость в разработке комплексного подхода к реализации национальных интересов на Каспии, которые заключаются в полноценном раскрытии экономического потенциала региона посредством развития как топливно-энергетического комплекса, так и других сфер производственно-хозяйственной деятельности, а также в проведении сбалансированной социально-экономической политики, позволяющей рационально использовать имеющиеся ресурсы для гармоничного развития прикаспийских областей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаумулин М. Интересы Республики Казахстан на Каспии // Каспийский диалог-3. (матер. междунар. конф.). — Алматы: ИМЭП, 2008. — С. 71.
2. Казахстан в контексте геополитики Каспийского региона // <http://ru.government.kz>.
3. Магомедов А. Энергетическая и транзитная геополитика «Большого Каспия» // Свободная мысль. — М., 2009. — №2. — С. 90—92.
4. Казахстан хочет половину каспийского пирога // <http://www.respublika-kaz>.
5. Транспортировка нефти // <http://www.kmg.kz>.
6. Интервью с управляющим директором по сервисным проектам АО НК «КазМунайГаз» М. Мирзагалиевым // Казахстанская правда. — 2010, 3 ноября.
7. Государственная программа освоения казахстанского сектора Каспийского моря // <http://ru.government.kz>.
8. Казахстан делает резкий рывок в каспийской военно-морской гонке // EurasiaNet, США // <http://www.inosmi.ru>.

Роль религии в современном мире и казахстанский опыт выстраивания межрелигиозных отношений

КОСИЧЕНКО А.Г.

В современном мире в отношении религии сложилась довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, религия признается очень важным фактором современности, главы государств и международных организаций выказывают ей уважение, религиозные лидеры приглашаются к участию в самых разных форумах. Но, с другой стороны, и это также бросается в глаза объективному наблюдателю, религии не играют реальной роли ни в международной политике, ни в процессе принятия судьбоносных для мира решений, ни в стратегических планах развития конкретных стран.

Дело доходит до того, что светский характер государств (известно, что абсолютное большинство современных государств являются светскими) воспринимается как нерелигиозный. При этом религия вытесняется на периферию государственной и общественной жизни, становится частным делом верующих людей. Но если религия превращается в частное дело человека и лишается общественного звучания, то каким образом она может улучшить нравственный климат в обществе и воспитывать молодежь? А ведь эти ее возможности постоянно подчеркиваются лидерами светских государств. Не позволяя религии играть весомую роль в общественной жизни государств, мы не вправе надеяться на то, что религия реализует свои гуманистические и нравственные возможности. То же самое и на международной арене. Каким образом религия сможет снизить риски вызовов и угроз современности (об этой ее способности все чаще говорится на всех уровнях), если она не обладает реальной возможностью заметно влиять на мировую политику?

Справедливости ради следует сказать, что крупные мировые религиозные лидеры, такие, как Папа Римский Бенедикт VI, несколько православных Патриархов, например, Константинопольский Варфоломей I или Московский и Всея Руси Кирилл, в некотором отношении Далай-Лама и еще ряд религиозных лидеров, делают попытки укрепить роль религии в современном мире. Все они выступают единым фронтом в отношении актуальности для мира религиозных ценностей, необходимости диалога религий, удержания хотя бы минимального уровня нравственности, без чего, по их мнению, мир постоянно будут потрясать кризисы — экономические и политические.

И крупные политики, со своей стороны, также призывают религии к участию в переговорных процессах с целью несколько «умиротворить» мир, понизить потенциал этнического и религиозного противостояния современности. Эти призывы стали звучать особенно часто, когда очевидно, что большинство конфликтов современности имеют как раз межэтническую или межрелигиозную форму.

Но странное дело: стремление религиозных лидеров к участию в важнейших процессах современности имеется, понимание желательности такого участия со стороны крупных мировых политиков присутствует, а позитивного эффекта от этого взаимного понимания практически нет. Это, пожалуй, указывает на то, что реальная мировая политика делается на совершенно ином уровне и совсем иными средствами. Становится понятным, почему религия, при всем внешнем уважении к ней, воспринимается как источник противостояния культур и цивилизаций. Светские международные структуры ориентируются на либеральное мироустройство и относятся к религии как к источнику проблем и противоречий, снижающему возможность обрести согласие по тем или иным актуальным вопросам современности. Эти опасения отчетливо выразила сотрудница Всемирного банка Кэтрин Маршал. По ее мнению, даже простое упоминание религии в таких международных учреждениях, как Всемирный банк и ООН, может вызывать неоднозначную реакцию. Она подчеркнула, что многие специалисты в области развития чувствуют, что религии являются источником проблем, поскольку они «сеют распри, опасны и утратили свою жизненность» (*Материалы Конференции по межконфессиональному сотрудничеству во имя мира в штаб-квартире ООН, 2005 г. // Правительства и религиозные неправительственные организации созывают мирную конференцию в ООН. 22.06.2005 // <http://www.un.org>*). Что же в этом случае удивляться, когда ислам считают идеологией экстремизма и терроризма, при всей явной абсурдности такого утверждения, или православие считается чересчур догматичной и отставшей от жизни религией?

Секуляризм как фронтальное отступление от веры во всех формах сегодня доминирует в западном мире. Западная цивилизация, исторически имевшая христианство в качестве своей духовной основы, сегодня отказывается от христианских оснований. Из Европейской конституции исключено упоминание о христианских корнях Европы, правительство Греции ведет наступление на православные основы греческого государства, Европейский суд по правам человека в 2009 г. по заявлению всего одной истицы принимает глобальное по своим последствиям решение о необходимости удаления распятий из всех итальянских школ (а в силу всеобщности решения Европейского суда, и из всех школ Европейского Союза — против чего в Европе все же развернулось движение протеста), за последние десять лет более 20 000 христианских церквей в Европе проданы из-за сокращения числа прихожан и финансовых трудностей и т.д.

Теряя собственную религиозность, вместо хотя бы частичного возвращения к своим христианским корням, Европа начинает активно противостоять и исламу. Проведенные в 2007—2010 гг. рядом известнейших агентств социологические опросы в Европе с целью выяснения отношения европейцев к исламу выявили неутешительные результаты: исламу доверяют не более 25—30% респондентов. Так что

результаты швейцарского референдума, проведенного в 2009 г. по поводу запрета строительства минаретов, совсем не удивительны, как и законодательные инициативы Бельгии и Франции в 2010 г. в отношении запрета никаба и хиджаба.

А вместе с тем религия действительно имеет огромный гуманистический и миротворческий потенциал. Почему же этот потенциал не задействуется? Религия не может проявить свой миротворческий потенциал потому, что ей не предоставляют такой возможности. На это, впрочем, можно возразить и указать на то обстоятельство, что религия и не должна ждать каких-то особых условий, в которых ее позитивный вклад в мировую политику и международные отношения может быть реализован. Религия должна проявить себя в тех условиях, какие существуют. И это будет оправданное возражение. Но не следует забывать о том, что формы активного воздействия религии на мир весьма специфичны и отличны от активности других агентов такого воздействия. Религия модифицирует мир в лучшую сторону, меняя внутренний мир человека, его мировоззрение, его поведение, систему его ценностей, а уже потом каким-то образом изменившийся человек обретает способность сделать мир лучше посредством изменения доминирующего типа жизнедеятельности.

Многие страны, устав от религиозной требовательности, от нравственной ответственности, принимают в качестве своих ценностных оснований светские, следовательно, мало религиозные или вовсе не религиозные установки, рассматривая этот процесс как естественное следствие исторического прогресса. Пример этому — почти вся Европа, в которой права человека, базирующиеся на светских основаниях, обрели господствующее значение. Напоминание о греховной сущности однополых браков, контрацепции и абортов, о недопустимости эвтаназии вызывают гневный протест защитников прав человека. Вряд ли можно ожидать от таких стран реальных инициатив в сфере проявления гуманистических, миротворческих возможностей религии. В таких странах религия воспринимается как рудимент, как пережиток прошлого, который в настоящее время в основном преодолен.

Думается, и теократические страны, в которых религия является господствующей идеологией и практикой, также не смогут выдвинуть международных миротворческих инициатив — во всяком случае мировое сообщество не воспримет подобные инициативы, если они будут исходить от «дискредитировавших» себя теократических режимов.

И вот в этой ситуации у стран, подобных Казахстану, появляется реальная возможность стать лидерами в привлечении позитивного потенциала религии в выстраивании новой геополитической конфигурации мира. В известном смысле геостратегические стереотипы неизбежного доминирования одной супердержавы или же необходимости построения многополярного мира устарели, так как мир намного богаче таких концепций. Сегодня чем дальше, тем больше становится очевидным, что для удержания мира от глобального распада, от явно или неявно ожидаемого многими апокалипсиса потребны инициативы совсем иного свойства, чем те, на основе которых строился мир в XIX или XX в., когда произошел принципиальной важности разрыв между частной жизнью человека и политикой как внутренней для государств, так и международной. Всякое частное участие

человека в такой политике было сведено на нет. Можно сказать, что политика утратила человеческое лицо, конечно же, аргументируя это необходимостью заботы о человеке и суровыми реалиями мира. Но такой разрыв привел к потере всякого человеческого смысла политики как на внутривосточном, так и на международном уровне. Отчуждение власти и общества достигло такого уровня, когда неудачи политиков воспринимаются народом даже с некоторым злорадством — ибо «мы, народ, не имеем никакого отношения к таким неудачам». И эта позиция народа столь же непродуктивна, как и изоляционизм власти и олигархии.

Как это не покажется странным, но именно религия способна консолидировать национальные сообщества сегодня. И дело не в том, что многие идеологии продемонстрировали в XX в. свою недееспособность и утратили право претендовать на консолидирующую роль, хотя и в этом тоже имеется некий символический смысл. Глубокий смысл религии для человеческого сообщества состоит в том, что всякий истинный прогресс возможен только при целевой установке на нечто более высокое. Только имея в виду нечто идеальное, можно прогрессивно развиваться. Религия, вводя Бога в человеческие отношения, задает более высокую планку этих отношений. Поэтому современный мир просто не имеет иного выхода из почти безвыходной ситуации, в которой он оказался, нежели возвращение к Богу. Человеческому сообществу, государству — все они исчерпали свои возможности построения «светлого будущего» на своей естественной, безбожной основе — чему доказательством современный глобальный кризис мировых отношений.

Но не всякие страны и регионы мира, как уже говорилось, способны сегодня выдвинуть инициативы религиозного возрождения в качестве основы обновленного мироустройства. Нужны особые условия и особые состояния, в которых находятся эти страны и регионы — необходимо, чтобы такие страны находились в состоянии религиозного возрождения и духовного подъема. Что-то похожее демонстрирует в настоящее время Казахстан. И дело здесь не столько в том, что на фоне жестких противоречий между религиями и этносами в современном мире в Казахстане имеет место достаточно стабильное согласие в данных сферах. Есть более глубокие основы отмеченного согласия, и основы эти таковы: на фоне падения религиозности во многих и многих странах мира в Казахстане религиозность населения растет. Причем растет она не за счет фундаменталистско или экстремистско настроенных верующих различных религиозных традиций, но за счет достаточно глубокого вхождения в веру — многие верующие принимают истинные религиозные ценности. А эти ценности нравственны и гуманистичны по существу. Поэтому согласие и толерантность в религиозной сфере в Казахстане имеют существенно иное содержание, нежели в ряде экономически развитых и традиционно демократических стран. В этих странах толерантность базируется на безразличии к религии, а по поводу того, что безразлично, нет и споров — отсюда и толерантность. В Казахстане же толерантность является осознанным результатом признания важности религии для страны и общества — это совсем иной уровень толерантности. Эта толерантность более глубокого и более продуктивного свойства, она не формальна, по поводу ее деталей могут идти споры, но на ее основе возможно развитие, а не туиковое равнодушие.

Следует заметить, что это положение хорошо осознается руководством страны, и в первую очередь ее лидером — Президентом РК Н.А. Назарбаевым. Именно поэтому Казахстан выступает инициатором многих международных встреч и форумов разного уровня. Проведенные в Астане три съезда лидеров мировых и традиционных религий (в 2003, 2006 и 2009 гг.) не затерялись в ряду подобных мероприятий, но отличались не только широкой представленностью участников, но и результативностью. Эти съезды приняли ряд важных итоговых документов, способствующих углубленному пониманию роли религии в современном мире. Например, в Обращении участников III Съезда лидеров мировых и традиционных религий (Астана, 2 июля 2009 г.) содержится призыв «постоянно поддерживать и способствовать усилиям религиозных лидеров и организаций для установления истинного межрелигиозного диалога, а также рассматривать актуальные проблемы человечества с целью выработки надлежащих путей их решения, признавая тем самым позитивную роль, которую может и должна играть религия в обществе». Это оправданный сегодня вектор развития международных отношений. Необходимо двигаться дальше и приближаться к видению реальных возможностей религии в деле снижения уровня угроз современности и реализации этих возможностей.

Сегодня пока еще трудно предложить миру конкретные формы, в которых религия способна снизить уровень вызовов и угроз современности. Все же внутренней целью религий является не улучшение мира, но улучшение человека, его нравственное и духовное развитие, без чего невозможно обретение Царства Небесного (во всех трех авраамических религиях — иудаизме, христианстве и исламе именно такова конечная цель). Но призыв к общности человеческой истории и единству человеческого рода, повышение нравственного потенциала обществ и государств, осмысление человеческого существования — тоже немалый вклад в улучшение общей международной обстановки, а эти формы религия предлагает уже сейчас. Сама постановка задачи привлечения религии для снижения уровня агрессии современной мировой политики и построения более справедливого мира очень ценна и является принципиально важным шагом, позволяющим вывести мир из бездны противоречий, в которой он находится.

Проведение трех съездов лидеров мировых и традиционных религий не является просто пиар-ходом Казахстана. То, что в стране осознается исключительная важность религии в современном мире, доказывается постоянством привлечения внимания мировой общественности к данной проблематике. Помимо съездов, в Казахстане за короткое время реализованы следующие инициативы: Международный форум министров иностранных дел мусульманских и западных стран «Общий мир: прогресс через разнообразие», основной целью которого является налаживание и укрепление позитивного взаимодействия между мусульманским миром и Западом; международные конференции «Толерантность и веротерпимость как достояние Центральной Азии» и «Межкультурное взаимодействие в странах Центральной Азии»; конференция ОБСЕ, посвященная проблемам толерантности, и другие. Создан и функционирует Международный центр культур и религий. Казахстан является активным членом Группы «друзей Альянса цивилизаций», возглавляет в 2010 г. Организацию по безопасности и сотрудни-

честву в Европе и возглавит Организацию «Исламская конференция» в 2011 г. По инициативе Казахстана ООН провозгласила 2010 г. «Международным годом сближения культур» и в Астане на осень 2010 г. запланирована крупная международная встреча, посвященная диалогу культур.

Роль религии исключительна и в связи с тем, что религиозные ценности лежат в основании культур и цивилизаций. И когда мы сегодня вполне оправданно говорим о диалоге культур и цивилизаций как о единственной альтернативе хаосу и нестабильности современного мира, то следует помнить, что в диалог вступают не какие-то абстрактные идеи, но именно эти основополагающие ценности религий. Поэтому межрелигиозный диалог является стержнем диалога культур и цивилизаций. Активная позиция религий в данном диалоге — еще один значительный вклад религии в снижение напряженности современного мира. Напомним, что еще на II Съезде лидеров мировых и традиционных религий Н.А. Назарбаев говорил в отношении поднятой нами темы: «В практическом плане особая роль этого принципа (признания религиозного права другого — А.К.) состоит в том, чтобы, не нарушая главных ценностей своей религии, все же посмотреть на мир с учетом иных духовных перспектив. Глубоко убежден, что политики лишь следуют в своих действиях некоторым глубоким религиозным постулатам независимо от того, понимают они это или нет. Поэтому готовность религиозных лидеров мира пойти на принцип поиска божественного, а не человеческого в иных религиозных системах может стать основой более гуманных политических действий в мире».

Сегодня в мире существуют многочисленные попытки реализовать такой диалог. Это и Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», созданный в 2002 г. представителями Греции, России и Индии, и «Альянс цивилизаций», инициированный премьер-министрами Испании и Турции (инициатива поддержана ООН в 2005 г.), и Бахрейский диалог цивилизаций, Международная организация «Средиземноморский дом», Международная ассоциация «Мир через культуру — Европа», Платформа «Диалог Евразия», ООН, ЮНЕСКО. Однако надо признать, что особых практических результатов деятельность этих диалоговых площадок пока не дала. Но, даже если сегодня межцивилизационный и межкультурный диалог и не проявит всей полноты своих возможностей, бесспорным его достижением явится следующее: диалог ослабляет межцивилизационную напряженность в тех случаях, когда она присутствует; он помогает понять сущность и специфику иных цивилизаций и иных ценностных систем; диалог разрушает стереотипы доминирования одной цивилизации над другой; формирует понимание ценности всех цивилизационных моделей, что само по себе способствует росту толерантности и самосознания представителей разных цивилизаций. Эти возможности диалога понимают и основные субъекты современной политики. Так, в своей речи в Каире в 2009 г. Б. Обама подчеркнул: «...независимо от расы, религии или общественного положения, всем нам свойственны общие стремления — к миру и безопасности; к образованию и достойному труду; к любви к нашей семье, нашей общине и нашему Богу. Это то, что нас объединяет. И в этом надежда всего человечества».

Наряду с попытками международных структур вести межкультурный, межкультурный и межрелигиозный диалог, подходы к такому диалогу разрабатываются и отдельными странами. Казахстан — один из бесспорных лидеров в этой области. И в связи с настоящим председательством Казахстана в ОБСЕ в 2010 г. и предстоящим — в Организации «Исламская конференция» в 2011 г., и в связи с внутренними задачами Европы в сфере решения проблем взаимодействия христианства и ислама, мировое сообщество внимательно присматривается к казахстанскому опыту выстраивания межрелигиозных отношений, к казахстанской модели межрелигиозного согласия. Поэтому будет не лишним коротко остановиться на ее основном содержании. Эта модель в общих чертах представляет собой сложную межрелигиозную конфигурацию, помещенную в социально-политический контекст государственно-общественного развития Республики Казахстан. Несмотря на абсолютное юридическое равенство всех конфессий Казахстана, реально в центре этой конфигурации находятся наиболее крупные религии Казахстана — ислам и православие, которые в своем взаимодействии и обеспечивают, по существу, межрелигиозную стабильность в стране. А уже на основе этой стабильности, как на стержне, выстраиваются отношения между всеми конфессиями Казахстана. Многообразие конфессий, специфика их функционирования, этнический состав их адептов, возрастной и образовательный уровни верующих — все это в совокупности образует своеобразную, только Казахстану присущую систему межрелигиозных отношений. Каждая религия выстраивает свои собственные отношения с другими религиями и с государством. Религиозные объединения, согласно Закону РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» (1992 г.), отделены от государства, которое, будучи светским, не вмешивается во внутренние дела религиозных объединений, но учитывает религиозный фактор во внутренней и во внешней политике. Во взаимодействии всех вышеперечисленных элементов государственно-религиозных отношений и возникает общее религиозное пространство Республики Казахстан, создается и поддерживается межрелигиозное согласие в Казахстане. Описанное взаимодействие конфессий не является статичным, заданным раз и навсегда: это, скорее, динамичная система, постоянно воспроизводящаяся и трансформирующаяся в меняющихся условиях прогрессивного развития Казахстана.

В заключение подчеркнем, что межрелигиозное согласие невозможно вне согласия межэтнического, так как за религиями стоят этнические сообщества, исповедующие те или иные религии. Поэтому и межрелигиозное согласие, и межэтническое согласие выступают в единстве, обеспечивая общественную и государственную стабильность. Этот принцип можно было бы положить в основу тактики реальной трансформации современной мировой политики. Если все основные конфликты последнего времени теснейшим образом связаны с межэтническими и межрелигиозными противоречиями, то стабильность таких отношений, понятая как задача международной политики, может переориентировать международное сообщество на опережающее конструктивное решение проблем в данной сфере вместо того, чтобы идти на поводу логики только разрешения имеющихся конфликтов. Будем надеяться, что у мирового сообщества хватит доброй воли и сил реализовать эту возможность.

Мировой опыт инновационного развития. Выводы для Казахстана

КАЛАБАЕВА А.Н.

Высокая эффективность национальной экономики и повышение конкурентоспособности промышленности страны невозможны без своевременного решения проблем активизации инновационной деятельности. Новые научные и технологические достижения сегодня изменяют уклад мировой цивилизации и становятся определяющим фактором в обеспечении устойчивого развития любой страны. Поэтому одним из важнейших приоритетов социально-экономических преобразований Казахстана в настоящее время является реализация индустриально-инновационной стратегии, которая призвана обеспечить успешное преодоление последствий мирового экономического кризиса с помощью кардинальной оптимизации существующего технологического уклада. В то же время для объективной оценки современного состояния инновационного развития промышленности Казахстана необходимо изучение опыта инновационной деятельности в других странах мира.

Большинство стран мира придерживаются инновационной модели на базе опережающего развития нано-, био- и информационных технологий. Как показывает мировой опыт, использование новых технологий, новых видов техники, а также новых методов организации управления и производства ведет к сокращению производственных затрат, снижению цен, увеличению размера прибыли, стимулированию новых потребностей и завоеванию новых рынков сбыта. Под влиянием инновационных процессов меняется и структура экономики страны: инновации являются причиной возникновения одних производств и постепенного отмирания других. В то же время инновации, особенно внедряемые в основные технологические процессы промышленного производства, могут оказать отрицательное влияние на состояние экологии. В связи с этим становится актуальной необходимость анализа перехода к инновационной экономике с точки зрения ее влияния не только на эффективность экономики, но и на состояние окружающей среды.

Необходимость государственного регулирования инновационной деятельности обусловлена в первую очередь их возрастающим значением для экономики и общества в целом. Под влиянием инноваций происходит изменение структуры экономики: рост эффективности использования ресурсов приводит к их высвобождению и перераспределению в другие сферы деятельности. Кроме того, в

результате инновационной деятельности происходит постепенное замещение существующих производств и отраслей более новыми производствами.

Опыт развитых стран показывает, что в вопросах научно-технического развития необходимы централизованные методы управления, так как от состояния инноваций все сильнее зависят социально-экономические перспективы развития той или иной страны. В большинстве развитых стран регулирование и стимулирование инновационной деятельности происходит посредством национальных исследовательских программ и различных уровней государственного участия. В основе разработки программ лежит добровольное участие государства, корпораций и фирм, при этом каждый участник руководствуется собственными интересами.

Примером значимости и успешности развития инновационных видов производства может послужить опыт США. Важной составляющей американской модели индустриально-инновационного развития является активное государственное участие в создании условий для повышения эффективности производства в промышленных компаниях США, что дает возможность увеличить отрыв страны по уровню конкурентоспособности выпускаемой продукции от других высокоразвитых стран. В то же время правительство США увеличивает финансирование университетов, государственных лабораторий, технических институтов для стимулирования разработок по ведущим научно-техническим направлениям. Немаловажную роль играет и государственное стимулирование создания венчурных фондов и исследовательских центров, наиболее эффективные из которых могут первые пять лет полностью или частично финансироваться из федерального бюджета. В целом опыт американской модели заключается в необходимости объединения интересов и усилий трех главных действующих лиц научно-технологического процесса: государства, промышленности и академических институтов.

В странах Западной Европы в настоящее время основное внимание уделяется развитию наукоемких и высокотехнологических производств. Здесь активно стимулируется инновационное предпринимательство, создание и развитие малых инновационных компаний. Главной целью инновационной политики ЕС является ускорение и упрощение процессов воплощения результатов научных исследований в готовых продуктах на национальном и наднациональном уровне, а также содействие распространению инноваций. В европейских государствах широкое распространение получила кластерная философия — государственная поддержка инновационной деятельности и содействие новым кооперационным связям вузов и коммерческих компаний, потребляющих инновации. Кластеры помогают предприятиям быть конкурентоспособными, так как в них производится разработка нового продукта, сырья и оборудования по его изготовлению, а также поиск потенциальных потребителей результатов НИОКР. Значительное внимание европейские правительства уделяют развитию патентного законодательства и аспектов его практического применения.

Опыт экономики Японии показателен в части эффективности использования программ концентрации национальных ресурсов на ключевых направлениях научно-технического прогресса. Научно-инновационная политика в Японии

рассматривается в качестве важнейшего средства стимулирования общего роста экономики и повышения международной конкурентоспособности страны. Политика Японии концентрируется на экспорте наукоемкой продукции с большой долей добавочной стоимости. Следует отметить, что промышленные разработки не управляются японским правительством в директивном порядке, а скорее основываются на взаимном партнерстве государственного аппарата и секторов промышленности, направленном на достижение общих целей.

Таким образом, поддержка государства и его непосредственное участие в инновационной деятельности характерны для всех развитых стран. Именно государство обладает достаточными правовыми и экономическими рычагами воздействия на инновационную сферу, с помощью которых оно в состоянии стимулировать или тормозить инновационную активность. При этом важным аспектом эффективности инноваций является диалог между государством, бизнесом и научными организациями. Одной из эффективных форм реализации государственно-частного партнерства является кластерная стратегия развития, которая, к сожалению, не получила должного развития в Казахстане. В то же время кластеры очень перспективны, их применение и развитие способно улучшить конкурентоспособность и эффективность экономик регионов страны.

Важнейшей проблемой организации финансирования инновационной деятельности является финансовое обеспечение научной сферы. Развитые страны мира постоянно наращивают абсолютные объемы затрат на научные исследования и создание новых знаний и технологий. При этом в формирующемся многополярном мире складываются четыре главных центра научного прогресса: США, Европейский Союз, Япония и Китай. По относительному показателю расходы на НИОКР ведущих стран мира составляют 2—3% ВВП, в том числе расходы Швеции и Японии превышают 3%, расходы США составляют 2,7%, стран ЕС — 1,9%, Китая и Индии — более 1,5% ВВП. Лидирующие позиции по данному показателю занимает Израиль, расходы которого выросли до 4,7% ВВП.

Ведущая роль в долгосрочных прикладных и фундаментальных исследованиях и разработках промышленно развитых стран мира отводится предпринимательскому сектору. К примеру, в США финансирование инноваций поступает на 35% из федерального бюджета (около 200 млрд долл. США), 60% — за счет собственных средств частных производственных компаний и 5% — из средств правительств штатов, органов местного самоуправления. Кроме того, в финансировании НИОКР как важного элемента инновационного процесса на уровне 5—6% участвуют учебные заведения (университеты, колледжи) и частные неправительственные организации. Основная часть научных разработок в США финансируется федеральным правительством через гибкую систему контрактов и грантов, которая позволяет предприятиям самим планировать и определять приоритеты в области инноваций и научно-технической деятельности.

В европейских странах государственное финансирование НИОКР сочетает прямые и косвенные методы стимулирования (налоговые льготы, льготный правительственный кредит, амортизационные списания). Такой тип поддержки активно применяется во Франции, Австрии и Швеции.

В Японии же доля частных инвестиций в инновации превышает 80%, остальные 20% финансируются государством. Здесь получила распространение такая мобильная форма финансирования, как венчурный капитал, базирующийся в основном на частных источниках. Большое значение в Японии придается сотрудничеству частных компаний и государства в форме специальных фондов и программных исследований по общенациональным приоритетам страны. По темпам прироста инвестиций в приоритетные научные направления Япония занимает первое место в мире.

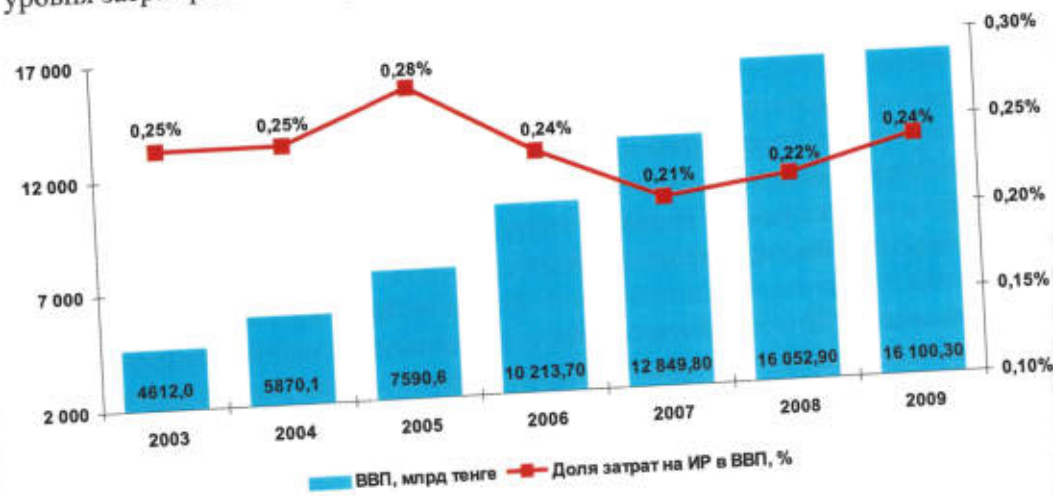
Параллельно с прямым государственным финансированием исследований и разработок развитые страны применяют практику стимулирования инноваций предпринимательского сектора с помощью включения затрат на исследовательские работы частного сектора в себестоимость продукции; списания научного оборудования по ускоренным нормам амортизации; применения адресных налоговых льгот; льготного кредитования исследовательских работ и долевого финансирования крупных проектов; безвозмездной передачи или предоставления на льготных условиях государственного имущества или земли для организации инновационных предприятий или научной инфраструктуры в регионах.

Таким образом, инновационный процесс может успешно развиваться как за счет частного, так и государственного финансирования. Все зависит от эффективности источника инвестиций. При этом важную роль играет уровень развития инновационного климата в стране, законодательная база, регулирующая отношения участников инновационного процесса, развитое информационное и материально-техническое обеспечение научных исследований, сотрудничество между субъектами инновационной деятельности. Для Казахстана финансирование инновационной деятельности может быть результативным как за счет частных инвестиций, так и государственных, а также за счет смешанного финансирования (на основе принципа государственно-частного партнерства). Как свидетельствует мировая практика, необходимо четкое разделение и определение тех сфер и направлений, которые могут быть профинансированы наиболее эффективным способом за счет каждого источника.

Задача инновационного развития и повышения конкурентоспособности промышленности особенно актуальна для экономики Казахстана. Проведенный макроэкономический анализ инновационного развития в Казахстане показал, что научно-техническая деятельность еще не стала основой экономического развития страны.

Основными показателями экономики, сформированной на знаниях, является показатель доли расходов на науку и доли наукоемкой продукции в общем объеме ВВП. Уровень внутренних затрат Казахстана на исследования и разработки (ИР) за последние семь лет не превысил 0,3% ВВП (рис. 1). Хотя уровень расходов государства на ИР незначителен, все же с 2007 г. в их динамике наметились тенденции к росту. Здесь следует отметить, что наращивание расходов на науку в период кризиса соответствует мировой практике, когда страны стараются увеличивать свои затраты на инновации в надежде сохранить ведущие позиции

на мировом рынке. В то же время наши расходы на ИР в 10—20 раз отстают от уровня затрат развитых стран.

Примечание. Составлено согласно данным Агентства РК по статистике // <http://www.stat.kz>.

Рис. 1. ВВП и доля внутренних затрат на ИР в Казахстане

Здесь особое внимание следует акцентировать на необходимости проведения государственной политики поощрения расходов частного сектора на НИОКР в первую очередь с помощью налогового стимулирования. Также необходимо создание благоприятных условий для привлечения частного капитала в высокотехнологичные отрасли экономики и роста инновационной активности малого и среднего бизнеса, который обладает гибкостью, оперативностью и способностью к нестандартным решениям.

Доля инновационной продукции Казахстана в ВВП страны за период с 2005 по 2008 г. сократилась на 0,89% и составила в 2008 г. лишь 0,69% ВВП (рис. 2). В то же время тенденцию к сокращению имеет также и уровень инновационной продукции в общем объеме промышленного производства страны. Данный показатель снизился с 2,4% в 2005 г. до 1,3% в 2008 г.

Следует отметить, что уровень инновационной продукции в ВВП Финляндии составляет более 30%, в Италии, Португалии, Испании — 10—20%. Сравнительный анализ с другими странами свидетельствует о том, что удельный вес инновационной продукции в объеме ВВП Казахстана значительно ниже, но инновационная продукция все-таки существует и требует значительной государственной поддержки.

Опыт развитых стран свидетельствует, что на долю новых или усовершенствованных технологий, содержащих новые знания, приходится 70—85% прироста ВВП. Объем мирового рынка наукоемкой продукции оценивается сегодня в 2 трлн 300 млрд долл. США, причем 39% этого объема приходится на США, 30% — на Японию, 16% — на Германию. При этом США ежегодно получают от экспорта наукоемкой продукции около 700 млрд долл. США, Германия —

530 млрд долл. США, Япония — 400 млрд долл. США. За последние 10—15 лет в развитых странах Западной Европы практически совершилась так называемая четвертая технологическая революция, обусловленная интеллектуализацией производства, и началось формирование нового типа постиндустриального общества. В данных условиях перед Казахстаном стоит стратегическая задача — пройти этап интеллектуализации производства и создать основы постиндустриального общества за кратчайшие сроки. Но здесь наиболее острой проблемой является невостребованность науки и отсутствие платежеспособного спроса реального сектора экономики на результаты научно-технической деятельности. К тому же в последние годы наблюдается сокращение уровня инновационной активности предприятий, который в 2008 г. составил лишь 4% (рис. 2). Сохранение данной тенденции может привести к вытеснению отечественной промышленности с внутреннего рынка и закреплению страны на позициях поставщика сырья.

Примечание. Составлено согласно данным Агентства РК по статистике // <http://www.stat.kz>.

Рис. 2. Показатели инновационной деятельности Казахстана, %

В структуре инновационной продукции промышленных предприятий Казахстана в 2008 г. наибольший удельный вес принадлежал обрабатывающей промышленности, в которой производилось 88,7% всего объема инновационной продукции страны (табл. 1).

Данный показатель значительно выше аналогичного показателя по горно-добывающей промышленности, где производится лишь 9,7% всего объема инновационной продукции. Это объясняется тем, что для сырьевых отраслей характерен достаточно продолжительный жизненный цикл применяемых технологий и в целом низкотехнологичное производство, что не способствует инновациям.

Высокие доли инновационной продукции наблюдались и в металлургической промышленности и производстве готовых металлических изделий (44,0%), химической промышленности (12,8%) и производстве пищевых продуктов (6,8%). Следует отметить, что в пищевой промышленности всегда наблюдался более

высокий уровень применяемых технологий в основном за счет преобладания зарубежного оборудования. Кроме того, для нее характерна более быстрая адаптивность к условиям рынка.

Табл. 1. Распределение объема инновационной продукции по видам экономической деятельности промышленных предприятий в 2008 г.

	млн тенге	%
Всего	110 617,7	100,0%
Горнодобывающая промышленность, в т.ч.	10 764,1	9,7%
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	46,0	0,0%
Обрабатывающая промышленность, в т.ч.	98 137,3	88,7%
Производство пищевых продуктов	7548,9	6,8%
Целлюлозно-бумажная промышленность	1389,9	1,3%
Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	4629,7	4,2%
Химическая промышленность	14 134,3	12,8%
Производство резиновых и пластмассовых изделий	3660,9	3,3%
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	3810,2	3,4%
Металлургическая промышленность и производство готовых металлических изделий	48 694,6	44,0%
Производство машин и оборудования	5348,3	4,8%
Производство электрооборудования	4400,0	4,0%
Производство транспортных средств и оборудования	2997,7	2,7%
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1716,3	1,6%

Примечание. Составлено согласно данным Агентства РК по статистике // <http://www.stat.kz>.

Анализ региональной структуры инновационной продукции промышленных предприятий Казахстана в 2008 г. показывает, что наибольший удельный вес занимают не сырьевые регионы, а Павлодарская (34,4%) и Карагандинская (14,9%) области. Эти регионы имеют более высокий уровень развития научного и промышленного потенциала и способны заметно увеличить уровень инноваций в стране.

Следует также отметить, что экономический рост в предшествующие годы происходил благодаря высокой конъюнктуре на мировом рынке энергетических ресурсов. Однако приток нефтедолларов в страну тормозил развитие отечественной инновационной экономики и препятствовал использованию сверхприбыли от экспорта нефти и газа для модернизации экономики. В результате современная промышленность Казахстана во многом является отсталой от наиболее развитых стран и неконкурентоспособной на мировом рынке. Поэтому в этих условиях Казахстану необходимо осуществление инновационного прорыва, при этом важно в первую очередь определить свои национальные конкурентные преимущества, стратегические технологические приоритеты, создать инновационную инфраструктуру, развивать интеллектуальные ресурсы и выстроить взаимоотношения государства, бизнеса и научных организаций. Для комплексного и эффективного решения инновационных проблем требуется развитие сильной национальной инновационной системы.

Табл. 2. Распределение объема инновационной продукции промышленных предприятий по областям в 2008 г.

	млн тенге	%
Республика Казахстан	110 617,7	100,0%
Акмолинская область	4316,9	3,9%
Актюбинская область	14 056,9	12,7%
Алматинская область	0,3	0,0%
Атырауская область	1598,4	1,4%
Западно-Казахстанская область	390,6	0,4%
Жамбылская область	6094,3	5,5%
Карагандинская область	16 473,8	14,9%
Костанайская область	4084,0	3,7%
Кызылординская область	12,7	0,0%
Мангистауская область	5002,9	4,5%
Южно-Казахстанская область	1451,4	1,3%
Павлодарская область	38 060,2	34,4%
Северо-Казахстанская область	3228,6	2,9%
Восточно-Казахстанская область	5118,2	4,6%
г. Астана	13,2	0,0%
г. Алматы	10 715,4	9,7%

Примечание. Составлено согласно данным Агентства РК по статистике // <http://www.stat.kz>.

Таким образом, анализ мирового опыта инновационного развития и современного состояния научно-технической и инновационной сферы в Казахстане позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

Необходимость государственного регулирования и непосредственное его участие в инновационных процессах обусловлены как их общенациональным значением, так и экономическим содержанием, так как социально-экономические перспективы развития любой страны все сильнее зависят от того, насколько органична ее инновационная деятельность.

Для объективной оценки современного состояния инновационного развития Казахстана и определения его роли и места в инновационной сфере мирового хозяйства необходимо изучение опыта государственного управления инновационной деятельностью других государств. При этом важным является не прямое копирование стратегий инновационного развития этих стран, но учет их успешного опыта по отдельным направлениям экономического развития и на этой основе поиск собственного пути инновационного развития.

Важной составляющей индустриально-инновационного развития США является активное государственное участие в создании условий для повышения эффективности производства промышленных компаний. Американская модель развития является примером успешного объединения интересов и усилий трех главных действующих лиц научно-технологического процесса: государства, промышленности и академических институтов. Здесь особую роль играет и государственное стимулирование создания венчурных фондов. Венчурное финансирование является на данный момент одним из самых эффективных инвес-

тиционных инструментов. Данный опыт полезен для Казахстана при решении вопросов привлечения инвестиций в экономику и бизнес.

Одной из эффективных форм реализации государственно-частного партнерства является кластерная стратегия, применение и развитие которой способствовало бы улучшению конкурентоспособности и эффективности экономик регионов Казахстана.

Опыт зарубежных стран показал, что инновационный процесс может успешно развиваться как за счет частного, так и государственного финансирования. Все зависит от эффективности источника инвестиций.

Проведенный макроэкономический анализ инновационного развития в Казахстане показал, что республика заметно отстает от развитых стран мира. Свои естественные конкурентные преимущества страна не в состоянии эффективно использовать в первую очередь из-за слабо развитой национальной инновационной системы. Одной из наиболее острых проблем является невостребованность науки и отсутствие платежеспособного спроса на результаты научно-технической деятельности со стороны реального сектора экономики. Таким образом, научно-техническая деятельность еще не стала основой экономического развития страны.

Сохранение данной тенденции может привести к вытеснению отечественной промышленности с внутреннего рынка и закреплению страны на позициях поставщика сырья, тем более что для сырьевых отраслей характерно в целом низко-технологичное производство, что не способствует инновационному развитию.

Анализ региональных тенденций производства инновационной продукции показал, что области Казахстана не в полной мере реализовывают свой инновационный потенциал. При этом наиболее высокий уровень развития научного и промышленного потенциала наблюдается в Павлодарской и Карагандинской областях.

Выходом из сложившейся ситуации является необходимость развития эффективной национальной инновационной системы, которая будет способствовать осуществлению инновационного прорыва. При этом концентрация ресурсов на приоритетных направлениях инновационного развития позволит реализовать преимущества уже имеющихся научно-технических заделов и получить новые результаты, необходимые для коренного обновления и модернизации промышленности.

Реформа пенсионного обеспечения в Казахстане: организационно-управленческие реалии

ЕСПЕНБЕТОВА Б.А.

Пенсионное обеспечение жителей Казахстана затрагивает интересы третьей части взрослого населения республики. Пенсионное обеспечение, являясь частью системы социальной защиты, придает чувство безопасности как тем, кто получает пособие, так и тем, кто знает, что со временем будет его получать. Размеры пенсий зависят от уровня социально-экономического развития той или иной страны, политического режима и законодательства.

В большинстве развитых стран функционируют развитые системы пенсионного обеспечения, охватывающие подавляющую часть населения, в том числе практически всех лиц наемного труда и их иждивенцев, студентов, мелких предпринимателей. При этом высокооплачиваемая часть населения, как правило, старость обеспечивают только пенсией за счет добровольного пенсионного страхования.

Самым крупным институциональным изменением в пенсионном обеспечении населения явился переход с солидарно-распределительного на накопительный принцип функционирования пенсионной системы. Так, согласно Закону РК (июнь 1997 г.) «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан», который вступил в действие с 1 января 1998 г., пенсионные системы функционируют в двух видах: обязательная и добровольная.

Распределительная пенсионная система, основанная на принципе «социальной солидарности» (или «солидарности накоплений пенсионных взносов»), устойчиво действует при высоких темпах развития экономики и низкой демографической нагрузке на трудоспособных членов общества. В противном случае она начинает давать «сбой», а в ряде случаев — неспособна обеспечить приемлемый уровень существования пенсионеров. Доказано, что для успешного функционирования этой системы нужно, чтобы на одного пенсионера приходилось не менее четырех работающих. Пенсия назначается и выплачивается гражданам с учетом продолжительности трудового стажа, величины заработка. Эти пенсии финансируются за счет обязательных пенсионных взносов юридических и физических лиц, а также прямыми ассигнованиями из государственного бюджета страны (трансфертные платежи).

Наиболее значительные недостатки пенсионной системы, базирующейся на принципе солидарности поколений, заключаются в следующем: размер пенсии в основном зависит от государства, что дестимулирует индивидов к высокой трудовой активности и накоплению средств к старости; ухудшается благосостояние пенсионеров, уровень обеспечения которых мог бы существенно повыситься за счет начисления процентов и роста сбережений; нарушается социальная справедливость, ибо отсутствуют гарантии возмещения вклада работников в пенсионный фонд.

Эти недостатки в значительной мере снимаются при накопительной системе: устанавливается жесткая связь между индивидуальным вкладом и пенсионными выплатами, из-за более высокой нормы доходности снижается средняя ставка отчислений для достижения необходимого уровня пенсионного обеспечения и повышается уровень пенсионного обеспечения. Главный же выигрыш накопительной системы для экономики той или иной страны состоит в том, что увеличивающиеся сбережения населения в накопительных пенсионных фондах становятся крупнейшим источником инвестиций, что особенно важно для постсоциалистических государств, в том числе и Казахстана. Кроме того, при накопительной пенсионной системе появляется возможность производить пенсионные накопления не только за счет взносов вкладчиков, но и посредством получения инвестиционного дохода от их инвестирования в различные финансовые инструменты.

Типологизация пенсионных систем зарубежных стран позволяет выделить по их организации, характеру финансирования три вида системы пенсионного обеспечения, которые необходимо учитывать при разработке реформ в Казахстане:

- *государственная*, финансируемая преимущественно из бюджетных источников;
- *государственно-частная* (смешанная), финансируемая за счет целевых взносов предпринимателей, трудящихся граждан и субсидий государства, при этом преобладает финансирование из внебюджетных фондов;
- *частная* (негосударственная), финансируемая за счет взносов по добровольному пенсионному страхованию физических и юридических лиц.

Первая из них — *государственная, или система Бевериджа*. Главным источником финансирования государственной системы является государственный бюджет. Для этой системы характерны следующие основные особенности: центральное и региональное планирование; финансирование путем прямого налогообложения; управление системой через профессиональных (социальных) работников; контроль качества со стороны государства и профессиональных работников; экономическое использование ресурсов; низкая оплата труда персонала; низкие административные расходы.

Вторая, наиболее представительная группа систем, построена по принципу *социального страхования (система Бисмарка)*. Они также управляются государственными органами власти, однако имеют другую структуру финансирования. Пенсионные страховые взносы носят обязательный характер для всех получателей доходов, но превалирует финансовое участие предпринимателей и, как правило, взносы не взимаются с лиц с низкими доходами. Их основные характеристики

децентрализованное финансирование на трехсторонней основе — целевые взносы предпринимателей, граждан, а также целевые бюджетные субсидии; свобода выбора страховых пенсионных фондов для вкладчиков; конкуренция между различными пенсионными страховыми фондами; большое внимание контролю качества и расходов со стороны страховых пенсионных фондов; разделение функций государства, финансирующих органов и производителей пенсионных услуг.

Третий вид систем — преимущественно *платные, рыночные или частные*, финансируемые из личных средств населения. Представителем является пенсионное обеспечение Чили. При добровольном пенсионном страховании размер взноса по пенсионному страхованию определяет объем получаемых пенсий. Именно зависимость объема пенсии от размера взноса отличает частное пенсионное страхование от социального, при котором действует принцип общественной солидарности: работающий платит за пенсионера, молодой — за старика, богатый — за бедного. К их основным характеристикам относятся: широкий выбор пенсионных услуг; отсутствие очередей; гарантия сохранности специализированной помощи; конфиденциальность договора пенсионного страхования, должное внимание к вкладчикам пенсионных фондов.

Итак, все виды систем различаются между собой, главным образом, организационно-управленческими, функциональными основами и источниками финансирования пенсионных программ. Между тем следует знать, что ни один из перечисленных видов систем в чистом виде не существует.

Реформы пенсионного обеспечения в настоящее время осуществляются во многих странах мира, поскольку нет совершенных систем. В республиках бывшего СССР, Болгарии, Польше, Венгрии наблюдается движение от первого (государственного) типа ко второму (смешанному). В каждом случае перемены осуществляются в различных условиях.

Казахстан с 1998 г. от государственной модели перешел, минуя смешанную, к негосударственной (частной) модели пенсионного обеспечения. В этом была методическая ошибка [1], так как формирование негосударственного (частного) пенсионного обеспечения возможно только при достаточном экономическом потенциале населения страны.

По мнению К.М. Тулепбаева, государственная пенсионная система, то есть солидарная (распределительная), приемлема и даже необходима в обществе, где у 80% работников заработок низкий и средний. Частная же пенсионная система эффективна, если у 10% наемных работников низкая заработная плата, у 60% — средняя, а у 30% — выше средней. Смешанная система нужна там, где материальное состояние общества имеет уровень выше, чем в первом случае, и ниже, чем во втором. Поэтому Казахстан при нынешних социально-экономических условиях должен внедрять смешанную пенсионную систему, а не исключительно частную (негосударственную) [2].

Данное мнение уточняет Е. Гонтмахер, когда пишет, что из модели государственного пенсионного обеспечения можно было бы непосредственно перейти в негосударственную, если бы у наемных работников страны был бы весьма высо-

кий удельный вес заработной платы в ВВП (порядка 50—65%), умеренная доля средств, резервируемых на обязательное пенсионное накопление (приблизительно 10—15% от размера заработной платы, или 6—7% ВВП). Кроме того, если бы у граждан страны объемы личных сбережений «на старость» были достаточно велики и, как правило, имелось бы недвижимое имущество [3].

После выхода в свет в 1997 г. Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» был образован Государственный центр по выплате пенсий (ГЦВП), внедряющий новую накопительную пенсионную систему и предусматривающий переход от принципа солидарности поколений к принципу персональных пенсионных накоплений. ГЦВП были даны права по присвоению социального индивидуального кода, по персонифицированному учету по транзитным счетам для накопительных пенсионных фондов и осуществлению выплаты пенсий гражданам.

Здесь следует дать разъяснение, почему в Казахстане не существуют «солидарно-распределительная» и «смешанная» системы пенсионного обеспечения. В публикуемых работах и даже в диссертационных исследованиях имеет место нечеткость и образность используемых понятий, терминов. Так, пишут: «...в Казахстане функционирует солидарно-распределительная система пенсионного обеспечения». Во-первых, в Казахстане «солидарная (распределительная) пенсионная система» уже 12 лет как ликвидирована с выходом Закона Республики Казахстан от 20 июня 1997 г. №136-І «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан». Во-вторых, классическая «солидарная пенсионная система», это когда взносы работающих поступают на выплату пенсий уже вышедшим на пенсию, а пенсия сегодня работающих будет выплачиваться из пенсионных взносов вновь поступивших на работу, то есть так называемая «солидарность поколений».

Такой солидарности системы в Казахстане нет, потому что сегодняшние работники в старости не окажутся на содержании следующего поколения, так как свои пенсионные взносы — 10% от зарплаты перечисляют не на содержание нынешних пенсионеров, а на личный пенсионный счет в НПФ для своей старости. В самом деле, финансирование выплат нынешним пенсионерам осуществляется из государственного бюджета за счет поступивших в него сумм единого социального налога (ЕСН), которым облагаются все доходы, начисляемые работодателем в пользу наемного работника. Так как средств, собираемых за счет единого социального налога, недостаточно для выплаты пенсии нынешним пенсионерам, дефицит покрывается из государственного бюджета. Таким образом, «солидарная пенсионная система» упразднена, вместо «солидарной системы» в стране существует лишь «механизм» выплаты пенсии нынешним пенсионерам за ратный труд советского периода.

Впрочем, имеет место недостаточность знания используемого категориального аппарата, когда пишут: «...в Казахстане смешанная система пенсионного обеспечения». Поясняем, понятие «смешанная система» употребляется, когда системы взаимосвязаны, взаимообусловлены и междисциплинарные по характеру. Действительно, женщины, выходящие на пенсию с 01.01.1998 г. по 31.12.2017 г.

а мужчины — с 01.01.1998 г. по 31.12.2022 г., начиная с 1 января 2001 г., получают ее уже из двух источников — часть из ГЦВП и часть — из своих накопительных пенсионных взносов с инвестиционным приростом на своем счете в НПФ. Следовательно, говорить, что в Казахстане существует «смешанная система пенсионного обеспечения» — теоретически и практически неверно. Разумеется, следует выработать «механизм» использования этих двух источников оплаты пенсии. Полагаю, что сумма размера получаемой пенсии из этих источников должна быть не менее 60% от средней зарплаты по стране. А сам «механизм» заключается в следующем. Сначала начисляется пенсия накопительным пенсионным фондом и к недостающему размеру пенсии до «60% от средней зарплаты по стране» дополняется из ГЦВП.

В целях негосударственного пенсионного обеспечения Законом Республики Казахстан от 20 июня 1997 г. №136-І «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2002 г. №369-І ЗРК) образованы внебюджетные накопительные пенсионные фонды (НПФ). *Негосударственное пенсионное обеспечение* — это внебюджетная форма материального (денежного) обеспечения граждан со стороны негосударственных субъектов пенсионных правоотношений в установленном законом порядке. Средства НПФ не входят в состав бюджетов всех уровней бюджетной системы Республики Казахстан и изъятию не подлежат. Негосударственное пенсионное обеспечение — это деятельность частных пенсионных институтов, действующих как специализированные институты социального обеспечения (страхования), отражающие реалии рыночной экономики, и как финансовый институт контрактно-сберегательного типа [4].

Частная пенсионная система является сферой коммерческой деятельности пенсионных фондов, которые обеспечивают функционирование такого института пенсионного обеспечения, как частные пенсии. Здесь задействованы, говоря конкретнее, накопительные персонализированные схемы сбора пенсионных взносов негосударственными пенсионными фондами. Эти специализированные корпорации в обязательном порядке инвестируют средства вкладчиков на национальных и международных финансовых рынках с тем, чтобы за счет полученных доходов обеспечивать как защиту данных средств от инфляции, так и более высокий темп роста сбережений.

Однако проводимая на протяжении 12-ти лет реформа пенсионного обеспечения Казахстана не смогла решить всех ее проблем. Переход от государственной модели, минуя смешанную, в негосударственную модель пенсионного обеспечения при низком социально-экономическом уровне населения создал Казахстану серьезные проблемы, вследствие чего еще не компенсированы многократные потери населения за последние десятилетия. Система пенсионного обеспечения настолько деградировала, что фактически (за некоторым исключением) потеряла свои «первозданные» функции — обеспечивать жизненный уровень гражданина, покинувшего сферу труда, на основе взаимосвязи трудового вклада и пенсионного вознаграждения. Пенсия фактически превратилась в социальное пособие, оторванное от стажа и уровня оплаты труда.

По степени социальной защиты пенсионеры в Казахстане принадлежат к самым обездоленным слоям населения. Если, например, рассматривать материальное обеспечение, то один из критериев его достаточности — соотношение уровня жизни пенсионеров и работающих слоев населения. По расчетам специалистов, равные условия появляются, когда доход пенсионеров по возрасту составляет примерно 75% от дохода работающих слоев населения.

Далее, весьма важно заострить внимание на проблеме управления пенсионным обеспечением населения. Прежде всего, имеет место узковедомственный подход к пенсионному обеспечению, декларативность и догматичность многих оценок и подходов. Сохраняется тенденция к изоляционизму, что выражается в несбалансированной самооценке проблем, рисков, в попытках найти «свои» решения внутренних проблем в отрыве от глубокого изучения мировых процессов в сфере пенсионного обеспечения.

Заметим, что существующая до настоящего времени система пенсионного обеспечения, основанная на патернализме со стороны государства, чрезвычайно принижает роль пенсионного обеспечения и управленческих наук. Чрезмерное огосударствление, централизация управления и финансирования сковывают инициативу пенсионных фондов. Практически пенсионная система функционирует не столько на основе законов, сколько на основе мнений и желаний многочисленных облеченных властью чиновников.

Государство является универсальной управляющей системой. Между тем накопительные пенсионные фонды постоянно выдерживают негативные управленческие воздействия. Так, в 2005 г. в качестве инвестиции в новую железную дорогу «Шар — Усть-Каменогорск» были привлечены 20 миллиардов тенге средств накопительных пенсионных фондов. Было создано АО «Досжан темир жолы», которое получило право разместить на бирже свои ценные бумаги. Железнодорожная ветка построена. Инфраструктурный проект АО «Досжан темир жолы» оказался несостоятельным, и, несмотря на наличие государственного поручительства, проблема возврата средств вкладчиков пенсионных фондов государственными органами на октябрь месяц 2009 г. не решается, то есть не выплачены дивиденды пенсионным фондам.

Казалось бы, пенсионные фонды смогут получать реальную прибыль, которая не будет зависеть от колебания курсов фондового рынка. Но, однако, утверждается выпуск 15-летних облигаций под 8,5% годовых, в то время как инфляция официально прогнозируется на уровне 10—12%. Они заведомо убыточны. И это несмотря на то, что главными требованиями, предъявляемыми к накопительным пенсионным фондам и связанными с соблюдением интересов их вкладчиков и участников, являются сохранность, возвратность инвестированных пенсионных ресурсов и их преумножение в размерах, по крайней мере, не ниже уровня инфляции в стране.

Впрочем, управление со стороны государства, куда вкладывать деньги, вполне уместно, если речь идет о бюджетных деньгах. Однако акционерному (частному) пенсионному фонду следует все же предоставить право самому решать, какие отрасли для них наиболее выгодны с точки зрения рисков, нормы прибыли и т.д. для пенсионеров.

В заключение отметим, что «вторжение» отдельных государственных институтов в инвестиции денежных средств акционерных (частных) пенсионных фондов негативно. В Казахстане необходимо своевременно и правильно принимать организационно-управленческие решения по вопросам реформирования системы пенсионного обеспечения. Круг проблем, связанных с организационно-управленческими вопросами в сфере пенсионного обеспечения, далеко не изучен и, значит, их серьезное научное исследование требует совместных усилий ученых, специалистов и практиков, имеющих отношение к пенсионному обеспечению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тулепбаев К.М. Новая модель пенсионного обеспечения населения Казахстана: теория, методология и механизмы реализации. Автореферат дис. д-ра эконом. наук. — Алматы, 2007. — С. 42.
2. Тулепбаев К.М. То, что доктор прописал // Литер. — 2008, 30 января. — №16. — С. 6.
3. Гонтмахер Е. Пенсионные системы: мировой и российский опыт // Общество и экономика. — 2008. — №9. — С. 37—80.
4. Тулепбаев К.М. Казахская модель пенсионного обеспечения населения: Алматы: Гылым, 2003. — 342 с. (С. 138).

Бизнес-образование на постсоветском пространстве

ВОДЯНОВА Г.М.

Востребованность бизнес-образования в эпоху развития рыночной экономики на постсоветском пространстве, и в частности в Казахстане, была обусловлена быстро расширяющимся негосударственным сектором экономики. И поэтому в процессе преобразования экономики возникло два параллельных «потока» в бизнес-образовании. Первый был представлен государственными вузами, которые пытались ввести в свои программы рыночные дисциплины. При этом не наблюдалось завершенности, целостности системы. Представленность бизнес-знаний носила фрагментарный характер. Другой поток шел из потребностей практического применения данных знаний. Стихийно появлялись школы, курсы по обучению наиболее дефицитным специальностям в области бизнеса, которые организовывали люди без опыта преподавания, но освоившие необходимые знания в процессе собственных занятий бизнесом [1].

В итоге постепенно происходила дифференциация институтов бизнес-образования: основанных в рамках традиционной системы экономического образования, которое досталось как наследие от советской системы, и появившееся вновь видовое разнообразие многочисленных форм частного образования — программы повышения квалификации, более продолжительные программы переподготовки, программы MBA.

В отечественных условиях понимание «бизнес-образования» как отдельной существующей структуры скорее склоняется ко второму типу, то есть воспринимается как коммерческое образование, слабо регулируемое со стороны государства. На содержательную основу бизнес-образования и по сей день влияют ряд таких факторов, как традиции отечественного образования, практика отношений в бизнесе (особенно под влиянием 1990-х гг., когда происходило оформление основных контуров рыночных отношений), отсутствие базовой управленческой подготовки слушателей, что отражается на примитивности содержания отдельных программ в этом сегменте, дефицит преподавательских кадров. Но потребность в данных видах образования существенно расширяется как под влиянием развития национальной экономики, так и потребностей отдельной личности как особое веяние современности. «...Стало необходимым переместить центр внимания с занятости на способность работать в любой сфере, независимо от базового образования, так как имеет место высокая степень неопределенности в том, какие работы будут существовать в будущем...» [2]. Бизнес-образование ориентировано больше не

на получение знаний, а на «обучение мыслить и коллективизированный обмен знаниями» [3].

В структуру современного бизнес-образования входят как государственные, так и негосударственные образовательные учреждения, в том числе вузы, учебные центры, консалтинговые фирмы (консультирование как обучение определенным техническим навыкам). Особняком выделяются бизнес-школы и их зарубежные филиалы, так как многие из них первоначально появились как автономные учебные заведения, отдельно от университетских центров.

Образовательные программы в отдельных подразделениях бизнес-образования отличаются по уровню, объемам, профессиональной ориентации. Все эти учреждения имеют свою нишу на рынке образовательных услуг, ориентированную на разные потребности в зависимости от целей обучения. В данном случае совершенно равноценными представляются получение сертификата об обучении основам бухгалтерского учета на двухнедельных курсах учебного центра или получение сертификата о прослушивании однодневного семинара по приобретению лидерских качеств или же, скажем, получение степени MBA в рейтинговой бизнес-школе. Поэтому акцентными доминантами в нашем описании являются только высшие учебные заведения и бизнес-школы, а также обеспечение ими образовательных программ по управленческому образованию («менеджмент-образованию»).

Выделяют несколько моделей применительно к развитию бизнес-образования на постсоветском пространстве. Несмотря на продвижение образовательных реформ в некоторых странах, многие из них движутся в одном направлении. В частности, присоединение к принципам Болонского процесса, который задал основополагающие приоритеты открытости и унифицированности общего среднего и высшего образования. Кроме того, темпы экономического развития тоже сближают, к примеру, такие страны, как Россия и Казахстан, а это в первую очередь отображается на потребностях в развитии бизнес-образования.

1. Высшее образование. Первая ступень на пути получения завершеного бизнес-образования. К сожалению, оно является сильно дифференцированным по отношению к пониманию стратегий дальнейшего обучения в этой сфере. Условно получение «менеджмент-образования» как высшего образования возможно в следующих типовых структурах:

- *крупнейшие государственные экономические вузы*, которые готовят бакалавров по данной специальности. Такие структуры можно назвать квазигосударственными, поскольку они лишь отчасти финансируются из государственного бюджета и принимают значительную часть абитуриентов на платной основе. Этим вузам легче адаптировать свои программы к требованиям менеджмент-образования, так как там изначально имеется основа для наработки соответствующих учебных программ и подготовленный профессорско-преподавательский состав;

- *факультеты государственных вузов* (в т.ч. педагогических, технических), созданных в последние 10—15 лет и ориентированных на бизнес-подготовку. Данные факультеты можно отнести к бизнес-образовательным учреждениям

лишь с некоторым допущением. Обычно они не имеют достаточной методической базы и квалифицированного ППС для того, чтобы отвечать стандартам бизнес-образования [4];

- новые образовательные учреждения — вузы, которые пока что часто дают только степень бакалавра;
- новые образовательные учреждения — вузы, которые предоставляют не только высшее образование I ступени (степень бакалавра), но и соответствующую степень магистра;
- новые образовательные учреждения — вузы, имеющие право готовить бакалавров по специальности «менеджмент», а также предоставляющие право подготовки слушателей к получению степени MBA.

Есть существенные отличия понятий «бизнес-образование» и «экономическое образование» на этапе освоения высшего образования в рамках бакалавриата или даже магистратуры. Фактически, получая степень бакалавра или магистра по специальности «менеджмент», выпускник имеет академическое экономическое образование. Поскольку высшее образование не предполагает самого главного — обучение управленческим компетенциям, эта роль отводится дополнительному послевузовскому образованию в формате MBA.

Бизнес-образование, с одной стороны, является частью экономического образования, но в нем удельный вес экономических знаний существенно меньше по сравнению с экономическими специальностями. Основная составляющая бизнес-образования — это прагматическая направленность: выработка соответствующих компетенций, формирование личностного роста.

По сравнению с экономическим образованием следует также отметить междисциплинарный характер бизнес-образования, так как оно включает в себя вопросы, которые с научной точки зрения являются предметом социологии, психологии, других «неэкономических» наук, положения которых применяются в управлении деловыми организациями.

Кроме того, важной особенностью при подготовке по управленческим специальностям в пределах высшего образования выступает академизм преподавателей, которые по определению являются жесткими теоретиками, но не практиками. Соответственно, применяются опробованные временем методы обучения — классический формат лекционных занятий и обсуждения в группах.

II. Профессиональная переподготовка. Профессиональная переподготовка специалистов — один из видов оперативного освоения новой специальности при наличии высшего или среднего специального образования. Вот некоторые примеры программ, которые предлагаются для профессиональной переподготовки бизнес-вузами: «Интернет-трейдинг на рынке ценных бумаг», «Управление проектами», «Брэнддинг», «1С:Бухгалтерия» и т.п.

Программы профессиональной переподготовки являются краткосрочными или среднесрочными и предполагают приблизительно 500 часов аудиторной работы. При условии хорошей маркетинговой стратегии образовательного учреждения, которое предлагает программы профессиональной переподготовки, востребованность бизнес-программ высокая.

Данная форма обучения — удобный и быстрый способ получить вторую профессию. Она отличается от второго высшего образования тем, что продолжается более короткое время и не насыщено общими предметами.

Многие используют программы профессиональной подготовки для карьерного роста. Особенно это касается многочисленных специализированных программ в области менеджмента.

III. Повышение квалификации. Программы данного направления обеспечивают повышение профессионального уровня слушателей путем обновления и систематизации знаний, навыков и подходов к решению профессиональных задач.

В связи с тем, что рынок труда подвержен стремительным изменениям, возрастают его требования к уровню подготовки специалистов. Поэтому при подготовке специалистов по этой модели бизнес-образования большое значение имеют связи учебных центров с представителями профессионального бизнеса.

Образовательные программы могут быть как краткосрочными, так и среднесрочными, преобладают корпоративные программы. «По содержанию программы становятся менее ориентированными на знания и резко отличаются от программ моделей I и II своей более узкой направленностью, но зато намного превосходят их по своей нацеленности на выработку навыков, по глубине и конкретности в специфической области» [5].

IV. Мастер делового администрирования. Данная модель предполагает реализацию образовательных программ для получения профессиональной степени MBA. Это своего рода квинтэссенция современного бизнес-образования. Многие научные или околонучные определения категории «бизнес-образование» связаны именно с распространением программ MBA в современном мире.

Как отметил в интервью радиостанции «Эхо Москвы» Президент Российской Ассоциации бизнес-образования Леонид Евенко: «MBA — это престижная форма того, что называется бизнес-образованием. Это символ американского образа жизни, мировой продукт. Американцы сегодня готовят выпуск 104 тыс. MBA в год, в Европе — половина от этого числа, Германии — 3 тыс. в год, в Китае — 15 тыс. в год» [6]. При этом нужно отметить, что этот символический продукт за столетие превратился не только в «продукт-бренд», но и стал одним из факторов, заметно влияющих на рынок труда.

Сложность специфики данной модели бизнес-образования заключается в том, что программы MBA — это хороший тандем как с профессиональной (в т.ч. научной) точки зрения, так и с точки зрения их практической направленности на решение сложных проблем управления организациями.

Удачную метафору использует один из многочисленных выпускников программы MBA, которая является точным отражением специфики обучения на современных программах MBA: «Бизнес-образование сугубо предметно и очень точно нацелено, позволяет получить в свое распоряжение не столько конкретные знания, сколько технологии. Тебе дают как бы связку ключей и учат, как с ними обращаться, а какие двери открывать этими ключами, ты будешь решать самостоятельно» [7].

Получение степени MBA предполагает «подготовку профессиональных менеджеров (а не специалистов в какой-то области), людей взрослых, имеющих хорошо определенные цели в отношении своего образования, зачастую по своему опыту знающих профессиональную сферу, в которой они намерены получить новую квалификацию. Эти люди, с одной стороны, сильно мотивированы к получению образования, но, с другой — они уже отчасти утратили способность к книжному образованию, притом что имеют склонность к освоению новых знаний и видению практических проблем через участие в совместных действиях, групповую работу, выполнение проектов и т.п. [8].

В отечественном варианте программы MBA удачно инкорпорированы в вузовскую систему обучения и обычно представляют собой высокую автономию структурного подразделения, реализующего MBA. Автономность может быть засвидетельствована самыми различными параметрами. Например, эффективным менеджментом учебного процесса, который достигается с помощью квалифицированного персонала с опытом в области управления учебным процессом. Или же наличием подавляющего большинства преподавателей с внештатным расписанием, поскольку преподаватели на программах MBA — своего рода «штучный товар», имеющий право преподавать систематизированное знание на основе непосредственно своего собственного пребывания в бизнесе.

Если более углубленно рассматривать программы MBA с точки зрения их соответствия академическим магистерским программам в сфере менеджмента, то можно сказать, что MBA — это не магистратура, хотя в наименовании полученной степени после окончания программы MBA есть слово «магистр». Хотя, если обратиться к некоторым стандартам западного бизнес-образования (особенно американского), то там MBA включено в общую систему высшего образования.

У нас же магистратура предполагает подготовку специалистов преимущественно для преподавания и науки, а MBA — это в первую очередь развитие практических навыков на основе систематизации знаний. Обладатели степени MBA получают новую, дополнительную квалификацию, поэтому MBA встраивается в систему дополнительного, а не высшего образования. Дополнительная квалификация по итогам окончания MBA позволяет выпускникам занимать какие-либо управленческие позиции.

Следует отметить еще один немаловажный аспект отличия программ MBA от магистерских в области менеджмента. Образовательные программы MBA в целом ориентированы на моделирование процессов, что является высшей ступенью систематизации знаний, направлены на развитие стратегии как главный элемент управленческих технологий. Магистерские же образовательные программы призваны развивать функциональные навыки (табл. 1).

Системный подход позволяет представить неоднородность института MBA как части сектора образования, на сегодняшний день — как достаточно инновационной части современной образовательной системы (табл. 2).

Табл. 1. Отличительные признаки программ MBA и магистерских программ в области менеджмента

Критерии сравнения	MBA	Магистр менеджмента
Отношение к структуре образовательной системы	в системе дополнительного образования	в системе высшего образования
Цели обучения	акцент на стратегию как цель образовательных программ	развитие функциональных навыков
Уровень специализации	общая квалификация	выраженная специализация
Применяемые методы в обучении	активные методы обучения	академизм как главный подход в обучении
Предварительная подготовка для обучения	имеет значение опыт работы, но не требуются специальные знания	не имеет значения опыт работы, но требуется специальная подготовка

Табл. 2. Анализ содержания образовательных программ MBA

Основные индикаторы для анализа содержания программ MBA	Содержание программ MBA
Разновидности образовательных программ	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Executive MBA (EMBA)</i> • <i>General MBA</i> • <i>Global MBA</i> • <i>Mini MBA</i> • <i>Special MBA</i>
Наличие специализированных программ	разноплановые
Наличие совместных программ с западными бизнес-школами	используются повсеместно как результат глобализации образовательного процесса и как маркетинговые стратегии
Распределение дисциплин по блокам	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Дисциплины, посвященные среде бизнеса</i> (налоговое право, правовые основы предпринимательства) • <i>Научные основы бизнеса</i> (финансы и бухгалтер, статистика) • <i>Базовые курсы</i> (менеджмент, маркетинг, управление персоналом) • <i>Специальные дисциплины</i>
По форме обучения	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Очная</i> • <i>Вечерняя</i> • <i>Модульная</i> • <i>Дистанционная</i>
Количество лет обучения	12—18 месяцев
Количество часов обучения	около 1000 часов аудиторной нагрузки
Соотношение количества аудиторной и самостоятельной видов работ	характер самостоятельной работы слушателей MBA структурирован неравномерно (имеются различные вариации в отечественном и зарубежном формате)
Методы обучения	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Кейсы</i> • <i>Тренинги</i> • <i>Деловые игры</i>

Разновидности образовательных программ MBA

1. *Executive MBA (EMBA)* — эксклюзивная программа на рынке бизнес-образования появилась в 1943 г. в Чикагском университете. Сегодня она занимает устойчивые позиции в структуре бизнес-образования и представлена во многих бизнес-школах. Это специальная программа, рассчитанная на опытных руководителей, топ-менеджеров со стажем управленческой работы.

Ввиду того, что слой слушателей данного вида программ не может позволить себе дневное обучение, была разработана модульная система обучения, которая затем с успехом стала применяться и на иных видах программ. Слушатели встречаются друг с другом всего лишь несколько раз в году, во время очных модулей, все остальное время посвящено самостоятельной работе.

2. *General MBA* — наиболее распространенная программа MBA в отечественном бизнес-образовании. Она обеспечивает формирование навыков в области общего менеджмента. Выпускники являются своего рода «широкоформатными профи», которые способны работать в любом сегменте рынка и на любой должности. Считается, что они обладают таким набором компетенций, который позволяет им легко находиться как на позиции коммерческого директора фирмы или даже корпорации, так и занимать более скромные позиции, например менеджера по персоналу.

3. *Global MBA*. В отличие от программы *General MBA*, которая в отечественных условиях рассчитана на будущих менеджеров и владельцев малого и среднего бизнеса, выпускники данной программы MBA готовятся стать работниками в межнациональных корпорациях. «В таких программах увеличено количество лекционных часов макроэкономики, чтобы слушатели лучше понимали бизнес-процессы в мировом масштабе и могли участвовать в управлении компаниями, имеющими десятки филиалов в разных странах. Соответственно, стажировки также проходят в таких компаниях. По этой программе студент может семестр учиться в одной стране, потом в другой, а окончить обучение — в третьей. Глобальный менеджер должен знать, как делается бизнес на разных континентах. Обычно *Global MBA* существует в крупных бизнес-школах, связанных с элитными университетами» [9].

4. *Mini MBA*. Эта программа рассчитана на массовую ликвидацию безграмотности в области менеджмента и была впервые опробована в странах с быстрым экономическим развитием, где необходима ускоренная подготовка профессионалов.

Данная образовательная программа является удачным совмещением двух форматов бизнес-образования: традиционной MBA и краткосрочных тренингов. В итоге получилась среднесрочная программа, рассчитанная (по средним оценкам) на 270 аудиторных часов, 200 из которых составляют часы для изучения базовых дисциплин.

Таким образом, данная программа более всего пользуется спросом у представителей малого и среднего бизнеса, которым важен не документ об образовании, а практические навыки для управления своей компанией.

По окончании MBA данного формата выпускники получают либо сертификат, либо удостоверение, либо свидетельство, либо диплом о профессиональной переподготовке. Эта образовательная программа отличается тем, что документ об ее окончании предусмотрен правилами самого учебного заведения.

5. *Special MBA*. Этот вид программ ориентирован на углубленное знание в конкретной области. Рост специализаций на рынке труда стимулирует появление подобных программ. Если раньше было позволительно иметь ряд компетенций и называться менеджером, то теперь существенно отличаются между собой компетенции типа «руководитель финансового отдела строительной компании» и «финансовый директор строительной компании».

На рынке краткосрочных и среднесрочных программ также наблюдается активный рост всяческих специализаций, таких, например, как «ресторанный менеджмент», «стресс-менеджмент», «управление проектами в ипотечном бизнесе» и т.п.

Диверсификация образовательных программ на рынке бизнес-образования однозначно принесет больше выигрышных моментов, но появятся и значительные проблемы в связи с привлечением огромного количества действительно компетентного преподавательского состава.

Например, на российском рынке бизнес-образования уже появились курсы MBA со специализацией «Медицина», «Управление в инвестиционно-строительном комплексе», «Telecom», «Управление высокотехнологичными проектами» и т.д. Если в общих курсах MBA со специализациями отводится до 30% учебного времени на специализацию, то в программах, ориентированных на функциональные назначения, эта доля доходит до 70%.

Специализация в рамках MBA бывает двух видов: профессиональная (маркетинг, финансы) и отраслевая (MBA в здравоохранении, MBA в строительно-инвестиционном комплексе). Первый вид специализации не представляет собой новинку в бизнес-образовании, а вот потребность во втором виде, очевидно, высокая.

Существуют в этом плане сторонники и защитники как «дженералистского» MBA, так и специализированного. Интересно представить, что «в США рынок специализированных программ процветает, так как они (программы) привязаны к тенденциям развития рынков, например, управление в спорте или в сфере гостиничного бизнеса. Во Франции есть программы MBA в области виноделия. Вряд ли вы найдете специализированные программы в крупнейших школах, входящих в международные рейтинги» [10].

«Менеджерная идеология» как дискурс развития современного бизнес-образования на постсоветском пространстве

Обучение в формате дополнительного бизнес-образования осознается как значительный этап в создании дальнейших жизненных стратегий, о чем выражают свое мнение выпускники MBA в многочисленных социологических исследованиях. Посредством такого обучения формируется и закрепляется наиважнейшая система ценностей, способствующая личному успеху в условиях рыночного

порядка. Все качества, культивируемые рыночными отношениями, воссоздаются вновь в каждой личности и поддерживаются благодаря сложившейся системе образования в бизнес-школах, которые являются достаточно статусным институтом современной экономической жизни во всем мире.

Менеджерская идеология, как никакая другая из профессиональных, стала одной из самых сплоченных цеховых идеологий. Объективным объяснением тому является сама наука о менеджменте. Становление научных дисциплин происходило разными путями: некоторые выделились из философии, некоторые появились благодаря практической необходимости человечества, а впоследствии стали обретать статус академической науки. Наука о менеджменте появилась по историческим меркам достаточно поздно — закрепились в университетском сообществе только во второй половине XX в. и до сих пор является маргинальной наукой, поскольку большинство базовых конструктов управления было заимствовано из смежных областей: психологии, социологии, экономики, математики. Даже несмотря на то, что трудно назвать сегодня абсолютно самостоятельную по отношению к заимствованиям из других наук какую-либо отдельно взятую научную дисциплину, предельность междисциплинарного подхода особенно явно наблюдается в менеджменте как науке. Это — во-первых.

Другая методологическая особенность науки о менеджменте, позволяющая ее идеологизировать, является «выстраивание этапной эволюции управленческой науки: к гуманистическим принципам, от рациональности к нерациональности и ситуативности в практике управления» [11]. Именно исходя из этого принципа мы можем дистанцировать науку о менеджменте от официально признанной академической дисциплины и рассматривать ее с позиций присутствия в ней идеологической компоненты.

Менеджерализм как одна из основных составляющих современной неолберальной идеологии фактически был принят обществами, вставшими на путь индустриальной модернизации вне зависимости от политического устройства этих обществ. Менеджерализм рассматривает развитие общества в разрезе властных отношений в экономической сфере, отдавая абсолютный приоритет менеджерам как особой социальной группе, которая имеет особое «экспертное знание».

По определению всякая идеология есть отображение общественного сознания, имеющая целью владеть основаниями для принятия управленческих решений. Менеджеральная идеология стремится обосновать себя с помощью пропаганды определенного имиджа управленцев — социально признаваемого идеала. В основу такого идеала ложатся такие постулаты, как:

1) менеджеры обладают особой моральной ответственностью и техническими знаниями, необходимыми для разработки и внедрения социально-экономических инноваций в существующий социально-экономический порядок [12];

2) имидж управленцев закрепляется благодаря наличию в обществе соответственно одобряемых социальных ценностей (к примеру, в большинстве постсоветских государств очень быстро забыли о командно-административных методах управления).

Менеджеральная идеология обосновывается не только на макроуровне — определяемая функциональными особенностями строения общества, но и на микроуровне с точки зрения необходимости присутствия касты управленцев в корпоративной организации. «Менеджеры заявляют, что существует область деятельности — управление, требующая специальной теоретической подготовки и овладения определенными знаниями. Те, кто не прошел соответствующую подготовку, не обладают легитимностью для управления работниками организации. Профессиональный менеджер имеет набор “credentials” (полномочий), позволяющий ему принимать решения за других. Эти решения обосновываются интересами организации» [13].

Впервые «менеджерскую революцию» попытался обосновать в своей теории Дж. Бернхейм [14]; основной идеей является понимание возрастающей обособленности менеджерского класса и предсказание о вытеснении класса собственников классом управляющих. Эта теория футурологической направленности с успехом предвидела два взаимосвязанных между собой процесса:

- как более частный процесс — все возрастающее отделение собственности от контроля, поскольку правящий класс и класс, являющийся субъектом производства, не идентичны;
- как более универсальный процесс — замещение капиталистов менеджерами. Отделение собственности от контроля означает сосредоточение его в руках менеджеров, что позволяет им занимать господствующее положение в корпорации.

Во многом сходные позиции присутствуют в знаменитой работе Ч.Р. Миллса «Властвующая элита» [15], где обосновывается идея о том, что администраторы высшего уровня переходят в класс собственников, поскольку овладевают крупными пакетами корпоративных ценных бумаг.

В любой стратификационной модели общества присутствует позиция, которую отводят социальной группе менеджеров. Это четко вошедший во все социологические исследования неоднородный слой, определяемый совместными профессиональными интересами. При этом обычно менеджеров считают одной из основных групп, формирующих средний класс. Идеологическая обоснованность способствует повышению статуса социальной группы менеджеров, а статус, в свою очередь, формирует определенные экономические выгоды, престиж профессии и достаточную автономность в рамках всего общества. Идеология является своеобразным символическим ресурсом, используемым слоем менеджеров для получения преимуществ, которые легко конвертируются в более качественные стандарты жизни.

В связи с этим идеологическую обоснованность позиций «менеджерского класса» пытались критиковать как «слева», так и «справа». Основа критики выражалась, с одной стороны, неприятием менеджмента как академической дисциплины. На что можно заметить, что современное бизнес-образование больше носит практически-прикладной характер, чем фундаментально-академический. А с другой стороны, подвергали сомнению главное утверждение менеджмента как науки, что менеджер есть олицетворение эффективности.

Основные тезисы критики «управленческой революции» изложил в своей известной работе представитель современной аналитической философии А. Макинтайр, который управленческую функцию образно назвал «центральной моральной фикцией века», поскольку, с его точки зрения, интерпретация управленческой эффективности не имеет подходящего рационального обоснования [16].

А. Макинтайр подверг критике концепцию эффективности, которая является основанием для управленческого труда. Он утверждает, «что это миф современного общества. Из некоторых соображений можно показать, что измерять и оценивать эффективность действий невозможно. Но есть обширный класс современного общества, который большие деньги получает за то, что говорит, что он умеет оценивать эффективность» [17].

В то же время для наглядной объективности можно выделить рыночную оценку, которая адекватно представлена запросами на практическое знание, предоставляемое современным бизнес-образованием. Видимо, только таким образом можно примирить антагонистические воззрения на социальную природу современного бизнес-образования.

Фактически в конце XX в. удачно наложились друг на друга процесс перехода к рыночной экономике в постсоветском мире и, собственно, сама идеология рыночной экономики, олицетворением которой можно считать стремительное распространение бизнес-образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гапоненко Екатерина Николаевна. Бизнес-образование как фактор повышения управленческой культуры: социолого-прогностический анализ: Автореф. дис. канд. социол. наук. 22.00.08. Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. — М., 2004. — С. 7.
2. Кан О.А. Развитие сферы управления в новой Европе — возможности предвидения для бизнес-образования в Центральной Азии / Бизнес и образование: вектор развития: Материалы международной научно-практической конференции. — Алматы, 2004. — С. 256.
3. Там же. С. 257.
4. Абрамов Р.Н. Российские менеджеры. Социологический анализ становления профессии. — М.: КомКнига, 2005. — С. 241—242.
5. Евенко Л.И. Конкурентные преимущества моделей бизнес-образования в российских условиях // <http://www.elitarium.ru>. — 2006, 4 января.
6. Евенко Л.И. Программы MBA. 30.08.2004 // Архив // <http://www.echo.msk.ru>.
7. Интервью с выпускниками программы MBA // Элитное образование. — 2004. — №11 // <http://pg.vavt.ru>.
8. Евенко Л.И. Конкурентные преимущества моделей бизнес-образования в российских условиях...
9. Global MBA // <http://www.magistr.net>.
10. MBA для коневода и священника // Финансовые известия. — 2005, 21 января // <http://www.fniz.ru>.
11. Евенко Л.И. Конкурентные преимущества моделей бизнес-образования в российских условиях... С. 154.
12. Там же. С. 206.
13. Там же. С. 165.
14. Burnham, J. The managerial Revolution: what happening in the world. — N.Y., 1941.
15. Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. с англ. — М.: Иностранная литература, 1959.
16. Абрамов Р.Н. Указ. соч. С. 171—173.
17. ФОМ Клуб // <http://club.fom.ru>.

Синергетический эффект взаимодействия общественного и рыночного секторов экономики

НУРМАНОВА Б.З.

Многогранность и неоднородность современной экономики расширяет методологическое поле исследования. Это приводит к следующему: с одной стороны — к безусловной максимизации системных результатов, с другой — к операциональному структурированию отдельных феноменов экономики. Так, развитие ортодоксальной классической теории — мейнстрима — сохраняет в своем жестком ядре модель равновесной цены, формируемой на базе спроса и предложения, рациональность поведения экономических субъектов, полноту информации, эффективную аллокацию ресурсов, оптимальность производства. На практике это должно привести к максимизации эффектов выпуска, эффективной производственной функции, максимизации полезности благ [1]. Системной альтернативой мейнстриму выступает новая институциональная экономическая теория (НИЭТ). Именно в ее рамках функциональность и линейность системных результатов уходят в неактуальное основание, а доминирующими установками становятся свойства операционального существования тех или иных экономических процессов, феноменов.

Наиболее развитая концепция НИЭТ выделяет в своем расширенном фундаменте концепции Р. Коуза, О. Уильямсона и Д. Норта. Так, в жестком ядре теории Р. Коуза выделяются такие понятия, как внешние эффекты, общественные блага, трансакционные издержки. Именно на них вырастает теория экономики и права. Дальнейшее развитие она получает в управленческой теории О. Уильямсона. В ядре его теории — контрактные отношения, структуры управления контрактами (рынок, фирма или иерархия, смешанные формы или гибриды), специфичность активов. В теории Д. Норта доктринальным ядром являются динамика относительных цен, новые знания и технологии, типы институциональной инфраструктуры, которые задают траекторию экономического развития. На практике результаты НИЭТ выражаются в диверсификации предпринимательских структур, экономии трансакционных издержек, сокращении негативных экстерналий [2].

Таким образом, современные аналитические принципы позволяют иерархизировать результаты экономического развития — как от общих, системных, так и операциональных. В пространственном же векторе результирующая проявляется и в эффекте синергии.

Синергия — это взаимозависимое действие двух или нескольких сил, агентов, факторов в каком-либо одном направлении. Оно проявляется на уровне динамических систем. Современное понимание этих систем требует иного отношения к функционированию их подсистем — не как к подчиненным целому элементам, а как к синергически взаимодействующим частям, рождающим целое. Таким образом, синергетика фиксирует специфическое состояние данных систем в условиях неустойчивого равновесия, динамику их самоорганизации вблизи неравновесных состояний, состояний в области бифуркации.

На состояние и эффективность функционирования любой организации действует система эндогенных и экзогенных факторов. Согласно свойству эмергентности, совместное действие нескольких факторов всегда или почти всегда отличается от суммы отдельных эффектов. Выведенный эволюционистами закон синергии гласит: любая динамическая система стремится получить максимальный эффект за счет своей целостности; стремится максимально использовать возможности кооперирования для достижения эффектов. В работе Э. Смирнова «Теория организации» эта формулировка звучит так: «Для любой системы (технической, биологической или социальной) существует такой набор ресурсов, при котором ее потенциал всегда будет либо существенно больше простой суммы потенциалов входящих в нее ресурсов (технологий, персонала, компьютеров и т.д.), либо существенно меньше» [3]. Исходя из этого, синергетический эффект включает в себя не только эффекты частного сочетания потенциалов, но и их согласованное поведение и взаимоподдерживающие связи.

Повышение общего потенциала организации эквивалентно приобретению нового ресурса, а понижение общего потенциала — эквивалентно фактической потере организацией части прежнего ресурса.

Если экстраполировать это на современную экономическую систему, то очевидно, что она состоит из двух блоков — общественного и рыночного секторов. Суммарное воздействие факторов внутри блоков порождает отдельные эффекты синергии, тогда как общий синергетический эффект будет качественно и количественно иным. Так, функционирование общественного сектора как первого блока динамически развивающейся экономической системы в данном контексте выглядит следующим образом. Общественный сектор включает в себя государственный сектор и сектор некоммерческих организаций. Целевая установка общественного сектора — максимизация общей социальной полезности или рост социальной эффективности воспроизводства. Источниками для реализации и обеспечения уровня социальной эффективности являются такие неотъемлемые элементы (или частные потенциалы данного блока), как государственная собственность, производство общественных благ, антимонопольная деятельность. Именно реальное использование данных составляющих и порождает позитивный результат, который выражается в показателях социального благополучия, таких, например, как стандарты социального потребления, рост объема общественных благ, рост конкурентоспособности. Итак, частный эффект синергии в данном секторе — это растущая система социального благосостояния.

В рамках рыночного конкурентного сектора целевая установка заключается в максимизации полезности используемых факторов производства, то есть в максимизации экономической эффективности. Источниками динамического развития данного блока являются эффективная аллокация ресурсов, инновационное предпринимательство, управление транзакциями различными рыночными структурами. Результирующими показателями выступают рост макроизмерителей (ВВП, национальный доход), повышение потребительской активности населения, экономический рост. Таким образом, в данном блоке частный эффект синергии как совместного действия факторов конкурентной среды выражается в показателях экономической эффективности.

Общесистемное проявление синергетического эффекта в современной экономике выражается в комбинаторном влиянии доминант общественного и рыночного секторов. Результатом данного влияния является рост социально-экономической эффективности. И это действительно не простое сложение эффекта социального благополучия и экономической эффективности. Ведь для обеспечения максимально возможного уровня социального благополучия приходится платить иногда экономическим сжатием (например, при росте налоговых отчислений на бизнес для выполнения развитых социальных программ) и наоборот (либерализация рынков может привести к росту монополистических тенденций и социальной нестабильности). Потому для получения позитивного синергетического эффекта необходима постоянная рационализация комплементарных отношений общественного и рыночного секторов. Ядром же данной рационализации выступает растущая институционализация на уровне всех субъектно-объектных связей. В частности, для минимизации упущенных выгод представляет интерес формирование политического предпринимательства, в рамках которого социальные приоритеты модифицируются политическим рынком и им же предлагаются гибридные формы для частного сектора. Тем самым уровень социальных потребностей будет реализован, рыночная же среда получит новые институциональные формы. Таковы общие контуры проблемы синергетического эффекта в современной экономической системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Либман А. Направления и перспективы развития политико-экономических исследований // Вопросы экономики. — 2008. — №1. — С. 28.
2. Расков Д. Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. — 2010. — №5. — С. 90—91.
3. Смирнов Э. Теория организации. — М., 1992. — С. 12.

Диаспорология Казахстана в контексте мировой науки

КИМ Г.Н.

В современном мире сотни миллионов людей проживают ныне за пределами своей историко-этнической родины, которые образуют в странах-реципиентах новые свои сообщества. Образовавшиеся иммигрантские группы способны к длительному воспроизведению и со временем диаспоризируются, то есть создают в новой среде обитания собственные социальные сети, основанные на этнической общности или порой на общности расы, религии, страны (региона) происхождения. Длительное проживание в иной стране трансформирует поколения иммигрантов в субэтнос — *диаспору*, отколовшуюся от основного этнического ядра, отличающуюся от него своеобразием культуры, образа жизни и языка. У представителей такого субэтнуса (диаспоры) существует, как правило, двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к диаспоре.

Потомки иммигрантов, длительно проживающие за пределами своей исторической родины (этнического ареала), обычно подвергаются ассимиляции, то есть растворению в доминирующей иноэтнической среде. Постепенное забвение родного языка, обычаев, этнической культуры, рост доли межэтнических браков, увеличение числа детей в этнически смешанных семьях приводит в конце концов к потере субэтносом чувства прежней этнической принадлежности. Этот процесс обычно завершается со сменой нескольких поколений. Однако диаспора не исчезает до тех пор, пока ее члены воспринимают самих себя в антитезе «мы — они», причем под последними понимаются все остальные, включая этнос-ядро, от которого когда-то откололись их предки.

Успешно адаптировавшаяся диаспора может сосредоточивать в себе значительные финансовые, промышленные активы, приобрести политическое и культурное влияние в государствах проживания и, благодаря связям с этнической родиной, быть задействованной для реализации национальных интересов последней на международной арене. Сила и влияние государства в определенной мере зависят от численности и социального статуса его выходцев в других странах. Классическими примерами этому утверждению служат этнические китайцы (*хуацяо*) или еврейское лобби.

Как показал исторический опыт, массы новых пришельцев, беженцев, трудовых иммигрантов и проживающих порой уже длительное время национальных меньшинств, в силу разных обстоятельств, могут привести к межэтнической напряженности или к открытым конфликтам, что вызывает необходимость поиска путей их

предотвращения. В данном контексте особую значимость приобретает явление диаспоры, все больше привлекающее исследовательский интерес ученых.

Роджер Брубейкер отметил, что с конца 1980-х гг. наблюдается лавинообразный интерес к диаспорам. По его подсчетам, термин «диаспора» и производные от него понятия встречались всего лишь один или два раза в год в названиях всех диссертаций в США 1970-х гг., примерно тринадцать раз в год в конце 1980-х гг. и почти 130 раз в одном лишь 2001 г. [1]. Такой бум интереса не ограничивается академической литературой, поиск «Diaspora» в «Гугле» (Google.com) дает на сегодня свыше 11,4 миллиона ссылок на английском языке, а на русском — 6,2 миллиона*.

Пристальное внимание к диаспорам обусловливается рядом причин. Во-первых, в силу того, что изменилась сама сущность понятия «диаспора» и появились новые критерии, по которым стали относить к диаспорам те или иные группы людей, образующих свою общность не только по принципу единства этнического происхождения. В последние десятилетия произошло обвальное расширение круга политических, социально-экономических и этнокультурных проблем, включающих в себя ключевую дефиницию — «диаспора». Дискуссии о проблемах диаспор активно ведутся учеными различных отраслей наук: истории, социологии, демографии, экономики, а также политиками, чиновниками, журналистами, лидерами общественных организаций, в том числе и этнических. Таким образом, они носят не только актуальный научный, но и весьма злободневный практический характер.

Во-вторых, актуальность исследования диаспор требует их всестороннего изучения, начиная с выявления их места в этносоциальной структуре общества, во всем комплексе межэтнических отношений, а также общении между представителями разных наций в рамках многонациональных государств [2].

В-третьих, диаспора является объектом внутренней политики и субъектом международных отношений, связующей нитью между внутренней и внешней политикой государства, поэтому в современный период в политической науке особый интерес представляют исследования проблемы воздействия диаспор на международные отношения.

И, наконец, особую актуальность проблема диаспор приобрела в постсоветском пространстве. После крушения Восточного блока и распада СССР, Югославии, Чехословакии, десятки миллионов людей бывших граждан одного федеративного государства оказались на положении диаспоры. Это придало явлению диаспоры, воспринимавшейся прежде как феномен, возникающий в результате миграций и характерный для зарубежных стран, новую значимость и новое звучание. Особую остроту получили правовые и социальные аспекты этой темы, занявшие важное место в межгосударственных и межрегиональных отношениях.

Формирование диаспорологии как самостоятельной науки относится к концу XX-го в. и ею занимались западные ученые, прежде всего американские. Наиболее полное отражение процессы возникновения этнической диаспоры, ее

* Дата входа 06.01.2010.

сущностные проявления, основные черты, отличающие от других этнических сообществ, ее типологии, функционирование в новой среде проживания, социальная значимость, место и роль в странах-реципиентах и странах-донорах и т.д. находят в различных направлениях социологии, антропологии, культурологии, в которых «диаспора» стала самостоятельным термином.

Исследования классических (мировых) типов диаспор, связанные с их сопоставлением и спецификацией, представлены в работах Х. Тололяна, У. Сафрана, М. Дабага и К. Платта, Р. Кохейна, Мариенстраса, Э. Скиннера, М. Эсмана [3]. Упомянутые авторы провели обширный научный анализ с целью определения сущностных характеристик этнических диаспор и конкретизации смысловых границ феномена.

Р. Хеттлаге, У. Ханнерц, Т. Фаист, Р. Коэн, Р. Кохейн, Дж. Най, А. Бра [4] в качестве одной из важнейших из составляющей функциональной характеристики диаспор отмечают стремление групп иммигрантского происхождения к формированию этнических сетей коммуникаций. Эти сети охватывают и скрепляют людей, происходящих из одной страны по признаку крови.

Исследования одной из важных функций диаспоры, выполняющей трансмиссию своей этнической культуры в новую страну проживания, отражены в работах А. Ашкенази, Г. Шеффера, Р. Хеттлаге, Дж. Клиффорда [5], У. Ханнерца.

К. Окампо, М. Бернал, Дж. Найт, Е. Кохейн и другие исследователи значительное внимание уделяют вопросам структурного анализа диаспорной идентичности, ее трансформации в условиях страны пребывания, в результате которой она имеет не только сходство и различия с идентичностью этнического ядра [6].

Исследование политических аспектов жизнедеятельности диаспоры осуществляется в работах Г. Шеффера, Е. Шаина, М. Эсмана, Дж. Армстронга, Э. Бонасича, Р. Брубейкера, С. Верговека, С. Хантингтона, С. Лаллука [7] и других, которые считают, что «явление диаспоры имеет измерение, относящееся к сфере международных отношений». М. Эсман выделяет в этой связи следующие формы взаимодействия диаспоры, страны проживания и исторической родины. Во-первых, в форме обращения страны-донора за помощью к диаспоре, когда она способна влиять на события в стране-реципиенте и в стране «исхода». Во-вторых, в форме защиты и поддержки страны «исхода» своей диаспоры в иной стране [8].

Другим направлением исследований является определение критериев и содержания понятия диаспоры, его типологизации. В работах, посвященных данной проблематике, рассматриваются дискуссионные вопросы соотношения классических или исторических диаспор и новых иммиграционных сообществ, критерии модельной или эталонной диаспоры, отнесение к числу общностей рассеяния разделенных народов и этнических групп. Р. Брубейкер ввел понятие «диаспор катаклизма», рассматривая их как защитное объединение, связанное с перемещением границ [9]. Согласно классификации Дж. Армстронга, диаспоры делятся на «мобилизованные» — те, которые обладают высоким политическим, экономическим, организационным потенциалом, и «пролетарские», не имеющие навыков для «эффективного действия в своих коллективных интересах» [10].

Еще одно направление исследований составляют работы по изучению процессов иммиграции и адаптации беженцев, этнических меньшинств в принимающих странах. Детальному анализу подверглись вопросы, связанные с выявлением предпосылок иммиграции индивидов и общин с этнической родины, этапов и особенностей усвоения ими новых для них социальных норм, культурных ценностей принимающего общества.

За прошедшие два десятилетия за рубежом появился значительный массив публикаций в виде монографий, сборников статей, материалов конференций по актуальным проблемам отдельных этнических диаспор, начиная от классических (еврейской и армянской) и заканчивая новыми (японская, корейская, турецкая и т.д.). Счет здесь идет даже не на сотни, а уже на тысячи наименований изданных работ и неопубликованных отчетов, магистерских и докторских диссертаций.

Параллельно с ними были изданы исследования, посвященные диаспорам африканской, азиатской, арабской, кавказской, мусульманской и т.д., имеющим истоки не из одной конкретной страны, а из целого региона или континента. В них предприняты попытки найти характерные общие черты, объединяющие иммигрантов по общему историческому прошлому, принадлежности к одному культурно-языковому ареалу, расовому типу и одной религиозной вере.

Среди значительной массы книг справочно-информационного характера особо стоит отметить двухтомную публикацию «Энциклопедия диаспор», изданную под редакцией Мэлвина Эмбера, Карол К. Эмбер и Яна Скоггарда (Йельский университет). В масштабном проекте приняли участие около ста ведущих ученых-экспертов из разных стран, изучающих этнические диаспоры. В первом томе даны обзорные статьи по истории возникновения зарубежных диаспор, а также о взаимосвязи искусства и диаспоры, стратегии и идентичности диаспоры и типах диаспор. Второй том содержит 60 статей о конкретных этнических диаспорах, построенных по одной и той же структуре: Самоназвание и название диаспоры и материнского этноса; География расселения; История; Демография; Язык; Культура и диаспорная община: экономическая деятельность, гендерные роли и статус, жилище и использование жилого пространства, собственность и наследование, брак, семья и домашнее хозяйство, социализация и образование, этнические организации и структура, социальные слои, политические объединения и их деятельность, религиозные верования и практика, обряды, обычаи и праздники, искусство, досуг и отдых; Культурные вариации; Связи со страной проживания, исторической родиной и другими зарубежными диаспорными общинами; Идентичность (самосознание). Такая единая структура позволяет наглядно видеть и сравнивать общее и особенное в демографических, социально-экономических, этнокультурных и иных жизненно важных диаспоральных параметрах [11].

В ряде университетских центров США, Канады, Великобритании и других стран действуют научные центры, специализирующиеся на диаспорной тематике. Каталоги учебных программ зарубежных университетов Северной Америки, Западной Европы, Австралии и стран Азии стали включать курсы лекций по диаспорам для бакалавров и магистров. Возникли и действуют исследовательские институты и научные центры, разрабатывающие различные аспекты диаспо-

рологии [12]. Поскольку возникновение диаспоры связано с международными транснациональными перемещениями людей, зачастую центры связывают изучение миграций и диаспоры. Например, в Институте восточных и африканских исследований Лондонского университета в 2003 г. началась междисциплинарная программа по подготовке магистров по специальности «Миграции и диаспорные исследования». В 2007 г. она переросла в создание одноименного Центра, в котором научные проекты и учебные программы вышли за афро-азиатские рамки и охватили диаспоры в Европе, Америке и странах Карибского бассейна [13].

Лавинообразный исследовательский и прагматический интерес к иммигрантам и новым этнодиаспорным образованиям последних десятилетий вызвал появление новых специальных академических журналов, на страницах которых обсуждаются различные теоретические и конкретно-социологические, этнографические или политико-экономические вопросы, связанные с диаспоральным дискурсом [14]. За этот короткий период создано множество обществ и ассоциаций, объединяющих не только людей по принадлежности к одной стране исхода, но и группы ученых, исследующих их историю, современность и перспективы дальнейшего развития в новой стране проживания [15]. Ассоциации и центры диаспорных исследований ежегодно проводят научные симпозиумы, конференции и другие форумы, на которых апробируются полученные результаты, проводятся дискуссии по актуальным проблемам диаспорной парадигмы [16].

Зарождение диаспорологии в современной России. В советской науке проблеме диаспоры не уделялось должного внимания. В настоящее время, когда в постсоветском пространстве проявилась тенденция к актуализации и усилению значения этнического фактора в социальной жизни, этническая мозаичность населения страны стала предметом пристального научного анализа. Все исследования социологов, этнографов, философов, правоведов, политологов и психологов в основном группируются вокруг таких проблем диаспоры, как определение ключевой дефиниции, критерии диаспоральности, типология и функции диаспор, перспективы развития и т.д. Существующие разработки по проблеме диаспоры можно разделить на следующие группы:

Первая группа — это труды теоретического и методологического плана, составляющие ныне основу для диаспорологических исследований. В российской научной литературе проблема диаспоры всегда шла на базе разрабатываемой теории этноса. Значительное число работ посвящено разработке теоретических схем, в рамках которых осуществляется научный подход к объяснению генезиса и значимости этничности и этнической идентичности. Разработку данного теоретического подхода связывают с проведенными в 1960—1980-х гг. исследованиями С.М. Широкогорова, Ю.В. Бромляя, Л.Н. Гумилева, Ю.И. Семенова, В.И. Козлова и других [17].

Бум этнического возрождения, возникший на закате советской эпохи, связанный с горбачевской триадой «перестройка — гласность — демократизация», проявился в диаспорных исследованиях, львиную долю которых составили труды социологов и этнографов. И.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Т.А. Полоскова,

В.А. Тишков, В.Д. Попков и другие в диаспорах интересовали вопросы политико-правового статуса, роли и места во внешне- и внутреннеполитической жизни государств [18].

Проблема исследования этнических диаспор приобрела особую остроту в последние десятилетия в связи с массовыми этническими миграциями, процессами глобализации, интенсификацией связей между группами мигрантов, актуализацией этничности и другими процессами, характерными для современности. С конца 1980-х гг. стало оформляться исследовательское направление, специально занимающееся проблемой диаспорального развития этнических общностей. Отличительной чертой этого направления является его междисциплинарный характер. Поэтому спектр исследований диаспор очень широк, а оценки данного феномена неоднозначны.

Вторую группу составляют исследования, посвященные разработке различных аспектов и конкретных особенностей диаспоры как специфического этносоциального феномена. Первым теоретическим исследованием об источниках формирования, критериях самоорганизации диаспоры в отечественной литературе явилась работа Т.С. Иларионовой «Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры)» [19]. Как весьма содержательную следует также отметить монографию З.И. Левина «Менталитет диаспоры», который в основу функционирования диаспоры положил принцип системного и социокультурного анализа [20]. Наиболее продуктивными и яркими современными российскими учеными, исследующими диаспору, являются В.И. Дятлов, В.М. Шнирельман, Н.П. Космарская, Н.М. Лебедева, Ж.Т. Тощенко и другие, внесшие значительный вклад в изучение типологии, функций и особенностей диаспор [21].

В последнее пятилетие ряд молодых российский ученых защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата в различных отраслях наук: исторических, политических, международных отношений и т.д. Особое внимание своей новизной подхода к диаспорной тематике, широтой использованных источников и основательностью рассуждений привлекли диссертационные исследования О.Н. Батановой, Л.В. Золотовой, А.С. Кима, М.А. Мыльниковой, А.В. Чепурина, М.А. Лобанова, В.К. Полуянова, И.Ю. Котина и других [22].

Третью группу составляют исследования этнокультурных, социально-экономических, правовых и международных аспектов функционирования этнических диаспор, среди которых некоторым, в силу разных причин, уделяется большее внимание, чем иным. К примеру, армянская диаспора и параметры ее влияния составляют особый объект научного интереса Э.Л. Мелконяна, В.П. Григоряна, А.Е. Тер-Саркисянца, Л.А. Абрамяна, А.М. Халмухамедова, С.В. Лурье и других [23]. На еврейской диаспоре постсоветского пространства и в мировом масштабе сфокусировали свои исследования М. Членов, А.И. Милитарев, А. Ашкенази, А.Д. Эпштейн, Д.В. Кузнецов, М. Куповецкий, А.С. Кац, Б.Н. Миронов, Р. Рывкин, И. Рывкина, В. Шапиро, В. Червяков, Е. Носенко, В.С. Собкин, А. Синельников и другие [24].

Четвертое направление составляют исследования по проблематике российской диаспоры в зарубежье. В рассматриваемых работах анализируется и

характеризуется состояние русских общин и организаций в ближнем и дальнем зарубежье, политика взаимодействия российского государства с новыми русскими диаспорами. Внимание исследователей привлекает проблематика диаспоральных процессов на постсоветском пространстве в условиях политической и социальной трансформации [25].

Немаловажное значение имеют исследования ученых из национальных республик, посвященные изучению этнических групп в регионах России. Среди них можно отметить работы Е.Н. Фаттаховой, Л.В. Сагитовой, И.В. Шеда-Зориной, Р.В. Оплаканской, А.С. Муратова и других [26].

Особо следует отметить специальные печатные периодические издания, публикующие статьи о диаспорах. Так, издание «Этнографическое обозрение» является правопреемником журнала «Советская этнография», где публиковались все значимые статьи по теории этноса, этническим процессам в Советском Союзе и за рубежом, традиционной материальной и духовной культуре. В последние годы в названиях статей в журнале все чаще и чаще встречается ключевое понятие «диаспора» и производные от него слова.

С 1999 г. в Москве издается независимый печатный орган — журнал «Диаспоры», на страницах которого виднейшие отечественные и зарубежные ученые анализируют проблемы международных миграций и феномен этнических диаспор. К основным рубрикам относятся: Диаспора как исследовательская проблема; Метаморфозы идентичности; Диаспоральная политика России; Диаспорические дискуссии; Зарисовки и наблюдения; Этническая диаспора. Журнал выходит ежеквартально, причем в каждом номере, помимо материалов в основных рубриках, представляется какая-то тема: например, Язык в диаспоре; Дилеммы диаспоральной идентичности; Русские евреи: от Штеттла до Мегалополиса; «Ветер с Востока» — Китайцы и корейцы в рассеянии и т.д.

В постсоветском пространстве появились диаспорные сайты в Интернете, а также специальные электронные диаспорные журналы. В частности, издательство «Планета диаспор» выпускает одноименный журнал, освещающий жизнь народов бывшего СССР в сегодняшней России и русскоязычного населения за пределами Российской Федерации.

Весной 1996 г. в Москве был создан Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ, далее — Институт) [27], среди учредителей которого — правительство Москвы, институты Российской академии наук, МГИМО МИД РФ, МГУ и другие. В штате Института на постоянной основе работают 20 специалистов-экспертов, в том числе 3 доктора и 10 кандидатов наук в различных областях. В нем действуют отделы: Украины и Крыма; Молдовы и Приднестровья; Беларуси; Казахстана и Средней Азии; Кавказа; экономической интеграции стран СНГ; сравнительного изучения законодательств стран СНГ; русской диаспоры и связей с соотечественниками. В структуру Института входит также пресс-центр и архив. Институт имеет филиалы в Ереване (2007 г.) и Бишкеке. Главной целью Института является определение и научное обеспечение российских интересов на территории бывшего СССР. Институт выпускает информационно-аналитический бюллетень «Диаспора». Общественные организации соотечественников в странах СНГ и Прибалтики.

Новой России необходима и ее диаспора, и высокий имидж этой диаспоры в мире и в отдельных странах. Сегодня идея «русскофонии» легла в основу концепции «Русского мира», которая реализуется как масштабный российский проект и получила научное освещение в специальной монографии Т.В. Полосковой и В.М. Скринник. В ней анализируются вопросы развития и функционирования этнических сетей в современном мире, рассматриваются различные аспекты структурирования Русского мира как цивилизационного феномена. Авторы вводят в научный оборот новое понятие — «логистика Русского мира». Российская община стран ближнего и дальнего зарубежья исследуется в данной работе как важный инструмент реализации внешней политики Российской Федерации [28]. Концептуальные принципы «Русского мира» становятся уже не только одними из основных методологических положений российских диаспорных исследований, но и важной идейной составляющей государственной политики России.

Диаспорология в Казахстане. Для многонационального Казахстана сбалансированная национально-культурная политика выступает важнейшим инструментом поддержания социально-политической, экономической стабильности и общественного согласия. Такая политика невозможна без знания жизни многочисленных народов во всей полноте и реальных проявлениях, научной разработки программ культурного возрождения: языка, народных традиций, обрядов, обычаев. Казахская модель решения вопросов межэтнического и межконфессионального согласия основана на высокой степени толерантности казахов, общем историческом прошлом проживающих с ними народов, на дружбе и совместном труде на благо дальнейшего развития и процветания родной страны.

В казахстанской науке диаспоральная тема стала разрабатываться впервые в связи с исследованием неизвестных страниц истории казахов, оказавшихся в разных странах мира. Весомый вклад в изучение казахской диаспоры внесла Г.М. Мендикулова, которая выполнила ряд зарубежных грантовых проектов и совершила полевые экспедиции в страны, где проживают численно крупные казахские общины. Ее докторская диссертация была первой в Казахстане, посвященной истории зарубежных казахов, затем она издала три монографии и множество статей [29].

Сегодня историю казахов в Китае изучают доктор политических наук К.Л. Сыроежкин, профессор-оралман из Китая, доктор исторических наук Набижан Мухаметхан-улы. В Казахском национальном университете им. аль-Фараби докторант Б. Калшабаева работает над диссертацией о казахах в Узбекистане; Д. Ескекбаев — по этнографии казахов в России; С. Билалов, аспирант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, исследует проблемы адаптации казахов-репатриантов в Казахстане.

В Институте философии и политологии МОиН РК* три года разрабатывалась тема «Казахская диаспора: проблемы и перспективы», работа над которой велась под руководством академика НАН РК А. Кошанова и члена-корреспондента НАН РК,

* МОиН РК — Министерство образования и науки Республики Казахстан.

директора института А.Н. Нысанбаева. В исследованиях принимали участие доктора исторических наук Зардыхан Кинаят-улы, Набижан Мухаметхан-улы, Г.М. Мендикулова и Минис Абильтай-улы.

Ранее, в конце 1980 — в первой половине 1990-гг. ряд казахстанских исследователей: Г.С. Баратова, В.С. Цой, Г.Н. Ким, Л.Э. Рис, А.Н. Фризен, В.Э. Кригер и другие [30] защитили кандидатские диссертации по истории депортированных народов и других этнических групп. Но диаспорология так и не стала самостоятельным и институализированным научным направлением*. Созданный в 1990 г. Центр по изучению национальных и межнациональных отношений в Институте философии и права НАН РК вскоре был расформирован, не оставив заметного следа в научном поле.

В Казахстане за последние десять лет вышло в свет намного больше книг и статей об отдельных народах, проживающих в республике, чем за предыдущие полвека. Этому есть причины. Во-первых, демократизация общества, предоставление доступа к секретным архивным документам, свобода творчества и печати дали возможность публиковать новые исследования. Во-вторых, исследования ученых были востребованы небывалым интересом к своему историческому прошлому, этнической культуре, древним обрядам и традициям, национальному языку. В-третьих, исторические родины, в лице исследовательских центров и фондов, а также неправительственных организаций, стимулировали интерес отечественных исследователей, предоставляли гранты и спонсировали научные разработки диаспорных вопросов. Немцы получали поддержку из Германии, поляки — из Польши, турки — из Турции, корейцы — из Южной Кореи и т.п.

Тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением.

В целом степень разработанности диаспорной проблематики пока далека от завершения, ибо продолжают оставаться не до конца раскрытые и спорные вопросы. Следует обратить внимание также и на то, что в казахстанской науке последнего десятилетия мало диссертационных и монографических исследований по проблеме диаспоры. Диаспорология в многонациональном Казахстане должна стать одной из специальностей вузовской программы обучения. Назрел вопрос о создании на историческом факультете или факультете социологии профильной кафедры для подготовки научных кадров и специалистов-практиков. В одном из исследовательских институтов, таких, например, как Институт истории и этнографии, Институт востоковедения или Казахстанский институт стратегических исследований, можно сформировать группу (отдел, сектор) диаспорологии с тем, чтобы системно исследовать вопросы, имеющие не только сугубо научное значение.

* В Центральном государственном музее РК (Алматы, директор Н. Алимбаев) часть экспозиции третьего зала «История и диаспорология» составляют разделы, освещающие материалы по истории и этнографии народов, населяющих территорию республики в настоящее время. Также здесь представлены фотографии, документы, предметы быта и изобразительного и прикладного искусства русских, украинцев, немцев, корейцев, уйгур, евреев и мн. др.

ние, но и выход в практику внутренней политики, повседневной этнокультурной жизни и международных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rogers, Brubaker. The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 28. No. 1. — January 2005. — P. 1.
2. Хабибулина Н.Н. Диаспора: сущность, социально-философские аспекты развития (На материалах Бурятии): Автореферат дис. канд. филос. наук. — Улан-Удэ, 2003. — С. 3.
3. Tololyan, K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // *Diaspora*. — 1996. — No. 1. — Pp. 13—27; Safran, W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora*. — 1991. — No. 1. — Pp. 21—39; Dabag, M., Platt, K. *Diasporas und kollektive Gedachtnis. Zur Konstitution kollektiver Identitäten in der Diaspora* // *Identität in der Fremde* / M. Dabag, K. Platt. — Bochum, 1993; Cohen, R. *Rethinking "Babylon": Iconoclastic Conceptions of the Diasporic Experience* // *New Community*. — Abingdon. — 1995. — Vol. 21. — No. 1. — Pp. 45—51; Marienstras, R. *On the Notion of Diaspora* // *Minority Peoples in the Age of Nation-States* / Ed. by G. Chaliand. — London: Pluto Press, 1989. — Pp. 245—270; Skinner, E. *The Dialectic Between Diasporas and Homelands* // *Global Dimensions of the African Diaspora* / Ed. by J. Harris. — Washington: Howard University Press, 1982. — Pp. 103—110; Esman, J.M. *Diasporas and International Relations* // *Modern Diasporas in International Politics*. — N.Y., 1986. — Pp. 333—349.
4. Hettlage, R. *Diaspora: Umriss zu einer soziologischen Theorie* // *Identität in der Fremde* / M. Dabag und K. Platt (Hg.), 1993. — S. 75—105; Hannerz, U. *Transnational Connections: Culture, People, Places*. — N.Y.: Routledge, 1996. — P. 216; Faist, Th. *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. — Oxford: Clarendon Press, 2000. — P. 380; Cohen, R. *Diasporas and the nation-state: from victims to challengers* // *International Affairs*. — 1996. — No. 72 (3). — Pp. 507—520; Кохейн Р.О., Най Дж.С. Транснациональные отношения и мировая политика // *Социально-гуманитарные знания*. — 1999. — №5. — С. 228—247.
5. Clifford, J. *Diasporas*. *Cultural Anthropology*. — 1994. — No. 3. — Pp. 302—338.
6. Ocampo, K.A., Bernal, M.E., Knight, G.P., *Gender, race, and ethnicity: the sequencing of social constancies* // *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. — Albany: State University of New York, 1993. — Pp. 11—30; Cohen, E. *Components and Symbols of Ethnic Identity: A Case Study in Informal Education and Identity Formation in Diaspora* // *Applied Psychology: An International Review*, 2004. — No. 53 (1). — Pp. 87—112.
7. Brubaker, W. *Citizenship and Naturalization: Policies and Politics*. In: W. Brubaker (ed.) *Immigration and the Politics of Citizenship in Europe and North America*. — Lanham, Maryland: University Press of America, 1989. — Pp. 99—128; Sheffer, G. *A new Field of Study: Modern Diasporas in international politics*. In: *Modern Diasporas in international politics*. (ed.) by Gabriel Sheffer. — N.Y., 1986. — Pp. 1—15; Bonacich, E., Modell, J. *The Economic Basis of Ethnic Solidarity. Small Business in the Japanese American Community*. — Berkeley, 1980. — Pp. 1—34; Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций* / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2005. — 603 с.; Vertovec, S. *The Hindu Diaspora. Comparative Patterns*. — London, New York: Routledge, 2000. — 190 p.; Лаллука С. *Диаспора. Теоретический и прикладной аспекты* // *Социологические исследования*. — 2000. — №7. — С. 91 — 97.
8. Esman, Milton J. *Diasporas and international relations* // *Modern Diasporas International Politics*. — London: Groom Helm, 1986. — P. 333.
9. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // *Диаспоры*. — 2003. — №3. — С. 6—32.
10. Armstrong, John A. *Mobilized and Proletarian Diasporas* // *The American Political Science Review*. Vol. 70. No. 2. (June, 1976). — Pp. 393—408.
11. *World Diasporas Encyclopedia. Immigrant and Refugee Cultures Around the World*. Vol. 1 and 2. *Communities* (Edited by Melvin Ember, Carol R. Ember and Ian Skoggard) Kluwer Academic // Plenum Publishers. — New York — Boston — Dordrecht — London — Moscow, 2004. — 1242 p.
12. *International Institute for Diaspora Studies* // <http://diasporastudies.org/ContactUs>; University of Edinburgh. School of History, Classics and Archaeology; Centre for Diaspora and Transnational Studies University of Toronto // <http://www.utoronto.ca>; Centre for the Study of Indian Diaspora. University of Hyderabad // <http://www.uohyd.ernet.in>; Centre for the Study of the Chinese Southern Diaspora. The Australian National University // <http://rspas.anu.edu.au>; Institute for Korean-American Studies, Inc. // <http://www.icasinc.org>; etc.
13. Centre for Migration and Diaspora Studies. School of Oriental and African Studies / University of London. (SOAS) // <http://www.soas.ac.uk/migrationdiaspora>; etc.

14. Diaspora. Journal of Transnational Studies. Sponsored by the Zoryan Institute of Canada and Cambridge, MA. Middletown, CT. 06459 USA; The Journal of Diaspora Studies (JDS). Institute of Diaspora Studies (IDS) San Diego, USA; etc.
15. The Association for the Study of the Worldwide African Diaspora (ASWAD) // <http://www.aswadiaspora.org>; The Indo-Caribbean Studies Association (ICSA) // <http://www2.warwick.ac.uk>; The British Association for Jewish Studies (BAJS) // <http://britishjewishstudies.org>; Association for the Study of Overseas Koreans // <http://www.korea.ac>; etc.
16. Diasporic Hegemonies IV: Artists, Activists and Academics on the Uses of Diaspora on June 26—28, 2009. The University of Minnesota; Diaspora Partnership for Sustainable Development in Northern & Eastern Uganda. 22nd September 2007 at the King's Fund in London; etc.
17. Широкогоров С.М. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. — Шанхай, 1923; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М.: ЛКИ, 2008; Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. — М.: Наука, 1987; Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. — М.: Кристалл, 1993; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Гидрометеоиздат, 1990; Семенов Ю.И. Как возникло человечество. — М., 2002; Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. — М.: АСТ-Пресс, 1999 и т.д.
18. Арутюнян Ю.В., Дробжилова Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. — М., 1998; Старовойтова Г. Этническая группа в современном советском городе. — Ленинград, 1987; Тишков В.А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник Российской академии наук. — 2008. — Т. 78. — №5. — С. 415—422; Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989—2004 гг. — М.: Наука, 2005; Тишков В.А. Упечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. — 2003. — №2. — С. 160—183; Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. — М.: Научная книга, 1998; Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей (внутриполитические и международные аспекты) // Россия и ее соседи: проблемы этнических меньшинств. — М.: РАН ИНИОН, 2000; Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. — М.: ИС РАН, 2003. — 340 с.
19. Иларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). — М., 1994.
20. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). — М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. — 121 с.
21. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. — 1999. — №1. — С. 8—23; Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). — М.: Наталис, 2000. — 190 с.; Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Там же. — 2004. — №3. — С. 126—138; Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские Киргизии, 1992—2002). — М., 2006. — 370 с.; Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. — М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — 1997. — 324 с.; Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. — 1996. — №12. — С. 33—42; Шнирельман В.М. Мифы диаспоры // Диаспора. — 1999. — №2—3. — С. 6—33.
22. Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования. АКД. — М., 2009; Золотова Л.В. Государственная политика по поддержанию русскоязычных диаспор на постсоветском пространстве и содействию добровольному переселению соотечественников в Россию. АКД. — Ростов н/Д, 2009; Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конф-ликтологический аспект). АКД. — СПб, 2009; Мильников М.А. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций. АКД. — Астрахань, 2009; Чепурин А.В. Проблемы консолидации зарубежной российской общины. АКД. — М., 2009; Лобанов М.А. Российская диаспора в ближнем зарубежье как фактор продвижения национальных интересов России. АКД. — М., 2008; Полуянов В.К. Диаспорные общины в Ростовской области: формирование, типология, проблемы адаптации. АКД. — Ростов н/Д, 2007; Котин И.Ю. Процессы формирования южноазиатской диаспоры (XIX—XXI вв.). Автореферат дис. на соиск. учен. степ. д-ра. ист. наук. — СПб, 2007 и т.д.
23. Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского населения) // Диаспора. — 2000. — №1-2. — С. 6—28; Абрамян Л. Армения и армянская диаспора: Расхождение и встреча // 21-й ВЕК. — №2. — 2005. — С. 137—155; Григорян В.П. История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). — Ереван, 1980. — С. 83—99; Халмухамедов А.М. Армянская диаспора как социокультурный и политический феномен // Социологические исследования. — 1999. — №2. — С. 54—59; Лурье С.В. Армянская община в Санкт-Петербурге (1989—1993). Этническая самоидентификация в условиях кризиса материнского этноса // <http://sviourie.narod.ru>.
24. Членов М. Этноконфессиональный характер еврейства // Религиозный диалог. Лицом к лицу / Под ред. Р. Файнберга. — М.: Гендальф, 1995. — С. 15—22; Коган М.Э. Специфика исследования этнической группы в городе (по результатам опроса петербургских евреев в 1991 г.) // Материалы полевых этнографических исследований, 1990—1991 гг. — СПб, 1993. — С. 136—37; Рыбкина Р. Евреи в постсоветской России — кто они? — М., 1996; Шалиро В., Герасимова М., Низовцева И., Сьянова Н. Евреи Санкт-Петербурга: этническая самоидентификация и участие в общественной жизни // Диаспоры. — 2003. — №3. — С. 95—149; Носенко Е.Э. Основные аспекты

формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. — М.: ИВ РАН КРАФТ, 2004. — 392 с.

25. Легойда В.Р. Современная русскоязычная диаспора в государствах Центральной Азии и Закавказья: современная ситуация и перспективы // Южный фронт СНГ, Центральная Азия — Каспий — Кавказ: возможности и вызовы для России. — М.: Логос, 2003.

26. Фаттахова Е.Н. Корейские диаспоры в России и США: история, адаптация и интеграция (конец XX — начало XXI в.). Автореферат дис. канд. ист. наук. — Краснодар, 2004; Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик (вторая половина XIX — XX в.). Автореферат дис. канд. ист. наук. — Владивосток, 2004; Шедя-Зорина И.М. Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа (на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, Республик Башкортостан, Татарстан и Марий Эл). Автореферат дис. канд. ист. наук. — Ижевск, 2007; Оплаканская Р.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII — первой половине XIX в. Автореферат дис. канд. ист. наук. — Новосибирск, 2001; Муратов А.С. Узбекская диаспора в Казахстане: особенности политического, социально-демографического и культурного развития (конец XIX — начало XXI в.). Автореферат дис. канд. ист. наук. — Алматы, 2007 и т.д.

27. Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции) // <http://www.zatulin.ru>.

28. Полоскова Т.В., Скринник В.М. Русский мир: мифы и реалии. — М.: Россияне (Московский фонд). — 2003. — 100 с.

29. Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. — Алматы, 1997. — 274 с.; Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. — Алматы, 2006. — 343 с.

30. Баратова Г.С. Социально-экономическая история уйгуров Семиречья на рубеже 19—20 вв. Автореферат дис. канд. ист. наук. АКД. — Алма-Ата, 1988; Ким Г. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946—1966 гг.). АКД. — Алма-Ата, 1990. — 37 с.; Рис Л.Э. Культурная жизнь немецкого населения Казахстана (1955—1985 гг.). АКД. — Алма-Ата, 1991; Цой В. Современная культура и быт корейцев Казахстана. АКД. — Л., 1985.

Типологическое разнообразие политических режимов: методологические ориентации

БУЛУКТАЕВ Ю.О.

Одним из способов упорядочивания, или организации, теоретического и эмпирического материала о явлениях политического порядка служит типология, под которой понимается метод поиска устойчивых сочетаний признаков изучаемых объектов, позволяющий распределить их по относительно однородным группам. О важности и необходимости различения (типологизации) политических режимов писал Р. Арон: «Все политические режимы какой-либо эпохи, определяющие и организующие тип общества, обязательно имеют общие черты. Но они также и различаются методом и способом выдвижения на свои посты тех, кто исполняет задачи и обязанности суверенной власти, различаются манерой и стилем, в каких принимаются решения, и, следовательно, различаются соотношением и отношениями, которые устанавливаются между, с одной стороны, индивидами, общественным мнением, социальными группами, а с другой — теми, кто властвует и управляет в обществе» [1]. Действительно, построение теоретической модели современных политических режимов невозможно без осмысления ряда сложных проблем, связанных с определением специфики их структурирования и динамики, типологически характеризующих объективно сложившиеся различия в тех или иных социальных системах.

Аристотель одним из первых создал классификацию политических режимов, согласно которой при монархическом режиме верховная власть принадлежит одному, при олигархическом — нескольким и при демократическом режиме верховная власть принадлежит всем. Соответственно, критерием типологизации Аристотель предлагал считать число людей, обладающих верховной властью. Правильными, по его мнению, являются те режимы, где истинная цель состоит в общем благе. Неправильными являются режимы, в которых имеются выгоды одних правителей, а не народа.

Монтескье в своей книге «О духе законов», предлагая в качестве типов политического режима рассматривать республику, монархию и деспотию, обозначает другой критерий классификации (наряду с критерием количества лиц, обладающих властью), а именно — осуществляется ли власть в соответствии с постоянными и твердыми законами. По его мнению, республика — это строй, при

котором верховная власть в руках всего народа или его части; монархия — строй, при котором правит один, однако придерживаясь постоянных и четких законов; деспотия — строй, при котором правит один, но без законов, на основе произвола [2]. Монтескье, с одной стороны, противопоставляет режимы, где законы соблюдаются, тем, где они попираются. С другой стороны, республике противопоставляются монархия и деспотия. Здесь имеется в виду, что суть республики — равенство граждан. Монархический же режим отрицает республиканское равенство, так как он основан на неравенстве сословий и граждан.

Согласно Аристотелю, стремление философов выявить лучший режим вполне законно, потому что отвечает человеческой природе. Если принимается финалистская концепция человеческой природы и идея предназначения человека, то законным становится и вопрос о наилучшем строе. В соответствии с механистической концепцией человеческой природы, человеком движет желание, воля к спасению своей жизни и к наслаждению. Поведение его регулируется соображениями выгоды. Так, английский философ и политический мыслитель Т. Гоббс писал о том, что цель государства — главным образом обеспечение безопасности [3]. И, вместо вопроса о наилучшем режиме, возникает вопрос о том, каким должен быть политический режим, чтобы обеспечить мир между людьми? Очевидна связь между политическим режимом и социальным устройством общества. Поскольку социальные условия и устройства разнообразны, то можно предположить, что и режимы должны быть многообразными. Такое предположение несовместимо с финалистской концепцией человеческой природы.

Попытку привязать типологизацию политических режимов к философии макиавеллизма предпринял В. Парето, предложивший определять режимы не по количеству лиц, наделенных властью, а по психосоциальному характеру носителей власти и способу ее реализации. Одни правители напоминают львов (предпочитают силовое воздействие), другие — лисиц (прибегают к хитрости). Противопоставление львов лисицам (заимствованное у Н. Макиавелли) должно было показать, что все режимы, по сути, определяются борьбой за власть. Однако такой подход, объясняющий, что суть политики — только в борьбе за власть, представляется неполным и упрощенным.

В XX-м в. ученые предлагают типологизации исходя из различных критериев. М. Дюверже, например, называет следующие режимы: 1) либеральный и авторитарный; 2) демократический, автократический, смешанный; 3) монархический (диктаторский), директории (коллективное правление), комбинированный. Рассматривая форму государства и партийную систему, он различает также одно- и многопартийный режимы. Первый отождествляется им с диктатурой, где есть «псевдопарламенты» и «псевдовыборы», второй он называет либеральным. Он классифицирует режимы в зависимости от партийной системы, характера партии (массовые, элитарные), их уставов (свободные, жесткие), различает также революционный и консервативный диктаторские режимы. Американский политолог Р. Гестил делит режимы на свободные, частично свободные и несвободные. Англичанин К. Клепхем различает три вида политических режимов развивающихся стран (по регионам): 1) либерально-демократический (Шри-Ланка, Ямайка и др.);

2) традиционалистский (Непал, Саудовская Аравия и др.); 3) радикально-националистический (Египет в период президентства Насера, Ливия и др.). Классифицируются режимы еще исходя из того, гражданское или военное правительство является субъектом власти. Так, американский политолог М. Яновиц различает пять видов военно-гражданских режимов: 1) авторитарно-персоналистский; 2) авторитарно-массовый; 3) демократическо-состязательный; 4) гражданско-военной коалиции; 5) военной олигархии. В основе его классификации — принцип военной структуры хунты, ее политической идеологии, социальные аспекты власти. Английский политолог С. Байнхен различает следующие режимы: 1) многопартийные парламентские демократии; 2) традиционные монархии; 3) однопартийные мобилизационные; 4) смешанные; 5) военные; 6) квазивоенные диктатуры; 7) радикальные идеологически ориентированные. Российский исследователь В. Гельман предлагает рассматривать следующие основания типологизации: 1) существует ли один какой-либо доминирующий субъект в политике (актор), который может проводить свои решения, не считаясь с другими субъектами, или таких субъектов несколько и они конкурируют между собой; 2) какие институты, какие механизмы при этом используются — формальные (представительные органы, выборы) или неформальные [4].

В целом в основе типологизации политических режимов большинства авторов находятся, как правило, свободная конкуренция в борьбе за власть, многопартийность, наличие легальной оппозиции, принцип разделения властей. Именно эти критерии позволяют различать три основных типа политических режимов — плюралистические демократии, диаметрально противоположные им тоталитарные режимы и авторитарные режимы. При этом, на наш взгляд, при типологизации важно избегать «чрезмерного упрощения». К примеру, число партий само по себе — упрощенный критерий для определения демократичности той или иной политической системы. Многопартийность следует рассматривать во взаимосвязи с тенденциями развития избирательной системы, особенностями местного парламентаризма, уровнем политического участия граждан.

Современные типологии политических режимов учитывают как характер государства, так и различные признаки, присущие политическому процессу. Так, типологии эволюционные, или сравнительно-исторические, акцентируют внимание на динамике политической модернизации, переходов от авторитарных процессов политической модернизации, переходов от авторитарных политических систем к демократическим. Иные типологии, уделяющие внимание строению политических систем и особенностям политического процесса, носят название «морфологических», которые, в свою очередь, делятся на два основных вида: линейные бинарные типологии и координатные — парные и множественные.

Примером бинарной линейной типологии является разделение политических режимов по шкале «демократия — автократия» («демократия — деспотия»), на основе которой выделяются два основных типа: демократический и авторитарный (тоталитарный). Это объясняется тем, что такая классификация, на наш взгляд, наиболее полно отражает возможность расположить изучаемые политические

режимы на некоем континууме и характеризовать тот или иной тип режима по каким-либо критериям, например по степени соблюдения прав и свобод человека. Если же сравнивать политические режимы по двум основным критериям, то такая типология носит название парной координатной. Так, Р. Даль на основе двух критериев — 1) конкурентности в борьбе за власть и 2) степени вовлеченности граждан в управление — выделяет два основных полюса, или архетипа, политических режимов: гегемонию (или автократию) и полиархию, между которыми и располагаются все переходные формы [5]. Привлечение исследователем большего количества критериев будет означать применение им множественной координатной типологии.

Конечно, исследователю важно учитывать тот факт, что типология политических режимов не исчерпывается осью «демократия — авторитаризм». Существует много других подходов и критериев типологизации. Так, немецкий юрист К. Левенштейн связывал это понятие с численностью партий, французский политолог К. Бюрдо — с существованием или отсутствием правительственной оппозиции, Е. Хамуи (Франция) — с конституционными взаимоотношениями органов государства, американский политолог Д. Истон определяет режим как стиль правления и совокупность процедур и урегулирований, другой американский ученый К. Бекстер — как систему (форму) правления, аргентинский автор Н. Ботана — как функциональный процесс концентрации и перераспределения власти. Появились концепции, связывающие это понятие со степенью централизации государственного аппарата, с наличием политических свобод, с практикой выборов, с совокупностью ролей, посредством которых осуществляется власть и управление [6].

И все же вышеперечисленные подходы к различению режимов подтверждают, что в современном мире нормативной точкой отсчета в оценке как самих политических режимов, так и политических систем в целом выступает проблема демократии. Понятие «демократия» (от греч. *demos* — народ и *cratos* — власть) относится к числу многомерных категорий социального знания, которые не поддаются однозначной трактовке и используются в самых различных смыслах и значениях: вплоть до настоящего времени ученые так и не выработали общепринятых представлений, на базе которых можно было бы сформулировать единое определение демократии. В ряде исследований сомнению подвергается сущностное содержание демократии как правления народа. И не столько из-за многозначности понятия «народ» и наличия большого количества концепций «правления», сколько из-за наличия связи всех этих определений и концепций со спором о сущности демократии.

Тем не менее когда говорят о демократическом режиме, то чаще всего имеют в виду:

- комплексное обозначение определенной системы и способа (режима) правления в отличие от других (например, монархии или диктатуры);
- электоральный (выборный) способ легитимации политической системы, обоснование законности (правомочности) данного правительства в качестве уполномоченного социумом выразителя народной воли;

- принцип управления и порядка — рационально-правовые институционализированные формы и методы регулирования общественных взаимоотношений и конфликтов, равно как и воспроизводства и контроля власти со стороны гражданского общества;

- принцип поведения и образ жизни, построенный на толерантности (терпимости) людей и организаций друг к другу, способности внимать интересам другой стороны и признавать право на их существование, готовности к компромиссам и поискам консенсуса и т.д. Концептуализация демократии породила огромное множество вариантов: по некоторым данным существует 550 «подтипов» демократии [7]. Очевидно, это связано с тем, что в содержательном плане описать эмпирическую теорию демократии как нечто целостное и завершенное едва ли возможно. И единой теории демократии не существует, но в арсенале исследователя имеется множество внутренне связанных между собой концепций, обобщений, классификаций, моделей демократических процессов, институтов, поведения и отношений.

Одной из наиболее широко распространенных является концепция Й. Шумпетера, который рассматривал демократию с точки зрения свободных выборов. Он определял «демократический метод» как «такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды получают возможность принимать решения посредством конкурентной борьбы за голоса избирателей» [8]. Концепция Шумпетера была заимствована и доработана многими исследователями, занимающимися политическими науками. Так, С. Хантингтон утверждает, что режим является демократическим «в той степени, в которой его наиболее влиятельные лица, принимающие коллективные решения, выбираются с помощью справедливых, честных и регулярных выборов, в которых кандидаты свободно борются за голоса и в которых практически все взрослое население имеет право голоса». При этом он, однако, считает, что одних выборов недостаточно — демократия также требует присутствия тех гражданских и политических свобод (слова, прессы, собраний и организаций), которые необходимы для политической борьбы и проведения предвыборных кампаний [9].

Широко распространенным в современной политической науке является определение демократии Р. Даля, которое он назвал «полиархией». Автор выделил следующие определяющие условия демократии: «1) право контроля над политическими решениями правительства по конституции принадлежит выборным официальным лицам; 2) выборные официальные лица выбираются во время регулярных и справедливых выборов; 3) практически все взрослое население имеет право голоса при выборе официальных лиц; 4) практически все взрослое население имеет право выставлять свою кандидатуру на выборные должности в государстве; 5) граждане имеют право высказываться по широкому кругу политических вопросов, не подвергаясь опасности быть наказанными; 6) граждане имеют право искать альтернативные источники информации. Более того, альтернативные источники информации существуют и защищены законом; 7) граждане... имеют право организовывать относительно независимые ассоциации или организации, в том числе независимые политические партии и группы интересов» [10]. Таким образом, определение полиархического режима Р. Даля устанавливает процедур-

ные условия, которые дают людям возможность самоуправления — то есть дают управляемым право контролировать правителей.

Особое методологическое значение для научных исследований демократических процессов имеет концепция Дж. Сартори, который указывает, что буквальное значение термина «власть народа» не решает проблему, так как не дает ответа на вопрос, что стоит за этим понятием, чему оно соответствует в реальной жизни. Некоторые ученые, пишет он, отмечая семантическое несоответствие, выходят из затруднения, подыскивая более подходящие термины — «полиархия», «эгалитарная полиархия» и т.д. Сам Сартори отвергает подобное решение. Он считает возможным употребление термина «демократия», несмотря на его определенную смысловую неточность, поскольку с позиций деонтологии (науки о должном) все равно существует разрыв между тем, чем демократия является, и тем, чем она должна быть. На основании этого проблема определения демократии раздваивается, так как необходимо определить демократию «должную» и демократию «сущую» — «предписательную» и «описательную».

Позиция Сартори проявляется наиболее рельефно в его утверждении, что «существование демократий зависит в конечном счете от популяризации идеи демократии, так как наше политическое поведение отвечает представлениям демократий, имеющимся в нашем уме...». Мера демократичности того или иного режима обусловлена степенью соответствия политической реальности ясному, «идеальному» определению демократии. Если определение «Государство — это я» имеет точный смысл и соответствует конкретной политической системе, то выражение «Государство — это мы» этим не отличается. Частое употребление и спекуляция термином «демократия» приводят к тому, что он лишается своего содержания. Типичными в этом отношении являются приведенные автором высказывания Т.С. Элиота: «Когда какой-либо термин подвержен универсальной канонизации, что сегодня происходит с “демократией”, я спрашиваю себя, означает ли он вообще что-нибудь» и М. Крэнстона: «Демократия — это политическая доктрина, чье содержание меняется в зависимости от умственного склада народов» [11]. Попытки обозначить демократию с «народной спецификой» нередки на постсоветском пространстве. Так, намек на истинность формулировки М. Крэнстона содержится в комментарии президента российского фонда «Политика» В. Никонова относительно итогов парламентских выборов 2007 г. в Казахстане: «Это особенность политической культуры Казахстана, который не является в этом плане исключением в среднеазиатском контексте» [12].

В данном случае «среднеазиатский контекст» означает, что однопартийный парламент — это вполне нормально для демократического развития страны, находящейся в центральноазиатском пространстве. Представляется, что это весьма спорное предположение, отражающее суть имеющихся среди исследователей разногласий относительно того, является ли понятие демократии универсальным для всех стран или существует демократия по-американски, -японски, -казахстански? Видимо, ответ на этот вопрос будет зависеть от избранных концептуальных подходов к объяснению феномена демократии и, соответственно, демократических политических режимов.

Так, например, итальянский мыслитель XX в. Н. Боббио, характеризуя политические режимы, уделяет значительное внимание изучению процедурного вопроса, поскольку считает, что любая форма правления характеризуется рядом процедур или «правил игры», которые направляют процесс принятия решений. Демократическая форма правления, таким образом, представлена как ряд процедур, обеспечивающих гражданам прямое или не прямое участие в процессе принятия решений. Боббио считает, что именно процедурный аспект можно считать аналитическим критерием, который позволяет определить, является ли данный режим демократическим или нет. «Процедурная» концепция демократии Боббио отличает его от Даля и Сартори, в центре внимания которых — взаимоотношения между действующими в рамках демократического режима силами и группами специальных интересов. Два необходимых условия демократии — участие большинства граждан во власти и процедурное обеспечение этого участия — Норберто Боббио дополняет третьим, не менее важным, условием. Существенной характеристикой демократического режима, по его мнению, является гарантия четырех основных свобод: убеждений, их выражения, собраний и ассоциаций. Он считает, что функционирование демократии возможно лишь в сочетании с традициями либерализма в области обеспечения гражданских свобод и что соблюдение гражданских свобод — обязательное условие обеспечения политической свободы [13].

Определения Шумпетера, Хантингтона, Даля, Сартори, Боббио и других исследователей имеют несколько особенностей. Во-первых, они фокусируются на свободных выборах и правах, связанных со свободой слова и информацией и свободой собраний, необходимых для того, чтобы выборщики были проинформированы и способны самоорганизовываться для участия в политических процессах и, следовательно, необходимых для того, чтобы выборы честно отражали общественное мнение. Во-вторых, в этих определениях удалось избежать ошибки определения демократии только на основе выборов. Поэтому эти определения не являются чрезмерно «минималистскими».

В целом, на наш взгляд, критериями демократического политического режима выступают:

Во-первых, честные, соревновательные, регулярно проводимые выборы. Под словом «соревновательные» понимается наличие различных групп или индивидов, свободных выставлять свою кандидатуру. Выборы не будут соревновательными, если одна группа (или индивиды) имеют возможность участвовать, а другие — ее лишены. Выборы считаются честными, если нет махинаций и есть специальный механизм честной игры.

Во-вторых, правительство рождается из выборов. Для развития демократии недостаточно регулярно проводить выборы. Необходимо, чтобы они опирались на выборное правительство. В Латинской Америке или в Африке, к примеру, выборы проводятся часто, но многие латиноамериканские и африканские страны находятся вне зоны демократии, так как наиболее распространенный способ смещения президента — военный переворот, а не выборы. Поэтому необходимое условие демократии — смена правительства в результате выборов.

В-третьих, демократия защищает права отдельных личностей и меньшинства. Мнение большинства, выраженное демократическим путем во время выборов, — это лишь необходимое условие демократии, однако отнюдь не достаточное. Лишь сочетание правительства большинства и защита прав меньшинства составляют демократию. Если же в отношении меньшинства применяются дискриминационные меры, режим становится недемократическим, независимо от частоты и честности выборов и смены законно избранного президента [14]. Применяя эти критерии, можно выяснить не только степень приближенности (или отдаленности) того или иного режима к демократии, но и определять периоды (полосы) в их развитии, равно как и в развитии самой демократии.

Таким образом, признаками демократического политического режима являются: происхождение органов правления из свободных выборов; провозглашение и защита прав и свобод личности; правовой характер государства; широкое распространение институтов самоуправления. В условиях демократического политического режима главным является активное и достаточно эффективное, во многом все определяющее воздействие гражданского общества на деятельность государства, на весь его механизм управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Мир и война между народами / Под общей ред. В.И. Даниленко. — М.: NOTA BENE, 2000. — С. 340—341.
2. Антология мировой политической мысли. В 5 томах. Т. 1. Зарубежная политическая мысль. XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др. — М.: Мысль, 1997. — С. 107—126; 375—377.
3. Там же. С. 319.
4. Право и политика в развивающихся странах. Серия: ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗА РУБЕЖОМ. — М.: ИНИОН, 1991. — С. 28—33; Гельман В. Трансформация политического режима: российские регионы в сравнительной перспективе // Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы: Материалы научно-практ. конференции. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. — С. 60.
5. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 90—94.
6. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. — М.: Артикул, 1997. — С. 160; Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты: Курс лекций. — М.: ГУ ВШЭ, 2002. — С. 80.
7. Сморгун Л.В. Современная сравнительная политология. Учебник. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — С. 149.
8. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ.; предисл. и общая ред. В.С. Автономова. — М.: Экономика, 1995. — С. 355.
9. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — С. 17—20.
10. Даль Р. Указ. соч. — С. 90—92.
11. Политическая наука. 1999. — 2. Проблема демократии в политической мысли XX столетия. Проблемно-тематический сборник. — М.: ИНИОН, 1999. — С. 29.
12. Выборы 2007. Полярные мнения // Свобода слова. — 2007, 23 августа.
13. Политическая наука. 1999 — 2. Проблема демократии в политической мысли XX столетия... С. 63—69.
14. Вятр Е. Социология политических отношений. — М.: ПРОГРЕСС, 1979. — С. 143—156.

Процесс теоретического оформления консерватизма, превращение его в политическую идеологию

КАРИПОВ Б.Н.

Впервые как политическое понятие термин «консерватизм» стал использоваться для характеристики политических явлений во времена Великой Французской революции, причем применительно как к сторонникам сохранения революционных завоеваний, так и к защитникам предшествующего политического строя. В англо-американском политическом лексиконе этот термин получил распространение несколько позже — с 30-х гг. XIX в. в качестве характеристики определенного рода политических убеждений [1]. Причем именно с этого времени под влиянием многочисленных радикальных теорий формируется устойчивый негативно-эмоциональный подтекст данного определения, который становится характерным не только для бытовой лексики, но и для научного языка.

Особенно ярко эта тенденция проявилась в советской историографии, справочные издания которой называли консерватизм «идейно-политическим течением, противостоящим прогрессивным тенденциям социального развития», а его характерной особенностью — «враждебность и противодействие прогрессу, приверженность традиционному и устаревшему», «вражда ко всему новому, передовому». Согласно господствовавшим в советской науке концептуальным установкам, их авторы ставили знак равенства между «традиционным» и «отжившим», между «новым» и «прогрессивным». Такой ход рассуждений свойствен представлениям о линейно-поступательном характере развития мировой цивилизации и далеко не всегда находит подтверждение в реальной жизни.

Сам термин «консерватизм» (от лат. *conservare*) буквально означает «сохранять, беречь, оставлять невредимым, хранить» [2]. Даже на этимологическом уровне обнаруживается положительный характер данного термина, отсутствие в нем какого-либо отрицания, а также обращенность его не к новому или будущему, а к уже имеющемуся, проверенному, обладающему определенной ценностью [3]. Правильное понимание данного феномена может быть достигнуто только путем разграничения понятий консерватизма как течения общественной мысли, идеологии и консерватизма как социально-психологического явления, которое представляет собой важнейший механизм регулирования деятельности общества, обеспечивающий сохранность и развитие мировой цивилизации. Не случайно

такое второе толкование понятия «консерватизм» Н.А. Бердяев охарактеризовал как «одно из вечных и онтологических начал человеческого общества» [4].

В современной справочной литературе данная сторона консерватизма обозначается как «умонастроение, присущее достаточно широким общественным группам, оформленным политическим силам, а также определенным индивидам; оно характеризуется приверженностью традициям, стабильности, упорядоченности, отвергает революционные настроения и с сомнением оценивает реформистские импульсы; такое умонастроение считает принципиально недостижимым установление разумного социального порядка по заранее намеченному плану; склонение к признанию необходимости “органического” строения общества и “естественного” его развития». Вследствие этого, в частности, имеют место значительные разногласия по вопросу возникновения консерватизма, которые относятся его исследователями к самым различным историческим эпохам: к XVI в. (периоду Реформации и Контрреформации) [5]; к эпохе Английской революции середины XVII в. [6] или, что более распространено, к событиям Великой Французской революции конца XVIII в. [7]. Данные концепции рассматривали консерватизм преимущественно как направление общественно-политической мысли.

Расширенная трактовка консерватизма, включающая в себя понимание его и как стиля мышления, и как комплекса поведенческих социокультурных установок, и как порождаемая ими политическая идеология, более всего соответствует исторической и общественно-политической реальности. Современный немецкий политолог Г.К. Кальтенбруннер определяет консерватизм как «вневременную действительную систему универсальных ценностей», стоящую на одном уровне с такими общечеловеческими категориями, как традиция, религия, этика, культура. Таким образом, было бы неверно говорить о возникновении консерватизма применительно к этапу его теоретического оформления. Консерватизм как особая система «воззрений в отношении окружающего мира, тип сознания и политико-идеологических ориентаций и установок», а также политическая практика консервативного характера, несомненно, существовали и в гораздо более ранние периоды истории.

Очевидно, именно такой консервативный первофеномен К. Манхейм называл «универсальным консерватизмом» [8]. Вместе с тем это явление нельзя сводить к консервативному инстинкту или трактовать его как некую особенность обыденного сознания [9]. «Универсальный консерватизм» представляет собой сложный механизм, с помощью которого человеческая цивилизация смогла закрепить и поставить себе на службу достижения общества. Более того, сама цивилизация, или, другими словами, «развивающийся, но устойчивый в своих типологических чертах и архетипах духовный, социокультурный и хозяйственный этнорегиональный комплекс» [10], представляет собой реальное воплощение консервативных принципов, поскольку она постоянно фиксирует и сохраняет определенную систему социальных, политических и духовных отношений, спасает общество от «войны всех против всех» (Тоббс).

В этих целях формирующиеся цивилизации создают «ограничители» в виде системы права, государства, религии. Консерватизм является духовно-психоло-

гической основой этих «ограничителей», «психологическим элементом любого государства, с потерей которого государственная организация обезоруживается, чахнет и умирает» [11]. Вместе с тем консервативная составляющая цивилизации позволяет не только сохранять, оберегать уже имеющиеся институты, но и развиваться согласно существующим в данном обществе религиозно-нравственному мировоззрению, системе ценностей, форме государственных и правовых отношений.

Когда в обществе начинают происходить трансформации, угрожающие сложившемуся укладу жизни, ситуация меняется коренным образом: «движение оппозиционных слоев и их стремление взорвать существующий порядок как бы извне воздействует на консервативное сознание, заставляя его осмыслить свою историческую роль...» [12]. Происходит своеобразная метаморфоза консервативного мировоззрения — превращение его в идеологическую систему, в направлении общественно-политической мысли. Этот процесс, протекавший длительное время, в основном в эпоху Новой истории (XVI—XVIII вв.), стал периодом глобальных изменений в Западной Европе, обусловившим переход к новому, буржуазно-индустриальному обществу. В оценке Ю. Хабермаса, этой эпохе соответствует «историческое сознание, которое порывает с традиционализмом «естественных» континуумов»; в нем также превалирует «доверие к разумному дискурсу, который должен быть основой в процессе легитимизации любого политического господства» [13].

Предыстория консервативных идей восходит к первым образцам систематической рефлексии о государстве и политике, которые прослеживаются еще в трудах античных мыслителей Платона и Аристотеля. И хотя этих авторов, безусловно, нельзя считать консерваторами в строгом смысле слова, многие государственно-правовые идеи, выработанные ими, являются основополагающими для консервативной идеологии. Консервативные идеи носят интернациональный характер; они формируются не только на Западе, но и во многих других странах, в том числе и в России.

В Новое время консервативные идеи находят отражение в трудах мыслителей и государственных деятелей Англии — страны, которая считается родиной классического политического консерватизма. Необходимость строгого соблюдения обычаев и установленных законов в конце XVI в. получила обоснование в фундаментальном труде «О законах церковной организации» англиканского богослова Р. Хукера, который полагал, что социальный порядок есть более сложное историческое образование, чем теория естественного права. Полемицируя со сторонниками этой теории, он подчеркивал, что естественное право настолько широко, что из него не вытекают никакие определенные политические решения. В XVIII в. большое значение традициям придавал Д. Юм на том основании, что для большинства людей они являются высшим авторитетом и уже вследствие этого не нуждаются ни в каких доказательствах. Представители шотландской школы «моральной философии» — А. Смит, У. Робертсон, А. Фергюсон и др. — в своих трудах стремились обосновать естественноисторическое происхождение неравенства в обществе, полемицируя с французскими просветителями,

которые рассматривали общество как арифметическую совокупность равных индивидов.

Своеобразной реакцией на Великую Французскую революцию явилось завершение теоретического оформления консерватизма, превращение его в политическую идеологию. Однако было бы неверно, как это делают некоторые исследователи, считать основной причиной возникновения консерватизма именно революцию [14]. В политической и экономической жизни Европы в Новое время происходили многочисленные процессы, разрушавшие традиционный жизненный уклад, ставившие под угрозу многовековой порядок и стабильность (начинавшаяся промышленная революция, порожденные ею необратимые социальные изменения, всеобъемлющая секуляризация жизни, размывание привычных духовных ценностей и мн. др.).

«Рассуждения о революции во Франции» (1790 г.) Э. Берка — сочинение наиболее видного мыслителя, заложившего основы идей консерватизма в эту эпоху, хотя и посвящено конкретным событиям и обстоятельствам эпохи, содержит многие мысли и постулаты, и по сей день характеризующиеся как консервативные. Одним из центральных положений, обоснованных Берком, было скептическое отношение к разуму и абстрактным проектам общественного устройства, создаваемым на их основе. Не отрицая роли разума в принципе, Берк лишь подчеркивал, что разум воплощается не в индивидуальном сознании, а в историческом опыте столетий [15]. В отличие от своих либеральных современников английский мыслитель смотрел аналогичным образом и на общество, полагая, что оно может существовать только благодаря иерархии функций, авторитетов, индивидуальных статусов.

Умозрительно-рационалистическому пониманию общества, свойственному просветителям, противопоставлялась идея органичности и сложности социума, которая рассматривалась не через призму отдельного человека, но как единый организм. Общественный порядок, по его мнению, представлял собой не произвольную импровизацию, а результат постепенного исторического развития. Консервативную позицию Берка по данному вопросу можно охарактеризовать как реакцию на ограниченность либеральной интерпретации разума — как некой природной неспособности индивида понимать социальную детерминированность событий. Из идеи ограниченности разума в познании основных законов развития социума проистекал и принцип традиционализма. Разуму Берк противопоставлял традицию, следование которой он считал основой политической деятельности. Суть традиционализма в политике, по его мнению, заключалась в возможности «сохранять и одновременно реформировать», но без нарушения традиционных устоев общества.

Практически одновременно с сочинением Э. Берка в странах континентальной Европы создавались труды, в которых закладывались основы консервативной теории и идеологии. В своих работах Ж. де Местр, Л. де Бональд, А. Мюллер отстаивали корпоративный принцип общественного устройства, в котором частные интересы подчинялись «общему благу»; анализировали такие понятия (которым задавалась консервативная интерпретация), как суверенитет власти, легитимность, авторитет. Большой вклад в становление консервативной теории

внесли такие мыслители и общественно-политические деятели, как А. Токвиль, Б. Дизраэли, Ф. фон Баадер, выработавшие основные принципы консервативной политики вместе с наиболее значимыми положениями консервативной программы развития государства и общества.

На протяжении длительного времени консерватизм существовал в скрытой форме, как особая форма воззрений на окружающий мир. Однако уже на этой стадии его существования начинается процесс теоретического оформления консерватизма. Превращение консерватизма в политическую идеологию происходило под влиянием событий Нового времени, когда угроза утраты позитивного опыта поколений и возросший радикализм, вырвавшийся за пределы одной страны, заставили европейских мыслителей начать поиски консервативной формы политической практики. Консервативное направление общественной мысли, представлявшее собой принципиально новый взгляд на характер и пути развития человеческой цивилизации, оформилось в Европе к середине XIX в. Оно стало результатом многовекового развития консерватизма как социально-психологического феномена, призванное удовлетворить одну из важнейших потребностей общества — сохранение и эволюционное развитие вечных основ человеческого бытия.

Для характеристики консерватизма как общественного феномена необходимо выделить основные смысловые категории, составляющие его сущность. Основной любого мышления является набор определенных ценностей либо их специфическая акцентировка, когда ряд общечеловеческих стремлений и интересов выстраивался в определенной иерархии. Выявление ценностей консерватизма имеет первостепенное значение еще и потому, что, согласно наиболее распространенному пониманию, консерватизм представляет собой не столько политическую идеологию, выражающую интересы каких-либо общественных групп, сколько утвердившийся в обществе набор ценностных ориентаций [16].

Одной из главных особенностей консервативного мышления является крайне скептическое отношение к разного рода теориям, идеологиям, программам. Эту черту консерватизма американский историк Р. Вирек назвал «антитеоретичностью» [17]. Сами консерваторы при определении своих мировоззренческих позиций зачастую предпочитали такие дефиниции, как «консервативный темперамент», «умонастроение, а не идеология», «система принципов» и т.д. Современный американский социолог консервативного толка К. Росситер отмечает, что «в отличие от радикализма и либерализма подлинный консерватор неохотно пускается в теоретические спекуляции... Само намерение выработать теорию консерватизма, в общем-то, является не свойственным консерватизму побуждением» [18].

Многие исследователи утверждали, что консерватизм не является идеологией, что в нем отсутствует всяческая теория, что он совершенно не имеет основополагающих идей и тезисов, дающих возможность отличать его от обычных мнений, суждений, стереотипов поведения. Об этом, в частности, на рубеже XIX и XX вв. написал П.Б. Струве. Такой же точки зрения придерживается и С. Хантингтон, утверждающий, что консерватизм представляет собой нечто неопределенное, что не имеет завершенной идеологии и не поддается научному анализу [19]. Однако

подобная «антитеоретичность» консерватизма означает не полное отсутствие идей и теорий, а предпочтение практической деятельности, исходящей из реального бытия, а не из абстрактных схем, какими бы стройными и логичными они ни казались.

Консерваторы выступают против абсолютизации каких бы то ни было идей и теорий, тем более их реализации в «чистом» виде на практике. В основе их мышления и деятельности лежит опыт, а не теория. С. Хантингтон отмечал, что для консерваторов правда существует не в форме общих утверждений, а в форме конкретного опыта, имеющего гораздо большее значение, нежели все производное «чистого» разума — логика, абстракция, метафизика [20]. М. Оукшотт считал невозможным определение консерватизма как некоего умозрительного набора идей, полагая, что рефлексия данного явления возможна лишь через понимание его «нрава» в связи с практическим поведением и отношением к тем или иным событиям [21]. Долгое время «антитеоретичность» консерватизма не рассматривалась как одна из его специфических черт. Это приводило к тому, что исследователи зачастую пытались самостоятельно «сформировать» консервативную парадигму по аналогии с другими политическими направлениями, искажая, таким образом, ее сущность.

Первостепенную значимость для консерваторов имеет то, что любая завершенная рационалистическая концепция не приемлет диалога, живого спора, результатов практической деятельности. Такая теория, вытеснив религиозную веру, сама приобретает статус веры; она стремится объяснить посредством риторики всю многообразную реальность и поставить ее под свой контроль. Характеризуя любую идеологию вообще, американский консерватор Р. Кирк отмечал, что она представляет собой «совокупность фанатично исповедуемых априорно-секулярных доктрин, цель которых — достижение рая земного... Мыслящий консерватизм есть отрицание идеологии, потому что он довольствуется человеком таким, каков он есть, и стремится лишь примирить друг с другом естественные слои общества» [22].

Важнейшей смыслообразующей ценностью консерватизма является традиционализм, суть которого заключается в признании объективного закона нравственности, требующего понимания истории как последовательной смены отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, переданные ему всеми его предшественниками. В силу этого, данное поколение, с одной стороны, предполагает унаследовать деятельность при совершенно изменившихся условиях, с другой — видоизменяет условия посредством измененной деятельности. Польский ученый Е. Шацкий подчеркивает, что любой народ, любое общество — это союз людей не только в пространстве, но и во времени [23]. То есть ни одно поколение не может быть свободно от своего прошлого, от своих традиций, которые являются важнейшим фактором сплочения социума.

Согласно историко-социологической интерпретации, традиция — это комплекс стереотипов ощущения, поведения и мышления, который с точки зрения действительной или мнимой принадлежности к социальному наследству оценивается положительно или отрицательно членами любой произвольно взятой общности

[24]. Е. Шацкий выделяет три основных значения в трактовке традиции: во-первых, это сам процесс передачи из поколения в поколение тех или иных ценностей данной общности; во-вторых, это конкретные формы мышления, политические и правовые институты, этические и эстетические взгляды, привычки, воспринимаемые как традиционные, и, в-третьих, это отношение данного поколения к передаваемой традиции [25].

Под традицией необходимо понимать не просто старое и устоявшееся, но именно те привычки, обычаи, ценности, которые, формируясь, накапливаясь веками, передаваясь от поколения к поколению, являются значимыми для данного общества и по сей день. М. Вебер отмечал, что традиция является безусловной ценностью, которая не опосредована рационально [26]. Традиционные институты и отношения, вызревающие органически, по мнению консерваторов, способствуют самоорганизации и саморегуляции общества, взаимоприспособлению интересов и желаний отдельных индивидов и групп и, соответственно, позволяют социуму развиваться, избегая конфликтов. Как отмечал французский социолог Г. Лебон, без традиций не может быть ни национальной души, ни цивилизации [27].

Принцип традиционализма включает в себя несколько положений: политика должна опираться исключительно на традиции, проверенные временем; существующие институты и виды практики должны быть сохранены; социальные и политические изменения не заслуживают доверия. В глазах традиционалиста-консерватора все новое пользуется своеобразной презумпцией виновности, а все традиционное, уже существующее и функционирующее, напротив, презумпцией невиновности, то есть необходимо убедительное доказательство, что новое лучше старого, но ни в коем случае не наоборот [28].

Для консерваторов традиция является неотъемлемым свойством культуры. Н.А. Бердяев писал: «Без предания, без традиции, без преемственности культура невозможна. Культура произошла из культа, в культе же всегда есть священная связь живых и умерших, настоящего и прошедшего...» [29]. Ниспровержение традиций, таким образом, неизбежно ставит под угрозу весь мир культуры, весь миропорядок, формировавшийся в течение веков из хаоса. Наличие данных тезисов позволяет отнести консервативное мировоззрение к так называемым «культурным» теориям. Консерваторы в отличие от «акультурных» теоретиков «признают реальное бытие не только за настоящим, но и за прошедшим» [30], они не считают, что природа человека продуцирована одной лишь современностью. Поведение человека регулируется, по их мнению, не только вызовами настоящего, но и социальным опытом, исторической практикой, прецедентом, авторитет которых для консерваторов непрерываем.

Однако традиционализм консерватизма не абсолютен. Многие институты и структуры традиционного общества в условиях модернизации оказываются совершенно размытыми, полностью утрачивают свое практическое и ценностное значение. Консерватизм не стремится к возрождению и сохранению совершенно распавшегося. Настоящее имеет для консервативного мировоззрения, несомненно, большую значимость, чем прошлое. Оно никогда не будет стремиться к восстановлению утраченных традиций во избежание нарушения естественного

хода истории. Эта особенность является главным отличием консерватизма от ретроградства, не способного принимать данность и не готового к будущему.

Консервативное мышление иерархично: «вступление новых сил в исторический космос и исторический свет есть процесс органический... и предполагает иерархические начала, иерархический жизненный строй» [31]. Любая иерархия предполагает систему ограничений. В противоположность людям, устремляющимся в беспредельное, консерваторы не мыслят себя вне мира, полного ограничений. Они придерживаются убеждения, что мера, ограничение, рамки есть составные понятия космоса, отличающие его от хаоса. Мир культуры (в самом широком понимании) — это и есть мир ограничений. Иерархичность консерватизма проявляется, прежде всего, в его отношении к общественному устройству. Консерваторы утверждают, что равенства, равноправия среди людей быть не может и не должно. Этот утопический и тем самым чрезвычайно опасный лозунг, неосторожно брошенный в массовое сознание представителями просветительского рационализма, таит в себе, по мнению консерваторов, угрозу всеобщей унификации, что неизбежно приведет к угасанию творческой, мыслительной деятельности человека.

Необходимость социальной иерархии всегда отстаивалась консервативными силами. Строго иерархичное построение общества, каждый член которого четко осознает границы и возможности своей деятельности, было идеалом и для первых европейских идеологов консерватизма — Э. Берка, Ж. де Местра, Л. де Бональда, считавших такой порядок органичным и, соответственно, единственно возможным. Несмотря на все трансформации, которые претерпел консерватизм в течение XIX — XX вв., данный тезис для него по-прежнему остается одним из наиболее значимых.

Согласно социальной философии консерватизма, в центре общества стоят сильные, творческие, наделенные способностями и знаниями личности, составляющие элиту любого социального организма. Эти «выдающиеся индивиды» самой жизнью призваны «осуществлять энергичное руководство и служить моральным примером для остальных людей» [32]. Ориентация консерватизма, прежде всего, на великие творческие индивидуальности, элитаризм мышления подвергались наиболее резкой критике со стороны его оппонентов, ибо, по их мнению, она порождала в обществе отчужденность, социальную несправедливость, зависть и эгоизм. Однако консерваторы, отстаивая иерархичность, утверждали, что ее отсутствие порождает расцвет посредственности, препятствует всякому качественному улучшению жизни общества и, таким образом, тормозит развитие человеческой цивилизации. Творческий потенциал последней затухает, внутренние отношения упрощаются, и она вступает в фазу кризиса. Иерархичность, по мнению консерваторов, предполагает также подчинение индивида таким важнейшим, исторически сложившимся общественным институтам, как семья, право, государство. Именно эти атрибуты общества, обладающие авторитетом для всех его членов, являются гарантами стабильности, законности и преемственности в развитии, что имеет первостепенную важность для консерваторов.

Консервативное мышление вовсе не отрицает необходимости преобразований в обществе. Для верного понимания этого менталитета и вытекающей из него практической деятельности необходимо преодолеть распространенный и ошибочный стереотип, согласно которому консерватизм противостоит всему новому и любой ценой стремится к сохранению статус-кво. В свое время еще Э. Берк писал: «Государство, которое не располагает возможностями для собственного изменения, лишено и возможности для собственного сохранения» [33]. Консерваторы, хотя и находили идеальные общественные отношения в прошлом, тем не менее никогда не стремились перенести их в настоящее и тем более в будущее, как это длительное время утверждалось (и до сих пор продолжает утверждаться некоторыми исследователями) [34]. В консервативном мировоззрении прошлое не противопоставляется настоящему. В этом отношении справедлива точка зрения Е. Шацкого, согласно которой истинный консерватизм (в отличие от архаизма) чужд идее какого-либо возврата [35]. Радикальная реставрация не приемлема для консерваторов, поскольку «реанимированные» таким путем явления не будут способны принимать данность и самостоятельно существовать в настоящем.

Признавая возможность и необходимость изменений в жизни общества, консерваторы предъявляют к ним целый ряд требований: во-первых, они должны быть ответом на внешние, объективные изменения состояния государства (прирост населения, межгосударственные отношения и т.п.); во-вторых, они должны быть реакцией на потребности больших масс людей; в-третьих, они должны быть настолько постепенными, чтобы можно было устранить или избежать побочных явлений негативного характера. Все преобразования консерватизм разделяет на два вида: те, которые в первую очередь несут разрушение, и те, которые несут лишь вероятность улучшения. М. Оукшотт подчеркивал, что сторонники первого вида изменений не могут подкрепить их будущую благотворность ничем, кроме логически выстроенных умозрительных конструкций. Эти рационалистические выкладки оказываются важнее реальной продуктивности и значимости упраздняемых институтов. Такие нововведения превращаются в грандиозные эксперименты, где общество, его структуры, институты, деятельность являются лишь необходимыми компонентами для их авторов. Исторический опыт в достаточной степени демонстрирует, что потрясения, которым социум подвергается в ходе таких экспериментов, гораздо значительнее и глубже, нежели какие бы то ни было достигнутые положительные результаты.

Другой вид преобразований, более предпочтительный для консерваторов, представляет собой ответ, реагирование на какие-либо трудности или недостатки реальной жизни. Нововведения не должны ничего разрушать, создавая на месте разрушенного некие искусственные формы; их функция заключается лишь в замещении отжившего новым, вызревшим в недрах данной цивилизации. Консерваторы видят своей главной задачей сглаживание неизбежно возникающих в ходе модернизации дисбалансов, конфликтных ситуаций, противоречий. Они в большинстве своем рассматривали реформы как неизбежное зло, но в меру необходимое для существования государства и общества. Как отмечает К.С. Гаджиев, для того чтобы в результате преобразований осуществился наименее болез-

ненный переход к новому качеству общества, в любом реформировании должна присутствовать «консервативная составляющая», своеобразная реставрация, которая является не возвращением к «статус-кво», а отказом от наиболее радикальных разрывов с настоящим и от наиболее одиозных форм политической практики [36].

Таким образом, можно говорить о приверженности консерваторов особому типу преобразований — «консервативному реформированию», характерными чертами которого является вырастание изменений из потребностей традиционного общества; органический, постепенный характер преобразований; инициатором любых реформ должна выступать исключительно легитимная власть. Соблюдение этих условий является главной задачей консерваторов в эпоху общественной модернизации.

Данные ценности, которыми, безусловно, не ограничивается консервативное мышление, применительно к конкретным условиям (различных эпох и государств) порождают специфические консервативные идеологии, частные элементы которых могут меняться в зависимости от времени и места. В литературе, посвященной консерватизму, его нередко характеризуют как явление эпизодическое, ситуационное, возникающее как реакция на перемены, угрожающие существованию традиционного уклада. В частности, С. Хантингтон отмечал, что консерватизм представляет собой эпизодический феномен, который возникает подобно вспышке или волне, под воздействием шока, вызванного теми или иными событиями. Консерватизм, таким образом, по мнению сторонников этой концепции, не представляет собой сколько-нибудь определенной идеологии, во-первых, потому что является реагированием определенных кругов общества на острейшие вызовы времени, а во-вторых, вследствие того, что многие элементы консервативной теории носят ситуационный характер (т.е. зависят от природы идеологического противника и от содержания его концепции) [37].

Безусловно, нельзя не видеть того, что социально-политические потрясения приводят к росту и усилению консервативных традиций. Эта закономерность неоднократно подтверждалась историческим процессом. Однако неверно было бы утверждать, что реакцией на вызовы времени является исключительно консерватизм. Такая реакционность или консервативная рефлексия присуща многим общественно-политическим течениям. Нельзя согласиться и с тем утверждением, что содержательная сторона консерватизма полностью зависит от его оппонентов и он являет собой своеобразного «идеологического хамелеона», «поскольку его облик зависит от природы его врага», как это утверждает один из идеологов консерватизма Б. Гудвин. Консерватизму, вне всякого сомнения, присущ определенный историзм, его лозунги меняются с течением времени, он адаптируется к изменяющимся условиям, но эта гибкость не ведет к потере собственного лица, к утрате тех основополагающих ценностей, которые определяют проявления «консервативного» и в идеологии, и в политике, и в мышлении. Эти ценности существуют, постоянно выступая в одни эпохи на первое место, в другие — отходя на задний план.

Явление столь широкого масштаба, как консерватизм, не может быть монолитным. В нем можно выделить несколько смысловых уровней, которые тесно

связаны между собой. Наивысшим уровнем этого широкого, генерализирующего понятия является так называемый функциональный феномен, выполняющий две важнейшие функции, характерные для любой системы — общественной, физической или биологической: во-первых, накопление и передача полученной информации; во-вторых, восприятие новой информации и адаптация к ней. Эти функции могут быть оценены как консервативные [38]. Консерватизм представляет собой универсальный механизм, позволяющий человеческой цивилизации отвечать на вызовы времени, создавать адекватные механизмы общественных отношений, в которых соединяются традиции и инновации.

Обыденный консерватизм, относящийся в большей степени к сфере социальной психологии, основан на совокупности мысленных установок и действий, стремящихся к сохранению привычной среды, правил, норм и т.д. Основой обыденного консерватизма является практический опыт, полученный в ходе длительной деятельности. Этот феномен находится в сочетании с такими человеческими свойствами, как привычка, уверенность. Консерватизм в данном случае является универсальным свойством человеческой природы, который можно соотнести с понятием «здоровый смысл». Данное человеческое свойство носит вневременный характер, оно всегда сопутствовало человеку. Именно это свойство является социально-психологической базой консерватизма как системы ценностей, основные положения которой рассматривались выше.

Важнейшим уровнем этого многогранного феномена является консервативная идеология, представляющая собой совокупность политических тезисов, программных положений, лозунгов, отстаиваемых определенными общественными группами или политическими организациями (партиями). По мнению ряда ученых, одной из наиболее уникальных особенностей консерватизма является то, что он может существовать внутри любого идеологического или политического течения. Этот феномен можно охарактеризовать как «позиционный» консерватизм, поскольку он представляет собой позицию внутри той или иной идеологии [39]. Данное явление выступает как одно из многочисленных проявлений консервативного феномена, а также порожденных им методов преобразований, которые могут использоваться в различных политических, социальных, культурных направлениях.

Следующим уровнем консервативного феномена является универсальное свойство человеческой природы, заключающееся в стремлении к сохранению привычной среды, норм и правил поведения, общественных устоев. Основой конкретно-исторического проявления консерватизма является особый тип мировоззрения, важнейшими ценностями которого являются традиционализм, практицизм, иерархичность мышления, ориентация на органический, эволюционный характер преобразований. Из этих мировоззренческих установок под влиянием внешних факторов формируется консервативная идеология, представляющая собой наиболее заметное проявление консервативного феномена. Помимо этого, консерватизм может проявляться в качестве определенной сдерживающей и стабилизирующей позиции в рамках различных общественно-политических направлений или идеологий.

Таким образом, консерватизм является чрезвычайно широким, многоаспектным понятием, включающим в себя множество смысловых уровней, некоторые из которых существовали на протяжении развития всей человеческой цивилизации, а некоторые возникли под влиянием конкретных исторических событий. Наивысшей формой проявления этого феномена является наличие в основе любой цивилизации универсального механизма, выполняющего функции накопления опыта в виде определенной информации, передачи ее от нынешнего к последующим поколениям, а также восприятия новой информации и адаптации к ней, которые могут быть охарактеризованы как консервативные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанова Е.Б. Проблема определения понятия «консерватизм» и «неоконсерватизм» в западной и отечественной политологической литературе. — М., 1994. — С. 4.
2. Сокольская Н.Б. Консерватизм: идея или метод // Полис. — М., 1998. — №5. — С. 50.
3. Ермашов Д.В., Ширинянц А.А. У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. — М., 1999. — С. 17.
4. Бердяев Н.А. Философия неравенства. — М., 1990. — С. 109.
5. Галкин А.А. Консерватизм в идеологической системе координат // Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (материалы «круглого стола») // Полис. — М., 1995. — №4. — С. 36.
6. Федорова М.Н. Традиционализм как суть общественно-политического проекта консерватизма и обращенность его к проблемам истории // Полис. — М., 1995. — №4. — С. 43.
7. Репников А.В. Консервативная модель переустройства России // Россия в условиях трансформаций. — М., 2000. — Вып. 2. — С. 5.
8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М., 1994. — С. 593.
9. Пустарнаков В.Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России // Либеральный консерватизм: история и современность. — М., 2001. — С. 16.
10. Патракова В.Ф. Русская цивилизация // Российская историческая политология. — Ростов н/Д, 1998. — С. 431.
11. Смолин Б.М. Очерки имперского пути. — М., 2000. — С. 201.
12. Манхейм К. Указ. соч. С. 194.
13. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Московские лекции и интервью. — М., 1995. — С. 62.
14. Красин Ю.А. Историческое противоборство течений общественной мысли в аспекте критики разума и его интерпретации // Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития: Материалы «круглого стола» // Полис. — М., 1995. — №4. — С. 52.
15. Берк Э. Размышления о революции во Франции. — М., 1993. — С. 120.
16. Павленко В.М. К вопросу о наступлении консервативного поворота на Западе // Консерватизм: история и современность. — Пермь, 1994. — С. 31.
17. Гаджиев К.С. Политическая философия. — М., 1999. — С. 139.
18. Росситер К. Консерватизм // Век XX и мир. — М., 1991. — №5. — С. 17.
19. Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. — М., 1995. — С. 7.
20. Шацкий Е. Утопия и традиция. — М., 1990. — С. 399.
21. Григоров С.Г. Преодоление заданности // Полис. — М., 2000. — №4. — С. 34.
22. Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для счастья человека // Полис. — М., 2001. — №3. — С. 145.
23. Шацкий Е. Указ. соч. С. 230.
24. Лаптева М.П. Консервативная традиция и М. Вебер // Консерватизм: история и современность. — Пермь, 1994. — С. 83.
25. Шацкий Е. Указ. соч. С. 232.
26. Лаптева М.П. Указ. соч. С. 83.
27. Лебон Г. Психология толп. — М., 1998. — С. 169.
28. Сигал Л. Совесть консерватора // Век XX и мир. — М., 1992. — №2. — С. 10.
29. Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 117.
30. Там же. С. 113.
31. Там же. С. 120.

32. Кирж Р. Указ. соч. С. 143.
 33. Берк Э. Указ. соч. С. 120.
 34. Сокольская И.Б. Консервативна ли консервативная революция // Полис. — М., 1999. — №6. — С. 27.
 35. Шацкий Е. Указ. соч. С. 395.
 36. Гаджиев К.С. Политическая философия. — М., 1999. — С. 353.
 37. Филиппова Т. Предчувствие ностальгии // Свободная мысль. — М., 1993. — №9. — С. 35.
 38. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития: Материалы «круглого стола» // Полис. — М., 1995. — №4. — С. 36.
 39. Там же. С. 38.

Деятельность Казахского революционного комитета по провозглашению советской автономии

КУЛЬШАНОВА А.А.

Декрет о Революционном комитете гласил: «Впредь до созыва всеобщего Киргизского съезда, который созывается в возможно непродолжительном времени, и объявления автономии Киргизского края, учреждается для управления этим краем Революционный комитет, в котором сосредоточивается высшее военно-гражданское управление краем» [1]. Таким образом, в статье 6 Декрета была четко сформулирована задача Казревкома — создание автономии в рамках Российской Федерации и обозначены пути ее решения — созыв Учредительного съезда для утверждения закона о будущей республике. Военно-гражданский характер власти Казревкома определялся чрезвычайными условиями гражданской войны, когда, как и во время всякой другой войны, в действие вступает правило о подчинении гражданской власти военной и даже их временном слиянии. Власть Революционного комитета распространялась на территорию казахской части Астраханской губернии и губернии: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую [2].

Другой важной задачей Казревкома являлось решение проблемы собирания всех исконно казахских земель воедино, то есть формирования территориальной целостности будущей казахской советской государственности. Основные трудности в этом направлении были связаны с тем, что до революции отдельные регионы современного Казахстана управлялись из различных административных центров колонизации края. Территория Казахстана была разделена на шесть губерний: Сыр-Дарьинская, Джетысуйская губернии входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства с центром в г. Ташкенте; Акмолинская, Семипалатинская, Уральская, Тургайская — в состав Степного с центром в г. Омске. Территория Внутренней (Букеевской) Орды входила в Астраханскую губернию, а Мангышлакская — в Закаспийскую область. После Октябрьской революции Акмолинская и Семипалатинская губернии управлялись Сибирским революционным комитетом, а Сыр-Дарьинская и Джетысуйская отошли к созданной в 1918 г. Туркестанской АССР. При этом процесс объединения всех казахских земель в рамках республики будет протекать очень сложно и в несколько этапов.

9 октября 1919 г. Постановлением ВЦИК была образована Комиссия по делам Туркестана, на которую также была возложена функция подготовительной работы по образованию Казахской АССР.

В июле 1920 г. В.И. Ленин собрал совещание в Кремле, главным вопросом которого было уточнение границ Казахстана. Спорными выступали северные территории Казахстана, освоенные во времена царской империи крестьянскими переселенцами и казачеством, где теперь преобладали этнические русские. Сибирский революционный комитет в лице Сибиряка отстаивал, чтобы прииртышская и переселенческая территории были отторгнуты от Казахстана и включены в границы Сибири, а представитель ЦК партии и Советского правительства в Сибревкоме, наоборот, был за включение этих земель в границы Казахстана. Накануне в подготовительной комиссии эти разногласия уже выявились, но остались неразрешенными и были вынесены на совещание в Кремле, которое должно было принять окончательное решение.

Р.Г. Абдулатипов и Т.Ю. Бурмистрова приводят интересные факты хода совещания. Они пишут: «Представителя Сибирского ревкома — Сибиряка В.И. Ленин встречает вопросом: “Вы против нашего проекта. Почему вы хотите обидеть этот хороший народ?”». Этот вопрос, как вспоминает представитель Сибирского ревкома, сразу оторвал его от собственной позиции и сделал объективным наблюдателем, раскрыв общественный интерес обсуждаемого вопроса и его новый смысл. Он уже не был уверен в том, что необходимо выполнять строгий наказ Сибирского ревкома — блюсти целостность сибирской территории! На ответ представителя Сибирского ревкома Ленину: «Не обидеть... а хотим предупредить возможность острой национальной вражды между казаками и сибирскими казаками» — Ленин задал следующий вопрос: «Поэтому предлагаете утвердить между ними шовинистические рогадки? Но ведь это как раз и есть источник острейшей национальной вражды! Вы не находите?» Пояснения Сибиряка («Историческая земельная распря заставляет предполагать...») не удовлетворили Ленина. «Какой вздор! — возразил Ленин. — Переверните вопрос — обнаружится сибирское великодержавие. Это же куда опаснее!» В.И. Ленин говорил дружески, приветливо: «Не с сибирской вышки смотреть надо... И даже не с Ивана Великого. А может быть, с Гималаев? Разумеется, не в английские окуляры!». Эти «английские окуляры», напомнившие о двухвековом английском владычестве в Индии, открыли Сибиряку еще одну брешь в его позиции.

Кантарова — главного противника Сибиряка — В.И. Ленин атаковал в лоб вопросом: «Как вы сегодня насчет Иртыша?». Ответ Кантарова: «Иртыш? Разумеется, освободить и передать истари казахские земли казахам» был слабой аргументацией. Ленина интересовала равно судьба не только тружеников-казахов, но и русских землепашцев, и он задает следующий вопрос: «А переселенцы? А русские казаки?». Довольно резкий ответ Кантарова: «На Алтай — там много всяких земель!» Ленин иронически заканчивает: «...истари принадлежавших тоже другим народностям?». Кантаров безуспешно пытался дать абстрактно-философское обоснование своей позиции: «Историческая справедливость должна быть восстановлена». Но В.И. Ленин немедленно возразил: «Справедливость

— это из головы. А реально — это новое насилие над массами, вам не кажется?», дав ясно понять, что нельзя одно зло исправлять другим злом.

В это время в кабинет, где проходило совещание, вошел представитель Казахстана Галим Тажибаев и за ним еще один казах. Ленин оживленно приветствовал их: «А вот и они, именинники наши! Здравствуйте! Скажите нам, пожалуйста, для начала: что хуже — казаки над вами или вы над казаками?».

Галим Тажибаев недоуменно развел руками: «Не знаю... Оба плохая! Я так думаю: зачем над, зачем под? Вместе надо!».

«И учиться надо, — удовлетворенно сказал Ленин, — правда? Учиться управлять... и уживаться с друзьями?»

После этих вопросов и реплик В.И. Ленина совещание пошло по проложенному им руслу. Оказалось, что казахи вовсе не собирались воевать с русскими казаками, отнимать у них землю или выселять их; учитывали, что в районах с русскими поселенцами кочевое хозяйство быстро становится оседлым, земледельческим, что у казаков надо учиться, что от них казахам может быть большая польза.

Сибирский наказ был нарушен. Сторонников отрезки иртышских земель от Казахстана и выселения русских поселенцев не нашлось» [3].

Мы видим, Ленину удалось привести оппонентов к политическому компромиссу: с одной стороны, за Казахстаном были оставлены его исконные территории, с другой стороны, славянским переселенцам были даны гарантии сохранения за ними возделываемых земель.

27 октября 1919 г. в г. Актюбинске состоялось заседание Революционного комитета с участием Реввоенсовета Туркестанского фронта, Туркестанской комиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и Реввоенсовета армии под руководством В.В. Куйбышева и М.В. Фрунзе. На заседании было назначено проведение в январе 1920 г. советской казахской конференции [4]. С 5 по 11 января 1920 г. в г. Актюбинске продолжалась работа конференции Советов Казахстана, на которой присутствовали делегаты Тургайской, Уральской, Акмолинской, Сырдарьинской, Ферганской, Закаспийской областей. Главным вопросом было объединение всех казахских областей в одну советскую республику и организация краевого партийного центра РКП(б) [5].

Следующим этапом собирания казахских земель стало вхождение летом 1921 г. в состав КАССР Акмолинской и Семипалатинской губерний, за исключением Омского уезда, оставшегося в Западной Сибири. В январе этого же года делегаты Всетуркестанского съезда казахской бедноты приняли решение о включении в состав Казахской автономии Сырдарьинской и Джетысуйской областей Туркестанской АССР, преимущественно населенных казахами. Но это произойдет лишь в 1924 г. при национально-государственном размежевании в Центральной Азии.

Одновременно Казревком должен был сосредоточить свои усилия на задачах: объединение и организация всей советской деятельности в пределах Казахского края; проведение в жизнь всех постановлений центральных органов Советской власти с учетом быта, обычаев и условий жизни местного населения; контроль за деятельностью местных Советов; принятие всех мер к поднятию экономики и культуры края; составление проекта Положения о Казахской Автономной Совет-

ской Республике; урегулирование отношений между Казахским краем, РСФСР и Туркестанской Советской Республикой [6].

С целью управления отдельными отраслями Казахстана при Казревкоме были созданы следующие отделы: народного просвещения, рабоче-крестьянской инспекции, внутренних дел, финансовый, почты, телеграфов, юстиции, социального обеспечения, земотдел, Казахское бюро ВСНХ, Казахский краевой комиссариат по военным делам, Комитет по проведению трудовой повинности. После образования Казахской Автономной Республики на базе этих отделов были созданы народные комиссариаты. По существу, Казревком был прообразом правительства и осуществлял все его функции.

Повсеместно на территории Казахстана была создана сеть низовых ревкомов: губернские, уездные и волостные, которые были проводниками политики Казревкома на местах, способствовали укреплению Советской власти, большевизации Советов. Местные революционные комитеты являлись также всеобъемлющими органами власти, осуществляя руководство военными и гражданскими учреждениями. Свою деятельность ревкомы строили на принципах строгого единения. Начали председателя ревкома в соответствии с чрезвычайными полномочиями в условиях интервенции и гражданской войны. При решении наиболее важных вопросов обороны, укрепления армии, снабжения продовольствием фронтов и населения применялся принцип коллегиальности. Это отразилось на организации при ревкомках, особенно уездных, руководящего ядра из 3—5 членов во главе с председателем [7]. Приказы ревкомов (губернских, уездных), обязательные постановления являлись правовыми актами, устанавливающими права и обязанности населения, а также отношение Революционного комитета ко всем военным и гражданским организациям.

Структура местных ревкомов, как правило, соответствовала структуре губернских и краевого ревкомов, но ревкомы имели право самостоятельно определять их количество. Отделы уездных ревкомов были подотчетны аналогичным отделам губернских ревкомов, а также подчинялись директивам и указаниям Ревкома по управлению Казахским краем. При уездных ревкомках функционировали такие отделы: управления, продовольствия (позднее продовольственный комитет), коммунального хозяйства, здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, труда, комитет по всеобщей трудовой повинности, агитационно-организационный. В оперативных целях создавались подотделы милиции, а при агитационно-организационных — инструкторские, информационные подотделы. Работа ревкомов в Казахстане осложнялась специфическими условиями: неграмотность большей части населения, кочевой образ жизни казахов, незнание ими русского языка.

В ходе подготовительных работ возник вопрос о местопребывании столицы Казахской автономии. Практическая деятельность Казревкома проходила тогда в самом крупном промышленном и культурном центре региона — в г. Оренбурге. Поэтому 20 сентября 1919 г. на закрытом заседании Оренбургского губернского комитета с участием М.И. Калинина было принято решение о присоединении Оренбурга к Казахстану [8]. В настоящее время мы можем оценить данное реше-

ние как политический шаг большевистского руководства, направленный на удержание Казахстана в составе России, тесное единение с ней и пресечение всяких попыток «национал-уклонистов», как тогда называли представителей казахской интеллигенции — деятелей партии «Алаш» на создание отдельного государства. Не надо забывать и о том, что г. Оренбург был основан на исконной казахской территории, но в результате многочисленных административных реформ выпал из административной сетки Казахстана.

15 сентября 1919 г. Ревком принял постановление об образовании специальной комиссии для разработки инструкции по выборам в Учредительный съезд Советов [9]. Между тем основные начала избирательного права для населения Казахского края были установлены Декретом о Казахском революционном комитете. Активное и пассивное избирательное право (право участвовать в выборах и право быть избранным) предоставлялось всем гражданам, достигшим 18-летнего возраста ко дню выборов. Здесь, как и в Конституции РСФСР 1918 г., был последовательно проведен классовый принцип: представители эксплуататорских классов, торговцы, агенты старого режима были лишены избирательных прав.

Последующее укрепление политических позиций коммунистов в результате создания 30 апреля 1920 г. областного бюро РКП(б) [10] привело к разработке Казревкомом совместно с партийным центром новой избирательной инструкции по созыву Учредительного съезда Советов Казахстана. Прежняя избирательная инструкция от 3 февраля 1920 г., как не отвечавшая духу пролетарской диктатуры, была отменена. В новой инструкции, утвержденной Казревкомом 5 мая 1920 г. [11], ярко проявился антидемократический и антиправовой характер зарождавшегося тоталитарного режима. Представители эксплуататорских классов, в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г., были лишены избирательных прав. Кроме того, рабочим были предоставлены существенные преимущества в области избирательных прав по сравнению с сельским населением. Так, для городов с населением не менее 20 тысяч жителей и промысловых, приисковых, фабрично-заводских районов, где сосредоточены промышленные кадры, была установлена норма представительства — по одному депутату на 4 тысячи избирателей, а для сельского населения и мелких городов — по одному на 20 тысяч жителей. Тем самым сельское население, где чувствовалось сильное влияние байства и кулачества, было сознательно ограничено от участия в активной политической жизни страны.

17 августа 1920 г. СНК РСФСР рассмотрел и одобрил проект Декрета о Казахской Республике. В результате 26 августа 1920 г. ВЦИКом и Советом Народных Комиссаров (СНК) РСФСР был принят подписанный М.И. Калининым и В.И. Лениным Декрет «Об образовании Киргизской (Казахской) Советской Автономной Социалистической Республики» в составе РСФСР со столицей в г. Оренбурге [12]. Это был первый конституционный акт, который провозгласил образование КАССР как части Федерации. Декрет установил, что в целях проведения единой политики в областях, временно остающихся в составе Сибири и Туркестанской Республики, в Сибревком и Президиум ТурЦИК вводятся уполномоченные Казахского революционного комитета на основании директив последнего.

На основе этого Декрета вся система организации государственной власти в КАССР, принципы ее государственного аппарата строились в полном соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. Согласно Декрету, государственными органами управления республики являлись Центральный Исполнительный Комитет (КазЦИК) и Совет Народных Комиссариатов (КСНК) Казахской АССР, местные Советы.

В соответствии с Декретом от 26 августа 1920 г. автономная республика финансировалась и снабжалась техническими средствами из государственных средств РСФСР [13]. Принятие данной меры мотивировалось центром как помощь в построении социализма в связи с социально-экономической отсталостью края, что соответствовало принципам ленинской национальной политики, провозгласившей равенство всех наций и поэтому вынужденной претворять свои прокламации в жизнь. Данный курс был также связан с укреплением единой бюджетной системы страны, со стремлением установить полный финансовый контроль над автономными образованиями, повысить общий экономический уровень государства.

4—12 октября 1920 г. в г. Оренбурге состоялся I Учредительный съезд Советов Казахстана, который принял Декларацию прав трудящихся Киргизской (Казахской) Социалистической Автономной Советской Республики. Это был конституционный акт, закрепивший создание Киргизской (Казахской — А.К.) АССР (КазАССР), входившей как автономная единица в состав РСФСР на правовой основе Конституции 1918 г. Председателем съезда был избран глава Казревкома В.А. Радус-Зенькович. 9 человек образовали президиум: В.А. Радус-Зенькович, А.И. Досов, С.М. Мендешев, А. Жангельдин, И.А. Акулов, А.Б. Авдеев, П.Я. Струппе, А. Байтурсинов и И.Д. Мартынов. В работе съезда принимали участие 273 делегата, подавляющее большинство которых составляли коммунисты. Съезду предстояло решить множество вопросов организационно-политического и хозяйственного характера.

На съезде был зачитан отчет о деятельности Казревкома, где были отмечены его заслуги в образовании Казахской национальной республики. Среди недостатков были названы следующие: слабая связь Казревкома и Казахского отдела при Наркомнаце РСФСР с местными исполнительными органами, неудовлетворительная работа целого ряда отделов Ревкома. Наличие данных упущений было связано, главным образом, с тем, что настоящий орган совмещал в себе сразу несколько функций — военные, законодательные, исполнительные и пр., что отражалось на качестве его работы. Кроме того, Казревком был первым органом управления Казахским краем после Октября, не имел опыта в деле государственного управления. Затем члены Казревкома представляли различные слои населения — от шаруа, революционеров до мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции, а поэтому имели различные политические позиции по основным вопросам. Это создавало атмосферу напряженных межличностных отношений в Казахском ревкоме, доходивших до откровенной неприязни друг к другу [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Нусупбеков А.И. Национально-государственное строительство в Казахстане (1917—1937 гг.) // Казахстан в нерушимом союзе братских республик: Сб. статей. — Алма-Ата: Наука, 1972. — С. 24—58 (С. 38).
2. Там же. С. 39.
3. Абдулатипов Р.Г., Бурмистрова Т.Ю. Ленинская политика интернационализма в СССР: история и современность. — М.: Мысль, 1982. — 268 с. (С. 52—53).
4. Сартаев С.С. Образование и становление казахской советской государственности. — Алма-Ата, 1960. — С. 59.
5. Лихолат А.В. Содружество народов СССР в борьбе за построение социализма. 1917—1937. — М.: Политиздат, 1976. — 368 с. (С. 103).
6. История государства и права Казахской ССР / Под ред. С.С. Сартаева. — Алма-Ата: Мектеп, 1984. — С. 355.
7. Там же. С. 36.
8. Большевик Казахстана. — 1936. — №5 (56). — С. 74.
9. История государства и права Казахской ССР... С. 28.
10. Там же. С. 61.
11. Большевик Казахстана... С. 34.
12. Декрет «Об образовании Киргизской (Казахской) Советской Автономной Социалистической Республики» // ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Лл. 16—17.
13. СУ КАССР. — 1920. — №76. — С. 359.
14. Зиманов С., Даулетова С., Исмагулов М. Казахский отдел Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1975. — 186 с. (С. 50—72).

Вступление Республики Казахстан в члены ООН (исторический аспект)

УАЛТАЕВА А.С.

На современном этапе развития мирового сообщества в системе международных отношений наблюдается активизация международных политических институтов и организаций международного и глобального уровня. Международные организации способны представлять интересы не только стран-участников, но и сторонних наблюдателей, а также согласовывать свои позиции по многим вопросам и мировым проблемам с другими международными форумами и затрагивать все общественные сферы жизнедеятельности государств. Одной из таких организаций является ООН.

В данной статье рассмотрим мероприятия Республики Казахстан по вступлению РК в ООН в исторической ретроспективе. И хотя эти вопросы подробно рассмотрены в работах А.Х. Арыстанбековой, которая была непосредственным участником и организатором этих процессов [1], К.К. Токаева [2], Б.К. Султанова [3] и других политиков и ученых, мы попытаемся проследить предварительный этап, основываясь на материалах Архива Президента РК за 1993 г., впервые вводимых в научный оборот.

С первого дня независимости Казахстан принимает самое активное участие в работе ООН и ее специализированных учреждений. Это сотрудничество, как подчеркивал Президент РК, является одним из приоритетных направлений внешней политики нашего государства [4]. Главными задачами в этой деятельности являются такие, как: проведение работы по обеспечению стратегических интересов РК на международной арене в области глобальной и региональной безопасности, становление справедливого мирового порядка в политике и экономике, создание рамок для устойчивого развития, гармонизации отношений между членами мирового сообщества.

История создания ООН началась с января 1942 г., когда в Белом доме (Вашингтон) от имени 26-ти стран была подписана декларация, впоследствии получившая название Декларация Объединенных Наций, в основу которой была положена Атлантическая хартия, подписанная 14 августа 1941 г. президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, объявившими о плане всеобщего мира.

Идея создания ООН родилась в годы Второй мировой войны. Лидеры государств, объединивших силы в борьбе против фашизма, осознали крайнюю необ-

ходимость создания специального механизма по обеспечению в будущем мира и предотвращению войны. Политики того времени, испытав бремя ответственности в самый трудный для своих народов период, ясно понимали, что мир возможен только при объединении усилий всех государств через данный орган [5].

В октябре 1943 г. представители Китая, СССР, США и Великобритании договорились сразу после окончания войны создать организацию для сохранения мира, известную ныне как Московская декларация. Был проведен еще ряд встреч и конференций, в том числе и конференция в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.), на которой представителями 51-го государства единогласно был принят Устав ООН. После ратификации хартии США, Китаем, Великобританией, СССР и Францией, 24 октября 1945 г. официально считается днем основания ООН.

В послевоенный период в ходе «холодной войны» под руководством США сформировались военно-политические союзы в Европе, Азии и Латинской Америке. Наиболее значимыми из них стали следующие: Межамериканский договор о взаимной помощи, подписанный в 1947 г., на основе которого спустя лишь год была создана Организация американских государств, включавшая все американские государства, за исключением Канады, и позволявшая на юридической основе «вмешательство США в дела латиноамериканских государств». Для более тесной интеграции в военно-политической области США с европейскими государствами в 1949 г. была создана Организация Североатлантического договора (НАТО), куда вошли Англия, Франция, Италия и другие европейские страны. Многосторонний блок — Организация договора для Юго-Восточной Азии (СЕАТО), подписанный между США, Англией, Францией и Пакистаном, Таиландом, Филиппинами, Австралией и Новой Зеландией в 1954 г. Создан Багдадский пакт, подписанный изначально в 1954 г., но, в связи с выходом из него в 1958 г. Ирака, воссозданный под именем Организации центрального договора (СЕНТО), в который вошли Турция, Ирак, Пакистан, Иран и Великобритания. В 1955 г. СССР со своей стороны «на совещании руководителей СССР и других европейских социалистических стран в Варшаве подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, Чехословакией и СССР [6].

Таким образом, в период «холодной войны» произошел активный рост межгосударственных объединений военно-политического характера, что наложило свой отпечаток на процессы политического участия государств в формировании и развитии международных политических институтов и организаций. По мнению западных исследователей, создание международных организаций приходится на конфликтные исторические периоды современности [7].

Поэтому основной задачей ООН всегда было сохранение мира посредством развития международного сотрудничества и обеспечения коллективной безопасности. Через 65 лет с момента ее создания членами организации стали (от 51) 192 государства. Согласно Уставу, в своей деятельности ООН преследует четыре цели: поддерживать международный мир и безопасность; развивать дружественные отношения между нациями; осуществлять международное со-

трудничество в разрешении международных проблем и поощрении уважения к правам человека; быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей.

ООН с ее многогранными функциями охватывает практически все аспекты деятельности мирового сообщества. Ее роль особенно актуальна в разрешении современных кризисов, демонстрирующих растущую глобальную взаимозависимость и требующих объединения усилий государств в области поддержания международного мира и безопасности.

Решающее значение для государств — членов ООН имеет вовлечение организации в такие ключевые области, как поддержание международного мира и безопасности, разоружение и нераспространение ОМУ. Организация является инициатором международных усилий по борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. Организация стала своеобразным центром решения всех острых проблем, с которыми сталкивается международное сообщество на данном этапе: ООН проводит системную работу по содействию соблюдению прав человека, охране окружающей среды, борьбе с болезнями и сокращению масштабов нищеты, оказывает помощь беженцам, осуществляет программы разминирования и играет ведущую роль в борьбе со СПИДом.

Одной из главных задач ООН является поддержание мира во всем мире. На протяжении многих лет организация играла важную роль в содействии предотвращению международных кризисов и урегулированию затяжных конфликтов. Она осуществляла комплексные операции, связанные с установлением и поддержанием мира и оказанием гуманитарной помощи. Ей также приходилось предотвращать назревающие конфликты. В постконфликтных ситуациях она все чаще предпринимает скоординированные усилия, направленные на устранение коренных причин насилия и создание основ для прочного мира.

Казахстан после обретения независимости также определил мирное развитие и расширение добрососедских отношений в качестве ключевого принципа собственной внешней политики и начал активную работу по вступлению в члены ООН как суверенного государства.

В 1991 г. МИД КазССР обратилось с просьбой в МИД СССР подготовить справку о правилах вступления в члены ООН.

11 декабря 1991 г. министр иностранных дел КазССР А.Х. Арыстанбекова получила подготовленную УМО МВС СССР этот документ, подписанный С. Лавровым [8]. В соответствии со статьей 4 Устава ООН, прием в члены ООН открыт для всех любых миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в данном Уставе обязательства, которые могут и желают выполнять. Любое государство подает заявление о желании вступить в члены ООН на имя генерального секретаря ООН, которое он передает в Совет Безопасности [9]. Совет Безопасности на своем официальном заседании принимает решение, является ли государство миролюбивым и может и желает ли выполнять обязательства Устава ООН [10]. Затем при положительном решении генеральный секретарь ООН извещает подавшее заявление государство о принятом решении Генеральной

Ассамблеей и данное государство впоследствии будет принято на ее заседании специальной резолюцией [11].

31 декабря 1991 г. министр иностранных дел РК Т. Сулейменов направил генеральному секретарю ООН г-ну Бутросу М. Гали письмо, с которым препроводил Заявление Республики Казахстан о вступлении в члены ООН, подписанное Президентом РК Н.А. Назарбаевым [12]. В ответ Генеральная Ассамблея и генеральный секретарь ООН, в соответствии с правилом 135 Правил процедуры ГА ООН, «имеет честь распространить настоящим» заявление РК о вступлении в члены ООН [13].

В этот период представитель Республики Казахстан А.Х. Арыстанбекова проводила огромную работу по вступлению Казахстана в члены ООН. 24 декабря Ю.М. Воронцов — постоянный представитель СССР при ООН в беседе с А.Х. Арыстанбековой подчекнул, что представители стран — членов ООН готовы поддержать Заявление РК, которое председатель ГА С.С. Шихаби посоветовал подать до конца 1991 г., чтобы оно было рассмотрено на Возобновленной сессии ООН в конце февраля — начале марта 1992 г. [14]. В своем дневнике А.Х. Арыстанбекова подробно фиксировала каждый организационный шаг подготовительного этапа самой важной для народа и республики внешнеполитической деятельности. После подачи Заявления РК о вступлении в члены ООН, 2 января 1992 г. состоялась встреча с ПП Украины Г.И. Удовенко и ПП Беларуси Г.Н. Буравкиным, которые заверили Акмарал Хайдаровну как представителя РК, что окажут поддержку в приеме Республики Казахстан в члены ООН [15]. В этот же день состоялась беседа с ПП СССР при ООН Послом И.М. Воронцовым, который констатировал, что будет содействовать подготовке вступления РК в ООН [16]. Также состоялась беседа с шефом кабинета ГС ООН г-ном Вирендра Дайялом. При встрече присутствовали заместитель ГС по вопросам Совета Безопасности В.С. Сафрончук, заместитель представителя РФ при ООН С.А. Орджоникидзе и специальный помощник ГС В.М. Суходрев. В теплой обстановке В. Дайял сообщил, что все полученные документы от РК переданы в Совет Безопасности [17].

3 января представитель РК встретила с генеральным секретарем ООН по вопросам Совета Безопасности и с заместителем ГС ООН по правовым вопросам, юрисконсулом Карлом Авиртом Флэйшауэром [18].

6 января 1992 г. череда встреч продолжилась. Председатель СБ ПП Великобритании при ООН сэр Д. Хеннейем сообщил А.Х. Арыстанбековой о получении заявления Президента РК и распространении его как официального документа, также акцентировал внимание на перспективах развития казахстанско-британских отношений и в заключение заверил, что «будет поддерживать тесную связь и информировать о ходе решения вопроса» [19].

13 января состоялась беседа с советником политического отдела ПП США при ООН С.М. Сэлдовичем. Советник заявил, что им получено указание из Госдепартамента США об оказании помощи и содействия Казахстану в вопросе его вступления в ООН и в ближайшее время сотрудники посольства США в России выедут в Алма-Ату для скорейшего решения вопроса [20]. Эта тема

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

была продолжена в беседе с ПП США при ООН Т. Пикерингом, где он выразил готовность американской стороны оказывать помощь и поддержку «по любым вопросам» [21].

16 января была получена информация о рассмотрении в СБ вопроса приема РК в члены ООН [22]. Эта же тематика была в центре беседы с ПП КНР при ООН Ли Даоюем 21 января 1992 г. [23].

На следующий день на встрече с ПП Японии при ООН Йосио Хатано было отмечено, что японцы много слышали о Казахстане, но мало кто видел страну, и вследствие этого была выражена необходимость перспективного сотрудничества между нашими странами [24].

23 января А.Х. Арыстанбекова посетила ПП Индии при ООН Чинмайя Гарехана, который проявил большой интерес к социально-экономическому развитию Казахстана и «с энтузиазмом» поддерживает просьбу РК в СБ и «очень» ждет официального визита Президента Н.А. Назарбаева в Индию [25]. В тот же день на состоявшемся заседании 3032-го Заседания Совета Безопасности о приеме новых членов рассмотрено Письмо Президента РК на имя генерального секретаря (S 23353) [26]. Заседание проходило под председательством сэра Д. Хэннэй и представителями 14-ти государств — членов СБ ООН [27]. После принятия СБ резолюции, рекомендуящую ГА о принятии Казахстана в члены ООН, председатель направил поздравительную телеграмму Н.А. Назарбаеву и передал Заявление от президента СБ и его членов [28].

31 января был опубликован доклад Комитета о приеме новых членов, в котором Генеральная Ассамблея рекомендовала принять Республику Казахстан в члены ООН [29]. На заседании в поддержку Республики Казахстан о принятии в члены ООН выступили представитель Бельгии г-н Брунс, представитель Российской Федерации г-н Лозинский, подчеркнув, что поддерживают предложение председателя об ускоренном рассмотрении этой просьбы в соответствии со статьей 60 временных правил процедуры Совета Безопасности [30]. В стенограмме председатель Совета Безопасности и письмо от 23 января 1992 г. рекомендует принять РК в члены ООН.

А.Х. Арыстанбекова сразу же направила телеграмму Президенту РК об единомгласном принятии резолюции рекомендовать ГА принять РК в члены ООН. Председатель СБ назвал это событие «поистине историческим» [31]. Для участия в работе ООН Президент РК Н.А. Назарбаев направил генеральному секретарю ООН г-ну Бутросу Б. Гали документ об учреждении Постоянного представительства РК при ООН и назначении в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посланника Арыстанбекову Акмарал Хайдаровну [32].

2 марта 1992 г. на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которая стала исторической по своему значению, резолюцией 46/224 Республика Казахстан была единогласно принята в члены ООН.

За прошедшее с 1992 г. время Казахстан сумел не только успешно интегрироваться в международное сообщество государств, но и занять в нем заметное место. Примером этому служит первое выступление Президента РК Н.А. Назарбаева в ООН в октябре 1992 г. в ходе 47-й сессии Генеральной Ассамблеи, которое можно

с полным основанием назвать историческим и программным для казахстанской внешней политики. Именно в ней было представлено мировому сообществу СВМДА — казахстанская инициатива, которая сегодня стала реальным фактором международных отношений и формирования системы безопасности на Азиатском континенте. С высокой трибуны ООН казахстанский лидер подчеркнул принципиальную готовность нашей страны разделять с другими членами международного сообщества ответственность за достижение целей развития, соблюдение прав человека, укрепление режима нераспространения оружия массового поражения, выработку эффективных мер противодействия современным вызовам и угрозам стабильности и безопасности. В этом же выступлении прозвучал призыв к государствам-членам начать формирование фонда миротворческих усилий ООН за счет добровольного перечисления в него фиксированных взносов (один процент) от своих оборонных бюджетов.

Участие Казахстана в работе системы ООН является одним из главных направлений казахстанской многосторонней дипломатии, способствует укреплению суверенитета и независимости нашей страны, создает благоприятные международные условия для осуществления дальнейших преобразований в социально-политической, экономической и других сферах общественной жизни.

18-летний период членства в ООН — один из ярких символов суверенитета и свидетельство неизменной приверженности Казахстана высоким идеалам мира, развития и всеобщего процветания. Президент Н.А. Назарбаев с первых шагов Казахстана на международной арене подчеркивал приоритетность взаимодействия с ООН. Безусловное выполнение взятых на себя международных обязательств снискало нашей стране репутацию ответственного партнера. Мировое сообщество высоко оценивает историческое решение Главы государства об отказе от четвертого в мире по своему потенциалу ядерного арсенала. Казахстан инициировал проведение в Алматы первой Международной министерской конференции ООН по проблемам развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, состоявшейся в августе 2003 г. В целях консолидации усилий по борьбе с международным терроризмом, в январе 2005 г. Республика Казахстан провела выездное заседание Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН. Признанием конструктивной роли Казахстана в деятельности ООН стало избрание нашей страны в один из главных ее органов — Экономический и социальный совет. Второго ноября 2006 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Казахстан получил поддержку 187-ми из 192-х государств — членов ООН и стал первым государством Центральной Азии, избранным в число 54-х государств — членов ЭКОСОС. Казахстан представляет в этой структуре Азиатский регион [33]. Членство в ЭКОСОС основано на признании практического вклада Казахстана в укрепление международной безопасности и режим нераспространения оружия массового уничтожения, развитие диалога цивилизаций и успешную реализацию Целей тысячелетия.

В 2005 г. в Алматы была проведена 63-я сессия Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) — крупнейшей региональной экономической комиссии, объединяющей более 50-ти государств. По

составу участников и кругу рассматриваемых вопросов форум был одним из самых значимых международных мероприятий в истории Казахстана и всего Центральноазиатского региона. Принимая у себя авторитетный форум, наша страна способствовала участию всего мирового сообщества в решении наиболее актуальных проблем Центральной Азии.

В чрезвычайно насыщенной и богатой событиями исторического масштаба истории ООН Казахстан, благодаря активной и взвешенной позиции, вносит свою лепту в дело мира, безопасности и развития, а также функциональную и структурную модернизацию Объединенных Наций. За годы работы в ООН и ее специализированных структурах выработался характерный почерк казахстанской многосторонней дипломатии.

Казахстан, как и многие другие государства, связывают с ООН надежды на обеспечение стабильности и формирование справедливого мирового порядка. Сегодня ни одна, даже наиболее мощная, держава не способна в одиночку противостоять таким вызовам современности, как международный терроризм и распространение оружия массового уничтожения, решать проблемы эпидемии ВИЧ/СПИДа, нищеты, региональных конфликтов и т.д. Эти проблемы трансграничны и интернациональны по сути и потому требуют поиска коллективных решений. Современный мир не приемлет односторонних действий. Это также аксиоматично, как и то, что многосторонней дипломатии альтернативы нет. Сегодня экспертное сообщество говорит о «ренессансе многосторонней дипломатии».

Казахстан последовательно выступает за многополярный мир как оптимальную формулу обеспечения баланса сил и международной безопасности. Эта позиция выражена в стратегическом курсе Казахстана на проведение многовекторной, сбалансированной внешней политики. Это не только прагматичный выбор страны, непосредственно граничащей с двумя государствами — членами Совета Безопасности ООН, но и наше видение будущего мироустройства.

Таким образом, актуальность и значимость внешнеполитического сотрудничества РК с международными организациями, в частности с ООН, заметно возрастают. Данная политическая тенденция связана с тем, что Казахстан в этом году занимает место председателя в ОБСЕ. Это значительное политическое событие, поскольку Республика Казахстан является первым из постсоветских государств, которому доверено руководить авторитетной международной организацией.

И, несмотря на председательство в ОБСЕ, сегодняшний Казахстан активизирует свою деятельность в ООН. 26 августа 2010 г. в Астане прошла конференция, посвященная Международному дню действий против ядерных испытаний и реабилитации Семипалатинского региона. Впервые этот день отмечен 29 августа 2010 г. Именно в этот день в 1991 г. Президент Казахстана закрыл Семипалатинский испытательный полигон, где бывший Советский Союз произвел около 500 взрывов ядерного оружия, имевших опустошительные последствия для окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арыстанбекова А.Х. Казахстан в ООН. — Алматы: Дайк-Пресс, 2004. — 340 с.; Глобализация: история, динамика, аспекты, грани, перспективы. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 352 с.
2. Токаев К.К. Под Стягом Независимости: Очерки о внешней политике Казахстана. — Алматы: Білім, 1997. — 736 с.
3. Султанов Б.К. Становление внешней политики Казахстана. История. Достижения. — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, 2005. — 356 с.
4. Назарбаев Н.А. Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев: Послание Президента страны народу Казахстана. — Алматы: Білім, 1998. — 96 с.
5. Крылов С.Б. История создания ООН. — М.: Издательство ИМО, 1960. — С. 11—16.
6. Ибрашев Ж.У. История международных отношений и внешней политики: в 3-х ч. — Алматы, 1998. — С. 26—28.
7. Pearson, F.S., Rochester, M.J. International Relations: The Global Condition in the Twenty First Century. 4th edition. — N.Y.: St. Martins Press. — Pp. 378—382.
8. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 1.
9. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 2.
10. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 3.
11. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 4.
12. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 7.
13. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 8.
14. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 2.
15. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 1.
16. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 3.
17. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 7.
18. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 10—11.
19. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 18.
20. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 19.
21. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 22.
22. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 20.
23. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 25, 27.
24. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 29.
25. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 31.
26. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 9.
27. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 33.
28. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 14.
29. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 32.
30. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 34.
31. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 37.
32. АП РК. ф. 75-Н. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 40.
33. Тажин М. Казахстан и ООН: взаимодействие во имя мира, безопасности и развития // Казахстанская правда. — 2007, 3 марта.

Обеспечение продовольственного и медицинского обслуживания в период спецпоселения на примере Павлодарской области

ТОХМЕТОВА Г.М.

В Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессированных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» было заявлено, что беззаконие и произвол не обошли стороной ни один народ, ни одну республику.

При этом невольно хочется вспомнить цитаты из выступлений И.В. Сталина: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры. <...> Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [1].

«Процесс ассимиляции одних национальностей не исключает, а предполагает противоположный процесс усиления и развития целого ряда живых и развивающихся наций, ибо частичный процесс ассимиляции отдельных национальностей является результатом общего развития наций». Таким образом, сталинское правительство, подвергая насильственной депортации народы, целенаправленно уничтожало целые этносы, разрушая общность языка (разбрасывая отдельными группами по Советскому Союзу), территории, экономической жизни, самосознания. И.В. Сталин, видимо, решил для надежности воздействовать на все аспекты, составляющие нацию [2].

Тотально депортированным народам предписывалось исчезнуть с карты страны. Им создавались такие условия физического и морального существования, которые неизбежно и запланировано должны были привести к исчезновению этих народов.

В марте 1944 г. комиссаром Государственной безопасности 2-го ранга Чернышовым под грифом «совершенно секретно» были приняты Правила (утвержденные НКВД СССР) по хозяйственному и трудовому устройству спецпереселенцев — калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев.

Одной из задач хозяйственного и трудового обустройства спецпереселенцев является продовольственное, медицинское и культурное обслуживание. Спецпереселенцы и их семьи, занятые на работе в совхозах, промпредприятиях и других хозорганизациях, наравне с рабочими и служащими этих предприятий должны

были обеспечиваться жилплощадью, питанием, медпомощью и культобслуживанием.

Острой проблемой с первых же дней прибытия в Казахстан стало продовольственное обеспечение. За долгий период пути к станциям прибытия запас продовольствия у спецпереселенцев был исчерпан. Из-за сбоев в графике движения горячее питание на станциях осуществлялось нерегулярно. Постоянные проблемы были с водой, особенно когда эшелоны шли по областям Казахстана. «Из-за некачественной воды и антисанитарных условий во многих эшелонах имели место вспышки инфекционных заболеваний, жертвами которых становились, прежде всего, дети. По далеко не полным данным, в 151 эшелоне, перевозившем граждан бывшей республики немцев Поволжья на восток, умерло 129 человек, в подавляющем большинстве дети, умершие от дизентерии и других инфекционных болезней» [3].

Мало что было сделано со стороны властей на местах для обеспечения людей минимумом питания. Из нижеизложенных данных мы видим, что в Павлодарской области НКВД владел информацией о количестве спецпереселенцев по районам и делал запросы по продовольственным поставкам.

Управление НКВД по Павлодарской области КазССР
Отделение спецпереселенцев, город Павлодар
Июль 1944 г.

совершенно секретно

Председателю Павлодарского облисполкома депутатов трудящихся
При этом направляем сведения о количестве спецпереселенцев в разрезе районов:

№	Наименование районов	семей	человек
1	Павлодарский	1646	
2	Цюрупинский	1533	7550
3	Галкинский	817	6314
4	М. Горьковский	439	3396
5	Куйбышевский	106	1882
6	Иртышский	219	539
7	Лозовский	1453	779
8	Баянаульский	377	6234
9	Майский	233	1920
10	Урлютюпский	97	1080
11	Михайловский	175	320
12	Лебяженский	527	660
13	Кагановичский	1019	2326
14	Бескарагайский	598	4016
15	г. Павлодар	296	2818
	ИТОГО	9535	1527
			41 363

Согласно этому, прошу спустить наряды в районы продовольствия [4].

Многие колхозы и совхозы Павлодарской области, а также сам город Павлодар не имели запасов продовольствия. Созданные спецфонды из-за спешного осуществления операции еще не дошли до мест назначения, имелись факты откровенного саботажа, скрытия продовольствия и использования не по назначению.

Исучая архивный материал по хозяйственным вопросам, можно предположить, что то мизерное количество продуктов питания, одежды, которое выделялось спецпереселенцам, не доходило по назначению. Данные факты имеют место быть как в начале войны, так и по окончании ее. Так, приведем некоторые из них.

В мае месяце 1945 г. в порядке оказания продовольственной помощи спецпереселенцам-немцам, остро нуждающимся в продуктах питания, Галкинскому району был отпущен наряд в количестве 3,5 тонн, из которого Райсоветом 2 тонны было израсходовано не по назначению [5].

В Цюрупинском районе из предназначенных фондов, отпущенных для остро нуждающихся спецпереселенцев Северного Кавказа, было израсходовано не по назначению за декабрь 1944 г. и за январь 1945 г. 505 килограммов муки. Это свидетельствует о том, что ответственные работники РК КП(б)К и районного Совета депутатов трудящихся не только не занимаются вопросом правильного распределения отпускаемых фондов, а сами способствуют расходованию их не по назначению, результатом чего в этом районе не прекращается болезнь от истощения и увеличивается смертность среди спецпереселенцев, что в дальнейшем терпимо быть не может [6].

О данной ситуации прекрасно знал Центральный комитет КП(б) Казахстана.

Так, в постановлении Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета КП(б) Казахстана за №276-51с. от 26.04.45 г. под грифом «совершенно секретно», особая папка, «О недостатках в хозяйственном устройстве спецпереселенцев, расселенных в Казахской ССР» читаем:

«Вопреки запрещению Совнаркома и ЦК КП(б)К расходовать выделяемые для спецпереселенцев фонды на какие-либо другие цели, продолжается их разбазаривание, а в ряде случаев оно происходит с ведома, иногда и по прямому указанию руководителей областных и республиканских организаций и наркоматов» [7].

Своевременно выдаваемый государством хлеб колхозам с пункта заготовления не выбирался, при поступлении хлеба всякими путями задерживался с раздачей, длительное время не доводился до спецпереселенцев. Это влекло за собой серьезные последствия.

Об этом также свидетельствуют спецзаписки управления НКВД по Павлодарской области КазССР. Так, в колхозе «Заря Советов» Цюрупинского района «...только за февраль, март месяцы 1945 г... умерло от голода и простудных заболеваний 46 человек, из коих на день проверки 19 трупов оказались на поверхности, сваленные в груды, из них 7 — в полуразваленном доме на окраине села, а 8 трупов, занесенные снегом, на расстоянии 30-ти метров от конторы правления колхоза, 3 трупа — в квартирах живущих семей, членами которых умершие являлись, и 1 труп обнаружен в колхозном клубе. Все эти 19 трупов находились на поверхности более 30-ти дней и схоронены были при вмешательстве наших сотрудников только 24 марта» [8].

От тяжелых условий проживания спецпереселенцев, напоминающих концлагеря фашистской Германии, от холода, голода и болезней вымирали целые поселения. «В колхозе «Красная Нива» за последнее время учтено 30 человек истощенных и опухших и 5 человек умерло от недоедания» [9]. «Люди были вынуждены во избежание голодной смерти употреблять в пищу павших животных, кошек, собак и пр.» [10].

Эти факты усиливали негативные тенденции в среде спецпереселенцев, что в дальнейшем вело к росту хищения хлеба, картофеля, подсолнечника. Все меры, установленные для спецпереселенцев в местах расселения, свидетельствуют о том, что шел процесс целенаправленного уничтожения целых народов в результате произвола сталинско-бериевской клики. Изучив приложение №8 Сведения о раздаче хлеба спецпереселенцам на первое полугодие 1946 г. по Павлодарской области, прослеживаем ужасающую картину: из 1120 тонн 350 килограммов продзерна, выделенного спецпереселенцам, выдано пшеницы — 302 тонны и муки — 15 тонн, что на 803 тонны меньше отпущенного. Эти цифры дают возможность реально взглянуть на то, как на местах велось продовольственное снабжение спецпереселенцев, а также выявить воровство, хищение и расходование средств не по назначению.

Вопрос питания в первый период депортации спецпереселенцы решали практически сами и то что большая часть их выжила, то это в первую очередь благодаря собственному труду и помощи местных жителей. Продовольственная проблема оставалась острой на протяжении всего военного времени.

Отдельные документальные источники отражают факты неоднозначного отношения к спецпереселенцам разных национальностей, например, спецпереселенцы польской национальности имели возможность питаться в благотворительных столовых, но это ни в коем случае не говорит о более привилегированном положении переселенцев из Польши.

В Павлодарскую область поляков вывозили в основном в ночь с 10 на 11 февраля 1940 г. (Майкаин, Баянаульский район) и с 12 на 13 апреля 1940 г. (почти по всем районам области) — всего было вывезено около 10—12 тысяч человек. Далеко не все они дожили до радостного дня возвращения на родину. Железные католические кресты на кладбищах по всей области — свидетельство их пребывания на Павлодарской земле. Многие поляки умерли в первые годы от истощения, тифа, от перенесенных в дороге тягот. Изучение данных по смертности показывает, что умирали в основном дети и старики. Возраст старшего поколения — 76, 77, 78, 90 лет; детей — от 1 до 17 месяцев. «Трудно было всем, поэтому, не задумываясь, помогали друг другу: местные жители делились молоком, маслом, сметаной» [11].

Польским спецпереселенцам становится несколько легче с 1943 г., когда был создан Союз польских патриотов, отправлявший продукты питания и средства первой необходимости для лиц, прибывших из Польши. О данных фактах свидетельствуют спецзаписки по Павлодарской области.

Управление НКВД по Павлодарской области Каз. ССР

Секретариат

7 января 1943 г.

город Павлодар

секретно

СПЕЦЗАПИСКА

«О существующих благотворительных и прочих польских заведений в Баянаульском районе»

Казахстан-Спектр Научный журнал. 2010/4 (54)

По сообщению начальника Баянаульского РОНКВД тов. Дмитриева, в Баянаульском районе созданы б/доверенным по району Хоровским и существуют сейчас 3 столовых, в каждой из которых столуется от 50 до 55 человек польских граждан, большинство из которых нигде не работают. Четыре школы, в каждой из них обучаются от 39 до 45 польских детей, обслуживает каждое из этих польских заведений 3—4 человека польских граждан.

Эти незаконно созданные благотворительные и воспитательные заведения по нарядам заготзерно в районах получают пшеницу, которую там же в районе перемалывают и таким же путем снабжаются продуктами. Так, например, в ноябре месяце они получили в районе по наряду облгаготзерно 1,5 тонны пшеницы, а в декабре месяце — 1300 килограмм.

Для деятельности этих польских благотворительных и воспитательных заведений местными властями представлены необходимые помещения.

Начальник УНКВД по Павлодарской области ст. лейтенант Госбезопасности Котышев [12].

Данные факты были далеко не единичны. «Аналогичные факты имеют место и в других районах области, в частности, в Иртышском районе польскими гражданами систематически организуются увеселительные вечера, на которых участвуют советские граждане» [13]. Далее исполком облсовета обязывает председателей исполкомов райсоветов следовать предписаниям, которые сводятся к следующим действиям:

- добровольно польским гражданам ликвидировать незаконно открытые ими учреждения;
- продажу хлеба и других товаров производить на общих основаниях, через торговую сеть;
- запретить организацию патронатов для стариков и детей, предлагая устраивать их на патронирование в семьи польских граждан;
- получаемые доверенными лицами продукты, поступающие из-за границы, выдавать на руки;
- не допускать создания питательных пунктов;
- наказать председателей райсоветов.

Надо отметить, что в Павлодарской области данные благотворительные заведения оказывали существенную роль народам, депортированным из Польши. Советское правительство неоднократно спускало указания о ликвидации этих заведений: столовых, детских яслей, школ, складов, также рекомендовалось упразднение штатов обслуживающего персонала, о чем свидетельствуют документы.

Народный Комиссариат Государственной безопасности Управление НКГБ по Павлодарской области.

19 февраля 1943 г.

совершенно секретно

Председатель обл. Совета депутатов трудящихся тов. Койчубаеву

В частности, существует нелегальный комитет, возглавляемый польским доверенным лицом Шиманской, содержит штат работников в числе 7 человек, в то время как по положению Шиманская является доверенным лицом по городу Павлодару и Павлодарскому району в одном лице.

Существует склад /перевалочная база/ с обслуживающим персоналом 11 человек, по положению должен быть только зав. складом и сторож, точно так же существует магазин с обслуживающим персоналом 2 человека, по положению не должно быть никаких магазинов.

Прошу принять меры по ликвидации польских благотворительных заведений, оставив только одно доверенное лицо и склад со штатом 2 человека.

Начальник УНКВД по Павлодарской области ст. лейтенант Госбезопасности Котышев [14].

Дальнейшее изучение архивного материала исполкома Павлодарского областного Совета депутатов трудящихся от 14 марта 1943 г. [15] «О передаче сети польских благотворительных учреждений в ведение соответствующих отделов исполкома облсовета» свидетельствует о том, что меры по данному вопросу были приняты Павлодарским областным Советом трудящихся. Данное решение ликвидирует благотворительные заведения частично. Ликвидации подлежат магазины, столовые, склады. Остальные учреждения, такие, например, как детские сады, детские дома, аптеки, дома инвалидов, берут в свое ведение соответствующие отделы исполкома облсовета: ОБЛОНО, Облздрав, Облторг, Облсобес, тем самым ограничив самостоятельность данных организаций. Относительно кадров вопрос решался в духе того времени, и заведующими назначались лица из числа советских граждан, остальные работники — по-согласованию с заместителем председателя исполкома областного Совета.

Семьи спецпереселенцев снабжались питанием нерегулярно, качество пищи неудовлетворительное. Медобслуживание желает оставлять лучшего. Среди спецпереселенцев были распространены заболевания дизентерией, чесоткой, малярией и сыпным тифом.

Документы 1941 г. и последующих лет свидетельствуют о том, что эвакуированные работали неудовлетворительно. Не все прибывающее население проходило санитарную обработку, а это бани, дезинфекция одежды и т.д., в результате чего свирепствовала вшивость, распространялись такие болезни, как корь, скарлатина, дизентерия, воспаление легких и другие заболевания. Данный перечень позволяет сделать вывод о том, что все заболевания носят инфекционный характер. Ослабленные дети и старики, имевшие простудные и другие заболевания, должным образом не осматривались, их состояние было крайне тяжелым. «Не все больные с эшелонов изолируются, в результате их болезнь обостряется и при неудовлетворительном обслуживании исход болезни кончается даже смертью» [16]. Привезенные в эшелонах больные являлись источником распространения инфекционных болезней. Отмечалась слабая работа скорой помощи. Облздрав и Горздрав до конца недооценивали важность медицинской работы и ставили под угрозу эпидемиологическое состояние области. Данное положение дел наблюдается повсеместно

на протяжении всего военного времени, от голода и инфекционных заболеваний умирали не только спецпереселенцы, но также и местное население.

Управление НКВД по Павлодарской области

12 апреля 1943 г.

секретно

Спецсообщение

«О продовольственном затруднении в Кагановичском районе»

В Кагановичском районе среди семей немцев-переселенцев имеют место случаи опухания и смертности от недоедания. Так, например, в конце марта месяца с голода умерло 4 человека: именно Геберт Горна, Вибе Зара Петровна и Вибе Елена Яковлевна, ушедший из дома в начале апреля месяца за поиском хлеба немец Вибе Петр Яковлевич не вернулся до сего времени.

В колхозе «Кзыл-жар» немцы Мартынец Елена Ивановна — 43 года, Мартынец Анганита — 73 года, Мартынец Екатерина Петровна, Геня Каролина Даниловна — 51 год и т.д. от недоедания находятся в состоянии опухания и перед смертью. В таком же состоянии находятся местная жительница Дубровская Дарья Васильевна — 36 лет и ее сын — 9 лет.

В Потинском совхозе от недоедания опухли 3 гражданки с двумя малолетними детьми.

Дирекция совхоза помощи не оказывает как прибывшим в порядке выселения, хотя они работали в совхозе [17].

В справке по основным вопросам здравоохранения в Павлодарской области раскрываются основные причины заболеваний и ее эпидемическое состояние:

«1) Область поражена сыпным тифом, имелось в 1944 г. 9685 случаев заболевания. Вспышка началась в апреле месяце 1944 г. вместе с приездом в область спецпереселенцев с Северного Кавказа» [18].

Справка: Сыпной тиф. Возбудитель — риккетсии Провацекка, переносчик инфекции — платяная, а иногда и головная вошь. Данное заболевание является следствием тяжелых нечеловеческих условий переселения.

Общее число переселенцев в Павлодарскую область в 1944 г. по районам составляло 41 363 человека. Показать процент заболеваемости по области только спецпереселенцев не имеет возможности, так как инфицированию подвергалось и местное население. Справки Облздравотдела фиксировали общие факты заболеваемости.

«Новая вспышка, началась в ноябре месяце 1944 г., которая по месяцам идет следующим образом:

ноябрь	— 489 случаев	февраль	— 280 случаев
декабрь	— 572 случая	март 1-я декада	— 99 случаев» [19].
январь 1945 г.	— 432 случая		

Анализируя данные факты, обратим внимание, что к весне заболеваемость несколько снизилась. Об этом свидетельствуют следующие цифры, показывающие наиболее пораженные районы Павлодарской области в зимние время:

	XI	XII	I	II		XI	XII	I	II
Кагановичский	21	30	45	17	Павлодарский	28	56	25	36
Цюрупинский	60	35	34	19	Бескарагайский	9	9	9	35
Михайловский	48	39	12	1	Лозовский	55	132	185	99 [20].
Иртышский	66	56	25	29					

Представленные данные позволяют сделать вывод, что на период 1944 г. в сложном положении по заболеваемости находился Лозовский район. Его уровень достиг 471 случая, тогда как в Бескарагайском он составлял 62 случая, в остальных же районах — в среднем от 100 до 176 случаев заболеваемости. Обратим внимание, что в справке по основным вопросам здравоохранения в Павлодарской области зафиксированы наиболее инфицированные районы.

Основная причина вспышек — плохая работа бань и дезинфекционных камер вследствие отсутствия топлива, скудное питание, поздняя госпитализация больных.

Большую тревогу вызывало распространение по области малярии. Так, из 14 районов и города Павлодара были наиболее инфицированы 8, что составляло 57% районов всей Павлодарской области. Этот факт рассматривался во второй части справки:

«2) Область чрезвычайно неблагоприятна по малярии. В 1944 г. имелось 12 950 случаев заболевания. Поражены следующие районы:

Иртышский	— 1747	Павлодарский	— 2035
Урлютюпский	— 987	Майский	— 718
Кагановичский	— 654	Лебяженский	— 1336
М. Горьковский	— 646	Бескарагайский	— 1162» [21].

Таким образом, общее число случаев по области составляет 9285, из них — самый высокий показатель заболеваемости малярией в Павлодарском районе, он составляет 2035.

Также в материалах об эпидемическом состоянии Павлодарской области говорится о предупреждении возможности заболевания септической ангиной. Данное заболевание возникает вследствие употребления в пищу собранного с колосьев перезимовавшего зерна. Осенью колхозы и совхозы не успевали убирать пшеницу с полей. Спецпереселенцам и местным жителям под угрозой наказания (расстрел) за посягательство на социалистическое имущество в годы войны не разрешали собирать зерна и павшие колосья. Оставшись под снегом, зерно отчасти промерзло, прорастало и было непригодно для потребления. С приходом весны спецпереселенцы употребляли пшеницу в пищу, что вызывало отравление, воспаление гортани и часто приводило к смерти.

В течение многих лет свирепствовали различные заболевания, но пик приходился на 1944—1945 гг. Среди спецпереселенцев имели место заболевания тифом, корью, в ряде мест такие кожные заболевания, как чесотка, экзема и др. Как правило, немногие могли справиться с недугом, это приводило к сокращению численности спецконтингента. Значительная часть из переселенцев погибла. Данные факты имели место быть и в послевоенное время.

19.05.1947 г.

Представление

Предварительной проверкой органами прокуратуры установлено, что в колхозе им. Чапаева Лозовского района в апреле месяце 1947 года умерло 6 человек, из них — 5 детей.

По заключению специалистов, смерть постигла от воспаления легких после кори и гриппа.

Кроме того, проверкой выявлено больных — 8 человек, из них — 7 детей, которые болеют воспалением легких после кори. В основном заболевание легких установлено среди детей спецпереселенцев Северного Кавказа вследствие того, что они не были обеспечены надлежащими квартирами.

Из проверенных восьми квартир только соответствует своему назначению одна, а семь квартир для жилья не пригодны. Площадь крайне достаточна, квартиры темные, грязные без тамбуров и т.д. [22].

Эпидемиологическая ситуация в республике складывалась неблагоприятно.

Зимний период 1943—1944 гг. в эпидемическом отношении характеризовался наличием серьезных вспышек заболеваний сыпным тифом. Основной причиной появления этой инфекции являлось крайне неудовлетворительное проведение на местах необходимых профилактических мероприятий.

Областные, городские и районные чрезвычайные комиссии слабо вели противозидемическую работу: редко собирались для осуществления контроля; не проверяли исполнения своих решений; избегали принятия чрезвычайных мер в отношении различных ведомств, не использовали своих прав в полной мере, в частности, не привлекали к строгой ответственности нарушителей своих распоряжений и постановлений. Особенно бездеятельность со стороны чрезвычайных комиссий проявлялась в вопросе работы бань, дезкамер и прачечных. Так, например, в Решении исполкома Павлодарского облсовета депутатов трудящихся от 25 октября 1944 г. отмечается: «Имеющиеся в районе бани работают от случая к случаю. Ввиду большой скученности и завшивленности спецпереселенцев, только на день проверки зарегистрировано 170 случаев заболевания тифом, малярией и другими заболеваниями. Имеется большой процент истощенных. Медпомощь больным почти не оказывается, вследствие чего по району допущена чрезвычайно высокая смертность спецпереселенцев» [23].

Анализ причин слабой работы показывает следующее: многие бани, дезкамеры и прачечные не отремонтированы, не были обеспечены в достаточной мере

топливом. Часто использовались не по прямому назначению, их превращали в подсобные помещения, столярные мастерские, хранилища зерна, курятники и т.д., оборудование бань растаскивалось и разрушалось. Под грифом «секретно» председатель Республиканской чрезвычайной полномочной противозидемической комиссии, зам. председателя Совета Народных Комиссаров Казахской ССР Т. Тажибаев в обращении к председателям областных, городских и районных чрезвычайных противозидемических комиссий подчеркивает:

«Придавая исключительное значение бесперебойной работе бань и дезкамер как важнейшему фактору в деле борьбы с сыпным тифом, решением Совнаркома КазССР и ЦК КП(б) Казахстана с 20 по 30 января сего года проводится декадник смотра готовности и обеспечения нормальной работы бань, прачечных и дезкамер в зимний и весенний периоды 1943—1944 гг.

При проведении декадника Совнарком КазССР ставит перед чрезвычайными противозидемическими комиссиями следующие задачи:

1. Выявить на месте истинное положение банно-прачечного и дезинфекционного дела.
2. В случае необходимости срочно провести ремонт бань и дезкамер, а также устранить все технические неполадки в эксплуатации их.
3. Обеспечить все бани, прачечные и дезкамеры не менее чем трехмесячным запасом топлива.
4. Обеспечить бани необходимым транспортом для подвозки воды, топлива».

Для проверки смотра банно-прачечного и дезинфекционного дела в период декадника на местах организуются комиссии с привлечением представителей общественных организаций, работников здравоохранения, народного образования и коммунального хозяйства.

Мероприятия, намеченные комиссией, должны немедленно проводиться в жизнь соответствующими организациями в обязательном порядке, и за невыполнение их виновные должны быть привлечены чрезвычайными комиссиями к строгой административной и судебной ответственности» [24].

После принятия надлежащих мер по борьбе с распространением инфекционных заболеваний ситуация была откорректирована в сторону более благополучного эпидемиологического положения. Несмотря на слабую работу эвакуационных пунктов, дезкамер, бань, санпропускники сыграли свою роль в предупреждении распространения острозаразных заболеваний среди спецпереселенцев и местного населения.

Анализ причин смертности по Павлодарской области позволяет сделать вывод, что основными заболеваниями у депортированных народов в годы Великой Отечественной войны были: брюшной тиф, корь, дизентерия, педикулез, чесотка, экзема, малярия, септическая ангина, парша, трахома. Выделим основные причины заболеваемости:

- тяжелые условия переезда на новые места;
- ненадлежащий контроль местного руководства по вопросу санитарно-эпидемического состояния области;

- недостаточное внимание со стороны райздравотделов;
- слабое медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев эвакуационных пунктов, дезкамер, бань, санпропускников;
- сложное эпидемиологическое состояние области с прибытием спецпереселенцев;
- тяжелое материально-бытовое положение, скученность;
- отсутствие систематического питания, что приводило к истощению и опуханию.

Таким образом, обеспечение продовольственного и медицинского обслуживания в период спецпоселения в Павлодарской области требовало срочного улучшения. Тяжелое положение в данном вопросе привело к униженному положению спецпереселенцев. Депортация вызвала такие последствия, которые до сих пор не преодолены и вряд ли будут преодолены. Депортированные народы выпали из процесса нормального цивилизованного развития, было прервано развитие и культуры, и созидательной истории. Люди были вырваны из нормальных условий жизни, поставлены на грань выживания. Депортация обрекла людей на низкий жизненный уровень, понизила и, в частности, вообще прекратила получение образования на уровне элементарной грамотности. Нарушились традиционные связи людей, их социальное развитие. Дети и взрослые жили и росли с чувством ущербности своего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталин И.В. Сочинения. — М., 1951—1952. — С. 296—297.
2. Сталин И.В. О политических задачах университета народов Востока. Сочинения. — М., 1951—1952. — С. 140.
3. Аркадий Герман. Депортация // *NATIONALE FRAGE*. — №36.
4. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 290. Л. 42.
5. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 353. Л. 140.
6. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 353. Л. 12.
7. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 351. Л. 49.
8. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 353. Л. 64.
9. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 412. Л. 103.
10. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 412. Л. 63.
11. Лисовская И. Далеко не все вернулись в Польшу // *Звезда Прииртышья*. — 2000, 30 мая.
12. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 244. Л. 6.
13. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 245. Л. 24.
14. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 244. Л. 23.
15. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 288. Л. 9.
16. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 176. Л. 223.
17. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 245. С. 83.
18. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 252. Л. 74.
19. Там же.
20. Там же.
21. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 252. Л. 75.
22. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 469. Л. 143.
23. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 469. Л. 396.
24. ГАПО ф. 646. О. 1. Д. 288. Л. 64.

Философия мультикультурализма и диалог культур

НИГМЕТЖАНОВ К.Г.

Мультикультурализм — концепт или даже больше политика, которая направлена на сохранение культурных различий. Известно, что мультикультурализм отличается от концепта «плавильный котел», и даже многие ученые полагают, что философия мультикультурализма возникла как реакция на философию «плавильного котла», сущность которой заключается в слиянии культурных различий, а следовательно, основной идеей «плавильного котла» является создание единой культуры. Американская концепция (США) развития культур считается реализующей себя в идее «плавильного котла». Мультикультуральная концепция, которая сегодня является преобладающей в Канаде и Австралии, развивается в контексте осуществления синтеза единства культур, но с учетом их многообразия. В странах Европы, таких, как Германия, Франция, Бельгия, Великобритания, мультикультурализм является своеобразной формой диалога культур всех народов, проживающих на этих территориях.

Проблемами мультикультурализма занимаются известные исследователи Ф.О. Радтке, С. Бенхабиб. (См., например: *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру*. — М.: Логос, 2003; Малахов В. *Скромное обаяние расизма и другие статьи*. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001; Ч. Кукарас. *Теоретические основы мультикультурализма*; У. Кимличка, Б. Барри, В.В. Миронова и мн. др.)

В России, в частности, проходил Второй европейский форум под названием «Демократия и мультикультурализм на Евростоке». Проблемы мультикультурализма рассматривались в связи с «цветными революциями», угрозой потери национальной и культурной идентичности, регулированием сбалансированной национальной политики на государственном уровне. И, разумеется, что в рамках этой проблемы не может не возникнуть проблема диалога культур, как:

- диалог национальных меньшинств;
- диалог конфессий;
- диалог элиты и массовой культуры.

Мультикультурализм и универсализм как стратегии глобального диалога культур показывают, что отчужденность коммуницирующих в той и другой версии неизбежна в силу их социального неравенства. Так, например, В. Малахов считает, что «культурный плюрализм versus мультикультурализм» [1].

Проблема мультикультурализма и глобального диалога культур является очень значимой в этом ракурсе.

Социально-философский аспект этой проблемы заключается в необходимости рассмотрения вопросов о национальной идентичности, о диалоге этносов, о диалоге культур «меньшинства» и «большинства», о диалоге мигрантов с коренным населением.

В полиэтническом и поликонфессиональном государстве, таком, как Казахстан, задача сохранения и укрепления сформировавшихся коммуникативных отношений является очень актуальной и перспективной для сохранения стабильности в государстве. Несмотря на имеющийся в нашей республике толерантный опыт взаимодействия различных этносов, проживающих территориально, все же существует насущная необходимость укреплении этого опыта. Очень часто мультикультурализм в постсоветских исследованиях интерпретируется как постинтернационализм. Поскольку сегодня слово «интернационализм» у многих ассоциируется с советским тоталитаризмом, поэтому его заменили другим термином, считают многие исследователи феномена мультикультурализма. Но это не совсем так. Несмотря на достаточно основательное наличие единства интернационализма и мультикультурализма, все же идея «единства в многообразии» была в первом случае фальсифицирована. Формирование социалистической национальной модели взаимодействия культур очень часто носило репрессивный характер. Мультикультурализм же как одна из форм глобальной интеграции более либерален к различным этносам, этосам. Феномен «Другого/Чужого» в мультикультуралистической концепции диалога культур сохраняется в процессе коммуникации. Дискурс мультикультурализма менее жесткий, более лоялен, неолиберален, одним словом, как отмечает В. Малахов, «термин “мультикультурализм”, показавшийся в конце 80-х гг., означал нечто вполне безобидное: уважение большинства к меньшинствам, равный статус разных культурных традиций, право индивидов на выбор своей идентичности...» [2]. Уже позднее мультикультурализм как идеология глобальной коммуникации выявляет себя не только с положительной стороны. Философский анализ этого направления связан в целом с философией культуры и социально-философской онтологией культуры.

Мы полагаем, что одна из задач философского анализа культуры состоит в том, чтобы предохранять культуру от забвения того, что она является частью онтологии человека. Развитие культуры, не соотносимое с предельными вопросами бытия человека, дезориентирует процесс культурного творчества, обесмысливает содержание культуры. И поэтому философия культуры способствует самосознанию культурного процесса, смыслоорганизации культуры и задает ориентиры, которые дают возможность человеку сохранять смысловые единства в эмпирическом многообразии культурных форм. Современное общество — это общество нанотехнологий, общество информационных взрывов, общество, которое действительно развивается в концепции непрерывного совершенствования технологических процессов. Произошедшие перемены после бэконовского концепта «Знание — сила» сегодня утверждают постмодернистское «Знание — власть», и с этим очень трудно поспорить. Культурные процессы стали носить информационный глобальный характер. А как быть с диалогом как проблемой информационного общества? В «сетях» интернет-лабиринта и компьютерных технологий уже труд-

но сказать, в чем задача диалога и с кем происходит диалог, то есть кто является субъектами диалога: компьютер — человек — Интернет. Безличностное общение направлено только лишь на информативность, получение информации. Человек же достигает подлинной коммуникации лишь при личностном общении. Диалог культур в эпоху глобализации связан с проблемой отчуждения, что, впрочем, было характерно для любой эпохи, любого общества. Только в информационную эпоху это отчуждение еще более усиливается. Что происходит с диалогом культур?

Он универсализируется, интернационализируется, мультикультурализируется? И то, и другое, и третье. Информационное общество открывает неограниченные возможности для изучения других культур. Но какова цель этого изучения? Заключена ли она в том, чтобы понимать и слышать Другого в Другой культуре или ее цель в престиже потребительства? Как считали многие экзистенциалисты, зачастую общение и понимание Другого строится только в контексте взаимного непонимания. Направленность на получение выгоды от диалога с Другим становится смыслом личностного общения.

Ориентация людей на престижное потребительство вместо стремления к полноте личностного развития — это не только индивидуальная проблема, но и социальная. Как правильно замечает М.В. Горчаков: «Если в мире победит идеология потребительства и лицом нового глобального мира станет безликий корпоративный служащий или конторский бюрократ, трудолюбивый и упорный на работе, развратный в личной жизни и выпавший из общественного бытия, то у этого мира не будет личности, не будет морали, не будет ничего, кроме желания бесконечного стяжательства и стремления к символическому потреблению. В таком мире воцарятся новые глобальные империи, внедряющие свои унифицированные, стандартизированные продукты в каждый дом, и жестокие и коррумпированные элиты, не имеющие своего политического образа, а лишь служащие глобальному государственному механизму, никогда не вспоминающие о простых людях» [3]. Поэтому философия пытается сказать, что проблема человека в культуре, это одновременно и проблема культуры в человеке.

Фундаментальные изменения, которые происходят с человечеством в процессе глобализации, конечно же, оказывают влияние и на каждого отдельного человека. Информационная революция превращает мир в «мировую деревню», все сферы человеческой жизни претерпевают изменения, меняются духовно-нравственные ориентиры и ценности, меняются задачи и смысл образования, межэтнические и межконфессиональные связи и отношения и т.д. И все это не может не беспокоить тех, кто считает необходимой борьбу с индексом нищеты культуры, который напрямую связан с духовными ценностями человека. Информационное общество привело и к новому пониманию диалога. Например, виртуальная модель диалога, которая уже не несет в себе смысла подлинной коммуникации, достаточно стереть базу данных виртуального друга, и уже нет ни смысла общения, ни субъекта общения. В эпоху информационного общества возникает множество проблем, одна из которых — отчуждение человека.

В 1990-е гг. человечество создало такие технологии в сфере коммуникации и транспорта, которые не могут не повлечь изменения в мировой социальной

структуре. Мало кто со временем может сказать, что его деятельность определена национальной экономикой. Вместо национальной экономики наступает глобальная.

Экономическая интеграция, однако, не влечет за собой интеграцию в сфере культуры, порождая даже ситуацию взаимного отчуждения. Негативные ориентиры рыночной экономики аплицируются на культуру.

Информация ориентирована не на знание и распредмечивание предмета, а на коммуникацию. Информационное общество отличается, прежде всего, не объемом производимого знания, а, с изменением скорости объема передачи информации, скоростью символического объема.

Тоффлер писал о трех актах индустриального общества — техносфере, социосфере, инфосфере. Потребность в соединении производственных усилий привела к изменению значения информации для эффективного функционирования индустриального общества.

Постиндустриальная цивилизация представляет собой выход за границы ведущей роли собственно-материального производства к производству форм общения как основания человеческой истории. Отсюда и увеличение значения духовности в мировой истории. Но это не значит, что все секторы современности поддерживают этот мегатренд. Уходящие в прошлое социальные структуры поддерживают идеалы общества потребительского и видят критерий демократии в массовом потреблении.

Мультикультурализм развил через свободу культур или культурную свободу две тенденции: расщепление и объединение. Преодоление культурной обособленности и, может быть, изоляции, чтобы человек мог осуществить свободный выбор своего культурного развития.

Что значит диалог культур в мультикультурализме? Культура — это и коммуникативные формы интеграции людей. Культурная идентификация определяет возможности и узнаваемых агентов общения. Не следует думать, что речь идет о взаимодействии каких-то фантомов. Возникает проблема преодоления своего и чужого врага через мультикультурализм и толерантность.

Мультикультурализм в информационную эпоху актуализирует проблему нелинейного дискурса диалога культур. Однако необходимо понимать, что мультикультурализм таит в себе опасность «забвения» национальных культур, потерю идентификации субъекта культуры. Налицо очень абстрактная неопределенная перспектива существования национальных культур в XXI-м в.

Динамика международных связей и степень диффузии мирового сообщества создали чувство уменьшения планеты. Мир и в самом деле превращается в глобальную деревню, когда события на одном конце деревни вмиг становятся известными всей деревне и предметом всеобщих обсуждений.

Благодаря глобализации, в мире формируется информационно-коммуникативное пространство культуры, в котором процессы диалога культур осуществляются уже не по тем правилам, которые существовали в традиционном и индустриальном обществах. Пространства диалога культур в прежних сообществах определялись различными локальными и региональными культурами. В условиях же

глобализации пространство взаимодействия культур предзадано, оно является как бы априорным условием взаимного диалога культур. Можно по-разному воспринимать и относиться к этому процессу, но невозможно отрицать того, что в этом информационном пространстве идет становление транснациональной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
2. Малахов В. Ностальгия по идентичности // Логос. — М., 1999. — №3. — С. 9.
3. Горчаков М.В. Филистеры глобального мира // Без темы. — 2006. — №1 (1). — С. 80.

Глобализация: роль и значение культуры для человека

АБУОВ А.Е.

Первые признаки глобализации стали появляться еще в 50-х гг. XX в. После окончания Второй мировой войны сформировался новый мировой уклад. Появились два идеологических лагеря: так называемые коммунистический, вместе со своим военным блоком (страны Варшавского договора), и капиталистический, образовавший Североатлантический альянс. Остальные страны, так называемый «третий мир», представляли собой арену, на которой проходило состязание двух враждующих лагерей, но сами они не играли существенной роли в мировых политических процессах.

Основная характеристика процесса глобализации, протекающего в современном мире — экстраполяция либерально-демократических ценностей на все регионы без исключения. Это значит, что политические, экономические, правовые и т.д. системы всех стран мира становятся идентичными и взаимозависимостью стран достигает небывалых масштабов [1]. До сих пор народы и культуры никогда не были так зависимы друг от друга. Проблемы, возникающие в любой точке мира, моментально отражаются на остальном мире. Процесс глобализации и гомогенизации приводит к созданию единого мирового сообщества, в котором формируются единые нормы, институты и культурные ценности. Появляется ощущение мира как единого места.

Процесс глобализации характеризуется следующими основными аспектами: интернационализацией, что в первую очередь выражается во взаимозависимости; либерализацией, то есть устранением торговых барьеров, мобильностью инвестиций и развитием интеграционных процессов; вестернизацией — экстраполяцией западных ценностей и технологий во все точки мира; детерриторизацией, что выражается в активности, имеющей транснациональные масштабы, и уменьшении значимости государственных границ [2].

Суть глобализации принципиально отлична: она основывается на идее выгоды и материального благополучия. Преобразование национально-государственных корпораций в транснациональные в первую очередь требует единообразного политического и правового пространства для того, чтобы обеспечить безопасность капитала. Глобализацию можно рассматривать как логический результат нового европейского либерального проекта, в основе которого лежит сциентистская парадигма европейской культуры Нового времени, наиболее рельефно проявившая

себя в конце XX в. Стремление к развитию науки и образования, а также интернациональный характер науки и техники помогли появлению новых технологий, что, в свою очередь, сделало возможным «уменьшение» мира. Не случайно, что для вооруженного современной технологией общества земля уже мала и усилия направлены на освоение космоса.

На первый взгляд, глобализация похожа на европеизацию. Но она, в сущности, отличается от нее. Европеизация как некий культурно-парадигматический процесс являла себя и в ценностной ориентации жителей ближайших к Европе регионов рассматривалась как образец правил упорядочивания жизни. Правила европейской жизни и их преимущества оказывали влияние на пограничные культуры, причем не только с помощью экономического влияния или военной силы. Примерами европеизации являются: модернизация традиционных обществ, стремление к образованности, насыщенность повседневности духом науки и техники, европейский костюм и т.д. Хотя европеизация в различной степени затронула лишь ближайшие к Западной Европе страны, а именно страны Восточной Европы и Передней Азии, в том числе и Турцию. Что же касается остального мира, то европеизацией он существенно не затронут до сих пор. Ни одна страна и культура, ни один регион мира не уклоняются от глобализации, то есть гомогенизации. Но, хотя этот процесс необратим, он имеет явных и скрытых противников. Тем не менее заинтересованная в глобализации страна не устрасится применить силу, примерами чего являются произошедшие в Югославии и Афганистане события.

Чего опасаются страны, противящиеся глобализации? Ведь глобализация в ее идеальном варианте — это искоренение нищеты, всемирный порядок, вечный мир и материальное благополучие. Какая сила заставляет человека, народы и страны отказываться от вышеуказанных благ?

Дело в том, что представители самобытных культур, осознанно или нет, чувствуют, что за экономической, политической, правовой и технологической гомогенизациями последуют и побочные эффекты, которые в первую очередь вызовут изменения их традиций, культуры и жизненного уклада. Одной из существенных потребностей человека является собственная принадлежность к чему-либо, будь то социальная группа, конфессия, политическая или сексуальная ориентация, географический ареал и др.; среди этих форм идентичности культурная идентичность является главной и всеобъемлющей; она в значительной мере определяет человеческую ментальность, психологию и жизненный уклад в целом. Надо быть апологетом «теории заговора», чтобы обвинить США в том, что они разработали такую идеологию, которая намерена уничтожить разнообразие культур и языков, сделать мир культурно однородным. Хотя необходимо отметить, что те явления, которые сопутствуют составным частям глобализации, непрямым путем вызывают изменения национальных культур.

В первую очередь это относится к национальному языку, к умалению его значения. Успешная экономическая деятельность требует осуществления своевременного информационного обмена на одном языке; и таким языком в случае глобализационных процессов является английский. Конкретный индивид, общество, этнос, первым делом самоидентифицируются с языком как со столпом

национальной культуры, поэтому пренебрежение им, даже уменьшение ареала его распространения, воспринимаются болезненно. С ценностной позиции язык не только является средством передачи сообщения, то есть средством коммуникации, но и мировоззрением и мироощущением народа — носителя этого языка, в нем зафиксирована биография нации, на нем говорили предки и он является моделью мира. Язык суть неотъемлемый признак нации: нет национальности без языка. Национальным сознанием язык воспринимается как живой организм, который требует бережного отношения и заботы. За потерей языка следует разрушение исторической наследственности, связи времен, памяти... Язык является объектом любви, он — ось национальной культуры, объект уважения, потому что родной является собственностью. Поэтому национальный язык является наиважнейшим феноменом культуры. Нет культуры без языка, языком пронизаны все феномены культуры, для культуры он — всеобъемлющ. Это означает, что язык является определяющим не только для какой-либо конкретной, отдельно существующей культурной среды, но если что-либо существует в культуре, то это имеет свое оформление в языке. Иными словами, культура существует в языке, а язык является способом существования культуры.

Также считают, что процессы глобализации обуславливают разрыв памяти. Культура суть форма исторической памяти; она — коллективная память, в которой происходит фиксация, сохранение и запоминание уклада жизни, социального и духовного опыта данного общества. Культура как память сохраняет не все, что было создано народом, носителем этой культуры, а то, что объективно оказалось ценным для нее. Если мы воспользуемся аналогией и осмыслим значение и роль памяти в реальной жизни конкретного человека, тогда нам станет более ясным и значение культурной памяти в жизни нации. Человек, теряя память, теряет и собственную биографию, собственное «Я» и индивидуальную целостность; он существует физически, но не имеет прошлого, настоящего и будущего. Он не знает, кто он, для чего существует, чего хочет и т.д. Ту роль, которую играет память в жизни индивида, в историческом бытии общества и нации исполняет культура. Культура суть форма памяти, которая передается сквозь поколения и посредством которой культурная жизнь нации сохраняет непрерывность, последовательность и единство. В биологических организмах эту функцию выполняют генетические структуры: видовые популяции определяются генетической наследственностью, которая передается по крови. Социальный же опыт людей передается последующим поколениям не по крови, а посредством культуры, и именно в этом смысле можно назвать культуру негенетической памятью [3].

Нация осознает свое единство, она имеет историческую память, посредством которой воспринимается ее прошлое в качестве основы настоящего и будущего. В национальном самосознании связь времен осмыслена как единая непрерывность, поэтому сохраняется контакт даже с далекими предками: они и их деяния перманентно присутствуют в жизни современников. Образ жизни, который определен культурой, рассматривается не просто как ординарный бытовой фактор, а как значительное завоевание, в достижение которого внесли вклад усердие и труд многих поколений.

Для национального сознания собственный жизненный уклад нации воспринимается не только как своеобразный, только ему присущий способ оформления жизни, но так же, как и превосходство по отношению к другим культурам. Для национального сознания твердость культуры и уклада жизни осмысливается как преодоление конечности. Каждый представитель нации видит преодоление собственной эмпирической конечности в бессмертии национальной культуры, где будущие поколения сохраняют уклад жизни, присущий этой культуре, как это делают современники и как это делали предки. Своеобразное чувство, которое постоянно сопутствует национальному самосознанию, сознание самобытности собственной нации и ее отличий от других наций называется национальным чувством. Представители одной нации отличаются от представителей другой физическим типом, различны и их обычаи, тип поведения и бытовые навыки. В процессе исторического развития нация вырабатывает определенные представления и ценностную ориентацию.

Общение с другой культурой лишь усиливает симпатии к собственной нации. Сознание принадлежности к нации означает, что человек связан с ней общностью характера, что судьба и культура нации влияют на него, что сама нация живет и реализуется в нем. Он воспринимает нацию частью своего «Я»; поэтому оскорбление собственной нации воспринимается как личное оскорбление, а успехи представителей своей нации и признание их другими вызывает чувства национальной гордости [4]. Человек настолько определен культурой, что изменение даже в такой незначительной сфере, какой является кулинария, кухня, стол, воспринимается весьма болезненно (вспомним историю прихода корпораций «Макдональдс» и «Кока-кола»). Надо сказать, что «макдональдизация» употребляется как синоним «глобализации», не говоря уже о тех изменениях в традициях, религии, морали, искусстве, повседневной жизни, к которым она приводит.

Очевидно, что традиционные, немодернизированные общества сильнее сопротивляются процессам глобализации, для них культура — это историческая память, что, как очевидно, воспринимается родной моделью оформления жизни.

Отказ от культуры означает разрыв памяти и, следовательно, аннулирование собственной самобытности. Непрерывность культуры для национального сознания, осознают это или нет, означает отрицание личной смерти и обоснование бессмертия. Культура предлагает своему носителю приемлемые требования к порядку поведения, ценностям и нормам, которые являются основой психического равновесия индивида. Но стоит человеку попасть в такую ситуацию, когда в его повседневности участвуют различные культурные системы и когда социальная среда требует от него действий, противоположных нормам его культуры, а часто даже и исключают ее, человек все же старается сохранить свою культурную идентичность, хотя среда и требует культурной адаптации. Создается ситуация, в которой человек или группа людей вынуждены исполнять требования различных культурных систем, которые часто противостоят друг другу и друг друга исключают. Все это обуславливает разрушение целостности сознания и приводит к внутреннему дискомфорту личности или социальной группы, что, в свою очередь, отражается на поведении, которое может быть

агрессивным и выражаться в националистических, криминальных, антиконфессиональных действиях личности, а также в депрессивном и меланхолическом настроениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1988. — С. 9.
2. Гидденс Э. Социология. — М., 1999. — С. 43.
3. Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности. — Тбилиси, 1984. — С. 36.
4. Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. — С. 206.

Рецензия

Сыроежкин К.Л. Казахстан — Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. — Алматы: КИСИ, 2010. — Книга 1: В начале пути. — 336 с.; Книга 2: В формате стратегического партнерства. — 384 с.; Книга 3: Сборник документов. — 524 с.

ЛАУМУЛИН М.Т.

Отечественное китаеведение обогатилось новой фундаментальной работой, посвященной казахстанско-китайским отношениям. Речь идет о трехтомном издании «Казахстан — Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству», написанном нашим коллегой, известным синологом профессором К.Л. Сыроежкиным и выпущенным Казахстанским институтом стратегических исследований.

В структурном плане издание состоит из трех книг. Первая книга освещает события, связанные с формированием казахстанско-китайских отношений в 1990-е гг., а также в начале нового столетия. Автор уделяет большое внимание проблемам экономического сотрудничества двух стран, а также влиянию этнического фактора на развитие двусторонних отношений. К.Л. Сыроежкин исходит из того, что усиление Китая происходило на фоне ужесточения конкуренции за углеводородные ресурсы региона и политическое влияние в нем между Западом и Россией, что лишь усложнило расклад геополитических сил в Центральной Азии и поставило государства региона перед выбором.

Вторая книга посвящена проблемам отношений между РК и КНР в формате

стратегического партнерства. Попутно автор делает экскурс в политику Китая в Центральной Азии в целом и историю отношений с другими республиками региона на двустороннем уровне. Особое внимание К.Л. Сыроежкин уделяет китайскому присутствию в Казахстане, пытаясь разоблачить популярный миф о китайской демографической экспансии и показать реальное положение дел в этой области. Оценку этих мифов и фобий поставил автор задачей своего исследования, поскольку именно с ними связаны как проблематика казахстанско-китайских отношений, так и социальное восприятие казахстанцами Китая и китайского присутствия.

И, наконец, третья книга представляет собой сборник документов по казахстанско-китайским отношениям. Следует отметить, что третий том представляет немалую ценность вследствие того, что автор не только собрал практически все документы, имеющие отношение к данной проблематике, но и ввел в оборот новые уникальные материалы, некоторые из которых приходилось переводить с китайского языка, так как в Казахстане они носят гриф секретности или доступ к ним ограничен ведомственными барьерами. Поэтому одна из задач рецензируемого

исследования — восполнить пробел, связанный с закрытостью официальной информации о характере двух- и многосторонних отношений с Китаем. В последнее время в Казахстане наметилась отчетливая тенденция роста антикитайских настроений, чем является отнюдь не усиливающееся присутствие Китая, а закрытость информации о реализуемых (и готовящихся к реализации) проектах и контрактах, особенно на межведомственном уровне.

Основная мысль работы К.Л. Сыроежкина состоит в том, что за двадцать лет был пройден путь от приграничного сотрудничества, базирующегося, главным образом, на бартерных сделках, до отношений стратегического партнерства, в основе которых лежит сотрудничество в энергетическом секторе, а также совместные проекты в несырьевых отраслях экономики. В настоящее время, по мнению автора, Казахстан уже столкнулся со всеми вызовами, проистекающими из контактов с Китаем. Серьезное влияние на региональное сотрудничество оказывали и оказывают внешние силы, выступающие в качестве конкурентов Китая. Но, как полагает автор, Китай одерживает пусть и тактические, но постоянные победы.

К.Л. Сыроежкин считает, что сложно предсказать, чью сторону примут государства Центральной Азии, которыми Китай рассматривается сегодня как вполне достойная альтернатива не только Западу, но и России.

В работе автором представлена периодизация казахстанско-китайских отношений, так как эти отношения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой прошли в своем развитии несколько четко выраженных

этапов, каждый из которых отличается своей спецификой.

Первый этап: середина — конец 1980-х гг. Этот период характеризуется оживлением советско-китайских экономических контактов и расширением связей между приграничными территориями двух государств. Главной задачей расширения торгово-экономических связей с Казахстаном Пекин считает использование его материально-технического и научного потенциала при одновременном ограничении негативного влияния тенденций национального сепаратизма на политическую обстановку в Китае и его национальных окраинах.

Второй этап: период с 1992 — по 1995 г. связан с распадом СССР и возникновением на его обломках новых независимых государств. Основная особенность данного этапа — попытка КНР, «используя благоприятный момент», решить значимые для него внешнеполитические вопросы (прежде всего, проблему границ и ограничения влияния идеологии пантюркизма, политического ислама и этнического сепаратизма на приграничные с Центральной Азией регионы Китая), а также, получив доступ к ресурсам региона, использовать их в интересах своего экономического развития.

Третий этап охватывает период с 1996 — по первую половину 2000 г. В это время в центральноазиатской политике Китая наблюдается изменение акцентов. Если сразу после распада СССР у него существовали некоторые иллюзии о возможности быстрого достижения китайского доминирования в Центральноазиатском регионе, то к концу 1990-х гг. на смену им пришли, с одной стороны, экономический рас-

чет, а с другой — геополитические интересы. Автор приходит к выводу, что в Китае пришли к заключению, что, в силу экономической и военной слабости России, перед ним открывается перспектива, не раздражая Россию и США, выступить в роли не только одного из перспективных внешнеэкономических партнеров, но и гаранта региональной безопасности, и уже через это попытаться расширить масштабы своего влияния на Центральноазиатский регион.

Четвертый этап автор условно ограничивает второй половиной 2000 — первой половиной 2005 г., когда наблюдается очередное изменение центральноазиатской политики КНР, а «первую скрипку» в регионе начинают играть вопросы обеспечения региональной безопасности. Главным элементом во внешней политике Китая в Центральной Азии в этот период стало экономическое проникновение в регион — путем создания предприятий с китайским капиталом, а также реализации (двусторонних и многосторонних — в рамках ШОС) экономических и инфраструктурных проектов с участием Китая, предоставления льготных кредитов для развития двусторонней торговли.

В этот период, отмечает ученый, Китай несколько скорректировал свою стратегию и попытался одновременно сыграть три партии: учесть интересы России и ее возможные опасения по поводу расширения китайского влияния в Центральной Азии; постараться не раздражать США, параллельно ограничивая возможности их влияния на политическую ситуацию в регионе; сыграть «свою игру» — обеспечить надежные тылы в Центральной Азии и

получить доступ к ее углеводородным и иным ресурсам, а параллельно усилить свои позиции в более значимом для него с геополитической точки зрения Азиатско-Тихоокеанском регионе. По-видимому, основная ставка была сделана на Казахстан как наиболее динамично развивающееся и обладающее значительными природными ресурсами и транзитным потенциалом государство региона. Во всяком случае, об этом свидетельствует совокупность соглашений, заключенных в этот период между Китаем и Казахстаном.

Пятый этап охватывает период со второй половины 2005 г. — по настоящее время. Специфика этого этапа заключается, во-первых, в выходе казахстанско-китайских отношений на качественно новый уровень — отношения стратегического партнерства. Во-вторых, в активизации центральноазиатской политики Китая и усилении его позиций во всех государствах региона. В-третьих, в подключении Китая к нефтегазовой «игре», ведущейся между геополитическими игроками на просторах Центральной Азии и в закреплении государств региона в качестве сырьевых придатков экономики КНР. В-четвертых, в активном кредитовании экономик государств Центральной Азии и реализации китайскими компаниями крупных проектов в нефтегазовой отрасли и в инфраструктурной сфере. Наконец, в усилении позиций Китая в мире, в особенности в 2007—2009 гг., когда ведущие мировые державы накрыла волна финансово-экономического кризиса и Китай оказался чуть ли не единственным потенциальным инвестором.

Автор глубокого убежден: все, что делалось Китаем в его отношениях со

странами Центральной Азии, прежде всего, делалось в национальных интересах Китая, главным из которых было создание благоприятных условий для экономического развития северо-западных регионов КНР, реализации стратегии превращения Китая в мировую торговую державу, а также обеспечения национальной безопасности Китая, в том числе и в плане минимизации негативных процессов, имеющих место в постсоветской Средней Азии и в Казахстане. К.Л. Сыроежкин не рассматривает политику Китая в качестве некоего «злого умысла» или попытки как-то ущемить национальные интересы государств региона. В складывающихся обстоятельствах у него просто не было иной альтернативы и он делал то, что должно.

К каким выводам приходит автор в результате своего скрупулезного и одновременно титанического анализа всех деталей двусторонних отношений? По его мнению, главный вопрос состоит в том, чего нам ждать от Китая и насколько велика опасность китайской экспансии в ближайшем будущем? Но ответить на этот вопрос однозначно ему не представляется возможным. Много будет зависеть от динамики развития Китая и его способности решать возникающие проблемы. В заключение автор большое внимание уделяет самому Китаю, его будущим политическим и социально-экономическим проблемам.

Кроме того, довольно проблематично ответить на вопрос, какова будет динамика социально-политических процессов в Центральноазиатском регионе в ближайшей и среднесрочной перспективе? Многочисленные проблемы региона ЦА в ближайшей и среднесрочной перспективе вряд

ли разрешатся. Напротив, они будут только актуализироваться, что заставит государства региона, а вместе с ними Китай и Россию как членов ШОС искать более эффективные методы для противодействия им.

К.Л. Сыроежкин считает, что единственное, что реально может остановить продвижение Китая в регион, так это активизация инвестиционной и экономической политики в нем со стороны России. В свою очередь, мы могли бы добавить активизацию со стороны Запада — США и Евросоюза, тем более что там уже пришли к осознанию этого факта (См., например: *Laruelle, M., Peyrouse, S. China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 201 p.; Рецензия // Казахстан в глобальных процессах. — Алматы: ИМЭП, 2009. — №4. — С. 156—162.*) Последние двадцать лет региональная борьба между основными геополитическими акторами велась с переменным успехом, а Китай в этой борьбе чаще держал паузу. Автор не сомневается, что ситуация сегодня кардинально изменилась и Китай начал выступать конкурентом в регионе не только Западу, но и России. Китайское присутствие в Центральной Азии, традиционно являющейся зоной влияния России, становится все заметней и осязательней.

Автор предсказывает, что в ближайшей и среднесрочной перспективе Китай и Россия, конкурируя друг с другом или объединяясь на почве противостояния Западу, будут бороться за геостратегическое пространство и стратегически важные полезные ископаемые Центральной Азии и Каспийского региона. И это обстоятельство вызывает у ученого

наибольшую тревогу. Китай является стратегическим партнером России и Казахстана, а в ближайшей перспективе, возможно, повысит до этого уровня отношения и с другими государствами Центральной Азии. А это накладывает на государства региона и Россию определенные обязательства, в том числе связанные и с уровнем экономического присутствия Китая в регионе.

Некоторые выводы автора вызывают крайний пессимизм. К.Л. Сыроежкин заставляет нас фактически признать, что противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в регион ни государства Центральной Азии, ни Россия не в состоянии. Более того, в настоящее время Китай для Центральной Азии является более значимым партнером, нежели Центральная Азия для Китая. Он обращает внимание читателей на следующий парадокс, который заключается в том, что Китай заинтересован в развитии транспортной и торговой инфраструктуры государств региона, поскольку ее неразвитость или отсутствие существенно тормозят реализацию задачи превращения Китая в глобальную торговую державу. Заинтересован он и в развитии некоторых отраслей экономики государств Центральной Азии, поскольку они призваны покрыть его растущий дефицит в сырье, материалах и товарах первичной переработки.

Автор призывает нас сделать для себя вывод и научиться использовать китайское присутствие на пользу социально-экономическому развитию Казахстана. Для этого необходимо при осуществлении любых форм сотрудничества последовательно отстаивать национальные интересы и интересы собственных граждан. Так как китай-

цы очень жестко и умело делают это в собственной стране, то и нам необходимо научиться тому же. Кроме того, без поддержки России и стран Центральной Азии Китаю затруднительно сохранить устойчивость и поступательность развития. Объективно он заинтересован в сотрудничестве, что открывает дополнительное окно возможностей как для России, так и для центральноазиатских государств.

К.Л. Сыроежкин призывает понять, что в случае с Китаем мы имеем дело не только с ведущей державой Азии, но и со страной, одной из внешнеполитических стратегий которой является постулат о «сидящей на холме мудрой обезьяне, наблюдающей борьбу двух тигров в долине». Поэтому главное, заключает автор, «после того, как тигры обессилят, не попасть в лапы этой обезьяны». С Китаем можно разговаривать на равных, но лишь тогда, когда он сам признает значимость и силу партнера по диалогу. А поскольку по отдельности государства Центральной Азии, да и Россия вряд ли смогут конкурировать с Китаем, возникает необходимость создания механизмов, позволяющих объединить усилия.

Последний вывод К.Л. Сыроежкина носит характер рекомендации: необходимо системное изучение как происходящих в Китае политических, национальных, социально-политических и идеологических процессов, так и специфики его внешней политики. К сожалению, в Казахстане отсутствует полноценная китаеведческая школа, считает автор. Позволим себе с ним не согласиться целиком, так как в своем лице и по масштабу своих работ Константин Львович как раз представляет собой целую школу.

Summary

President of RK N.A. Nazarbayev and Pressing Issues of the OSCE Development

Sultanov B.K. — Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK, Doctor of History

The article is devoted to the role of President N. Nazarbayev in the context of solution to modern problems regarding the OSCE development — authoritative international organ in

the field of global security. In this condition, initiative of the President N. Nazarbayev on holding the OSCE-CICA Forum arouses special actuality.

Role of International Organizations in Stabilization of the Situation in Afghanistan

Auelbayev B.A. — Head of Foreign Policy Research Department, the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK

The analysis of developing situation round crisis state settlement in Afghanistan, the estimations of the Afghani problem from leaders of Central Asian states as well as a role of the

international and regional structures of security and financial institutions involved in the solution of difficult conflict situations in Afghanistan are considered in the article.

The SCO Role in Settlement of the Situation in Afghanistan: Chinese Position

Izimov R.Yu. — Research Fellow of the Foreign Policy Research Department, the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK

In modern stage the military-political situation settlement in Afghanistan is one of the main problems of the international security provision system. For SCO participating states the solution to this problem is also priority goal in preserva-

tion of stability in region. The article presents the positions of the Chinese political scientists and foreign policy experts concerning participation of the SCO countries in settlements of the situation in Afghanistan.

National Interests of the Republic of Kazakhstan in Caspian

Timofeyenko L.A. — Research Fellow of the Foreign Policy Research Department, the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK

Key directions of the state policy concerning Kazakhstan sectors of Caspian Sea as well as main problem points facing Kazakhstan during realization of national priorities in Pre-Caspian are examined in the article. The urgency of the

problematic is defined by presence in the Caspian region of large supplies of hydrocarbons, favorable geopolitical location which allows to develop international transport communications and unique bioresources and recreational zones.

Religion Role in the Modern World and Kazakhstani Experience in Building of Inter-Religious Relations

Kossichenko A.G. — Chief Researcher of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK, Doctor of Philosophy, Professor

In the modern world concerning religion there has been paradoxical situation. On the one hand, the religion recognizes very important factor of the present, presidents and international organizations show respect to it, religious leaders are invited to participation in the most different forums. But on the other hand religions do not play a real

role neither in a world policy, nor at acceptance of fatal decisions for the world, in strategic plans for development of the concrete countries. According to the author, the inter-religious concord is impossible out of the consent of interethnic as there are the ethnic communities practicing those or other religions behind religions.

The World Experience of Innovative Development. Conclusion for Kazakhstan

Kalabayeva A.N. — Senior Research Fellow of the Economic Research Department, the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK, Candidate of Economics

The article presents comparative analysis of innovative activity in the developed countries of the world and in Kazakhstan based on which makes conclusion that scientific-technical activity of Kazakhstan is still not a basis

for country's economic development. That is why, nowadays Kazakhstan needs to develop effective national innovative system which will help to realize innovative breakthrough in the future.

Reform of Pension Provision in Kazakhstan: Organizational-Administrative Realities

Yespenbetova B.A. — Docent of the Finance Department, Semey State University named after Shakarim, Candidate of Economics

Organizational-administrative aspects of the of pension provisions reform are analyzed in the article. A pension provision is a part of system of social protection which gives feeling of security

to those who is on welfare, and who will. The sizes of pensions depend on level of social and economic development of this or that country, a political regime and the legislation.

Business-Education in the Post-Soviet Territory

Vodyanova G.M. — Senior Lecturer at the International Academy of Business

The business education demand during the epoch of market economy development in the post-Soviet territory, particularly in Kazakhstan, has been conditioned by quickly extending non-state sector of economy. Actually, at the end of the 21st century were successfully imposed at

each other transition process to market economy in the Post-Soviet world and also ideology of the market economy embodiment of which is possible to consider prompt distribution of the business-education.

Synergy Interaction of Public and Market Sector of Economy

Nurmanova B.Z. — Senior Lecturer of the Economic Theory Department, Kazakh National University named after al-Farabi

The article is dedicated to the structure of the modern economy. The author summarizes

all aspects of the synergy of interaction between public and market sectors.

Diasporology of Kazakhstan in the context of World Science

Kim G.N. — Chief Researcher of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK, Doctor of History, Professor

The article is devoted to the problem of Diaspora or studying of this phenomenon in a world science as historical experiment has shown, weights of new newcomers, refugees, labor immigrants and living time already long time of national minorities owing to different

circumstances can lead to interethnic intensity or to open conflicts that calls of search of ways of their prevention. In the context the special importance acquires the phenomenon of Diaspora more and more involving research interest of scientists.

Typological Variety of Political Regimes: Methodological Orientations

Buluktayev Yu.O. — Chief Researcher of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of RK, Doctor of Political Science

One of ways of ordering or organization, theoretical and empirical material on the phenomena of a political order are typology which is understood as a method of search of sustainable combinations of signs of the studied objects, allowing to distribute them on rather homogeneous groups. Really, construction of

theoretical model of modern political regimes is impossible without understanding of some complicated problems connected with definition of specificity of their structuring and dynamics, typologically characterizing objectively developed distinctions in those or other social systems.

Process of Theoretical Registration of Conservatism, its Transformation into Political Ideology

Karipov B.N. — Doctorate of the Sociology and Politology Department of the Institute for Retraining and Improvement of Professional Skills of the Moscow State University named after M. Lomonosov, Docent of the Philosophy Department of the Kokshetau State University named after Sh.Sh. Ualikhanov

The article shows that conservatism is extremely wide, multidimensional concept including set of semantic levels, some of which existed throughout development of all human civilization, and some have arisen under the influence of concrete historical events. The highest form of demonstration of this phenomenon

is presence at the heart of any civilization of the universal mechanism carrying out the functions of accumulation of experience in the form of the certain information, its transfer from present to the subsequent generations, and also perceptions of the new information and adaptation to it which can be characterized as conservative.

Activity of Kazakh Revolution Committee on Proclamation of Soviet Autonomy

Kulshanova A.A. — Docent at the Kazakh National University named after al-Farabi, Candidate of History

The article focuses on views and relations of Bolshevik leaders to the ethnic issues and realization of the rights of the former national suburbs.

Entry of the Republic of Kazakhstan into the UN Member (Historical Aspect)

Ualtayeva A.S. — Research Fellow of the Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Candidate of History

The article is devoted to the events of the Republic Kazakhstan for entering of the Republic of Kazakhstan into the United Nations in a historical retrospective, though these issues are considered in detail in the works of other researchers who

were direct participants and organizers of these processes. We will try to trace a preliminary stage based on materials of Kazakhstan President's archive for 1993, for the first time entered into a scientific turn.

Guarantee of Food and Medical Service during Special Settlement as an Example of Pavlodar Region

Tokhmetova G.M. — Senior Lecturer of the History of Kazakhstan and Foreign Countries Department, Pavlodar State Pedagogical Institute

The problems connected with the rules on the economic and labor establishment of special settlements — Kalmyks, Karachayevs, Chechens, Inrushes, Balkarians and Germans

are considered in the article. One of goals of economic and labor arrangement special settlements includes: food, medical and cultural service.

Multiculturalism Philosophy and Culture Dialog

Nigmatzhanov K.G. — Lecturer at the Pavlodar State University, Candidate of Philosophy

The author opens the value of multiculturalism phenomenon in the context of cultures dialogue. The multiculturalism phenomenon is

being interpreted in different versions and its value has also ambivalent character.

Globalization: Role and Value of Culture for Human

Abuov A.Ye. — Dean of Sport and Tourism Faculty, South Kazakhstan State University named after M.O. Auezov, Candidate of Pedagogical Science

The main characteristics of the globalization process covering the modern world is extrapolation of liberal-democratic values on all regions without an exception are considered in the article. In this regard there are problems connected on

creation of a single world community where single norms, institutes and cultural values are formed. In this context the role and value of national culture in life of the separate individual is outlined.